

Сборник «Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы *извне и изнутри*» публикуется в преддверии «Балканских чтений 14», посвященных юбилею замечательного ученого Татьяны Владимировны Цивьян. 42 балканиста из разных стран представили свои научные разработки на темы «внешнего» и «внутреннего» в балканской языковой и культурной картине мира.

9 785757 603872

14

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС

БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ 14

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС:

ВЗГЛЯД
НА БАЛКАНЫ
ИЗВНЕ и ИЗНУТРИ

ТЕЗИСЫ и МАТЕРИАЛЫ
Москва, 18–20 апреля 2017 года

Институт славяноведения РАН

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС:

ВЗГЛЯД
НА БАЛКАНЫ
ИЗВНЕ и *ИЗНУТРИ*

БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ 14
ТЕЗИСЫ И МАТЕРИАЛЫ

Москва, 18–20 апреля 2017 года

Москва 2017

УДК 81
Б 20

Редколлегия:
М.М. Макарец (отв. ред.),
И.А. Седакова, Т.В. Цивьян

**Балканский тезаурус: Взгляд на Балканы
извне и изнутри. Москва, 18–20 апреля 2017 года. –**
М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – 256 с.
(Балканские чтения 14. Тезисы и материалы.)

ISBN 978-5-7576-0387-2

В оформлении обложки использована
трехмерная мозаика Газанфера Байрама «Гнездо».

На фронтисписе фотография
Татьяны Владимировны Цивьян.
Автор: Клаудис Дрискюс

© Институт славяноведения РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Živela Tatjana

<i>Петя Асенова, С.М. Толстая, Емилија Црвенковска и Газанфер Бајрам, Ф.А. Елоева, А.А. Новик, Е. Федорова, А.В. Жугра, Ronelle Alexander, Dagmar Burkhart, Владислава Мария Вардиц, С.Б. Ильинская-Александропулу, Е.В. Падучева и А.А. Зализняк, Л.Н. Виноградова, Т.А. Михайлова и Т.А. Михайлова, Zmago Šmitek, И.А. Седакова</i>	11
Tabula gratulatoria	25

АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Н.Н. Казанский (Санкт-Петербург)</i> Поэтический текст в священной местности: отсылки к непосредственно наблюдаемому	29
<i>В.Г. Мостовая (Москва)</i> Греки и другие народы в лирике Пиндара	33
<i>Т.Ф. Теперик (Москва)</i> «Формульное» наследие в поэтике эллинистического эпоса: «Аргонавтика» Аполлония Родосского	35
<i>Л.И. Акимова (Москва)</i> Эллада глазами Павсания	40
<i>Я.Л. Забудская (Москва)</i> Рецепция аттической трагедии на Сицилии и в Южной Италии	44
<i>А.А. Евдокимова (Москва)</i> Функция прохожего в византийских надписях на Балканах	49
<i>Keiko Mitani (Tokyo)</i> Slavic versions of the Skanderbeg story: Textual relationship and narrator attitude	52

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС: ГРАММАТИКА

<i>Max Wahlström</i> (Helsinki / Zürich)	
A glass of water half full: A typological perspective on the pseudo-partitive construction in the Balkans	59
<i>П.М. Аркадьев</i> (Москва)	
Об одном незамеченном балканизме	62
<i>А.Л. Макарова</i> (Санкт-Петербург)	
Метод анкетирования в типологическом и диалектологическом исследовании (на примере анкеты для изучения <i>esse</i> -перфекта в македонских диалектах)	66
<i>Мотоки Номати</i> (Саппоро)	
О неопределенном артикле <i>idin</i> 'один' в разговорном варианте банатско-болгарского языка и степени его грамматикализации	72

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС: ЛЕКСИКА

<i>Петя Асенова</i> (София)	
Взгляд на общепалканскую лексику извне (идентичность означающих) и изнутри (расхождения означаемых)	77
<i>Ronelle Alexander</i> (Berkeley)	
Bulgarian Dialects: The View from Within and Without	91
<i>Уте Дукова</i> (Франкфурт на Майн)	
Бълг. <i>вяра</i> в контекста на опозицията свой / чужд	95
<i>Анастасия Петрова</i> (Велико-Тырново)	
Наблюдение интерпретатора над динамической сущностью языка: Балканское языковое «видение» <i>ума</i> ...	99
<i>И.А. Седакова</i> (Москва)	
Балканские слова-концепты в Болгарии (<i>мерак</i> и др.): взгляд извне и изнутри	105
<i>М.Г. Обижаева</i> (Москва)	
Словарные заметки в сербских «довуковских» грамматиках как взгляд на «свой» язык	110
<i>О.В. Чёха</i> (Москва)	
Славянизмы в обрядовой терминологии Дарнашских сел	113

<i>Helmut W. Schaller</i> (Marburg)	
Turkish and its influence on Balkan languages:	
The case of Bulgarian	115
<i>С.А. Сиднева</i> (Москва)	
Функции турцизмов в романе Мары Меймариди	
«Колдуньи Смирны»	119
<i>Владислава Вардиц</i> (Потсдам / Иена),	
<i>Кира Задоя</i> (Дюссельдорф)	
К изучению немецких заимствований	
в восточнославянских говорах Закарпатья	123

ИЗ ОПЫТА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

<i>М.М. Макарецев</i> (Москва)	
Исследователь и информанты: конфликт ожиданий	
в полевой работе в Албании	131
<i>М.С. Морозова</i> (Санкт-Петербург)	
Парадокс исследователя на Балканах:	
переключение кодов у билингвальных информантов	
при интервьюировании	137
<i>А.А. Новик</i> (Санкт-Петербург)	
Арбнечи Задара (Хорватия): взгляд изнутри и извне	144
<i>А.С. Дугушина</i> (Санкт-Петербург)	
«Женские» темы в этнографии Балкан: нужно ли	
быть «своим», чтобы говорить об интимном	149
<i>Д.В. Конёр</i> (Санкт-Петербург)	
<i>Ni, şî ni, şî ni, şî ni</i> : один «женский» текст	
из с. Карашево	153
<i>К.А. Климова</i> (Москва)	
Нарративы о происхождении Дарнашских сел	
в представлении местного греческого населения	161
<i>К.П. Трофимова</i> (Москва)	
Отчужденный «свой»: позиция маргинального	
наблюдателя в сообществе цыган-мусульман	
Македонии	164
<i>Н.Г. Голант</i> (Санкт-Петербург)	
Об употреблении румынского языка	
в общении между супругами в смешанном браке	
(лингвистические наблюдения дилетанта)	168

ТЕКСТ И СЛОВАРЬ БАЛКАНСКОГО ГОРОДА

<i>Johanna Virkkula</i> (Helsinki)	
Use of letters in Sarajevo	173
<i>Д.С. Ермолин</i> (Санкт-Петербург)	
Комшилуk в Приштине: балканское соседство и(ли) юго-ностальгия?	180
<i>Анастасия Романова</i> (Кишинев)	
Смена годонимов / смена культурных парадигм: Кишинев 1989–2017 гг.	185
<i>И.Е. Иванова</i> (Москва)	
«Тишина» балканского дома и города в «Травницкой хронике» И. Андрича	191

VARIA BALCANICA

<i>Н.С. Гусев</i> (Москва)	
Русские журналисты на Балканах в 1912–1913 гг.: в попытках разглядеть современные европейские государства	197
<i>Н.В. Злыднева</i> (Москва)	
Свое-чужое сквозь призму чужого-своего в травелоге М. Крлежи и его параллели	202
<i>Zmago Šmitek</i> (Ljubljana)	
Balkanski junak s tisoč obrazi, ki niso samo balkanski	204
<i>Ирина Антанасиевич</i> (Белград)	
Балканское vs. советское: русский взгляд (заметки на югославских плакатах периода оккупации)	211
<i>Victor Friedman</i> (Chicago)	
Self and other (свой и чужой) in the Macedonian ‘bombs’ of 2015	216
<i>Т.А. Михайлова, М.П. Одесский</i> (Москва)	
Залесье и Синегория: образ Балкан в творчестве Брэма Стокера	230
<i>Денс Диминьш</i> (Рейкьявик / Рига)	
Колониальный дискурс в романе Милена Рускова «Възвишение» – переводческие стратегии (на материале болгарского оригинала и латышского и албанского перевода)	235

<i>Ф.А. Елоева</i> (Санкт-Петербург)	
От балканского травелога к балканскому тезаурусу. Путешествие в ад у Исмаиля Кадаре и оппозиция свой / чужой у Георгия Иоанну	242
<i>Т.В. Цивьян</i> (Москва)	
От балканского травелога к балканской лингвистике ...	245

ПРИЛОЖЕНИЕ

Татьяна Владимировна Цивьян.	
Избранная библиография по балканистике за 2007–2016 гг.	251

Živela Tatjana

Татьяна Владимировна олицетворяет «взгляд извне» на балканскую проблематику. Ее научная проницательность охватывает все слои балканского мира: от первичного мировоззрения фольклора и мифологии до классической древности и произведений балканских писателей – всё это закодировано в системе языка и в структуре текста. Этот взгляд раскрывает логику поведения и ценностную систему балканского человека. То, что мы, балканцы, ощущаем интуитивно, в своих исследованиях оставаясь замкнутыми в пространстве нашего «взгляда изнутри». Татьяна Владимировной лингвистическая балканистика обязана стремлением выйти за пределы собственно лингвистических методов и применить методы смежных областей, и тем самым пользоваться всеми данными, которые приводят к проникновению в балканский менталитет и к раскрытию балканской модели мира. Таким образом, Татьяна Владимировна создала новое направление в балканистике.

На моем профессиональном пути идеи Татьяны Владимировной оказались путеводной звездой. Со времени моего первого знакомства с «Синтаксической структурой БЯС» до настоящего времени я стремилась следовать ее концепции и даже темам. Я встретила ее впервые в 1984 на Конгрессе по балканистике в Белграде. Она читала свой доклад о *Dativus ethicus* в балканских языках. Одетая в красивую вышитую блузку. И сама она – красивая и мудрая женщина из плоти и крови, а не концепция. Таня стала навсегда моим другом и единомышленником.

Сегодня я по-балкански от всего сердца хочу ей сказать:

Милая Таня,
За много години!
Për shumë vjet!
Χρόνια πολλά!
La mulți ani!

С обич: *Петя Асенова*

Дорогой Татьяне Владимировне, милой Тане – вместо поздравления – шлю свой перевод одного философского стихотворения Виславы Шимборской.

С неизменной любовью и пожеланием «дружелюбия» жизни.

Светлана Толстая

Allegro ma non troppo

Ты прекрасна, жизнь, скажу ей.
Невозможно быть настолько
рыбкой, птенчиком, зайчонком,
крошечкой и муравьишкой.

Я стараюсь угодить ей.
Заглянуть в глаза ей льстиво.
Первой кланяюсь при встрече
с выражением смиренным.

Слева к ней я подступаю,
подступаю к ней я справа.
Возношусь я от восторга,
падаю от восхищенья.

До чего же конь тот *лужный*,
до чего *лесна* малина.
Никогда б мне не поверить,
если бы не родилась я!

Не найти мне, говорю ей,
в чем могла б с тобой сравниться.
Ведь другой такой же шишки
сделать уж никто не сможет.

Восхваляю плодовитость,
и размах, и совершенство,
и к тому же – влед за ними –
чародейство, чернокнижье.

Только бы мне не обидеть,
не разгневать, не расстроить.
Добрых сто тысячелетий
угождаю ей с улыбкой.

Jesteś pięknie – mówię życiu –
bujniej już nie można było,
bardziej żabio i słowiczu,
bardziej mrówczo i nasiennie.

Staram się mu przypodobać
przypochlebić, patrzeć w oczy.
Zawsze pierwsza mu się kłaniam
z pokornym wyrazem twarzy.

Zabiegam mu drogę z lewej,
zabiegam mu drogę z prawej.
I unoszę się w zachwycie,
i upadam od podziwu.

Jaki polny jest ten konik,
jaka leśna ta jagoda –
nigdy bym nie uwierzyła,
gdybym się nie urodziła!

Nie znajduję – mówię życiu –
z czym mogłabym cię porównać.
Nikt nie zrobi drugiej szyszki
ani lepiej, ani gorzej.

Chwałę hojność, pomysłowość,
zamaszystość i dokładność,
i co jeszcze – i co dalej –
czarodziejstwo, czarnoksiężstwo.

Byle tylko nie urazić,
nie rozgniewać, nie rozpętać.
Od dobrych stu tysięcy
nadskakuje uśmiechnięta.

Трону жизнь за край листочка:
Остановится? Расслышит?
Хоть однажды, хоть на миг лишь,
К чему движется – забудет?

Szarpię życie za brzeg listka:
przystanęło? dosłyszało?
Czy na chwilę, choć raz jeden,
dokąd idzie – zapomniało?

На Татјана Владимировна, мудрата читачка на знаци

Ја запознав Татјана Владимировна во Москва, во минатиот век. Јас млад лектор по македонски јазик – таа, веќе исклучително име во науката. Кога доаѓав во Москва не можев ни да помислам дека оние големи имиња што ги знам од книгите ќе ги видам „во живо“, а уште помалку и дека некои од нив може и да ми станат пријатели. Таков беше случајот со моето запознавање со Татјана Владимировна којашто веќе на прв поглед обзема со својата топлина и харизма. Така некако, првата средба на МГУ, каде што таа беше дојдена да учи македонски јазик и да подготвува реферат за конференција во Охрид, сосема ме збунува. Растеше бројот на изненадувања: јас ќе ѝ бидам учителка на Татјана Владимировна. А таа, освен што пленеше со својата непосредност, секогаш имаше оригинални теми за истражување. Во случајот на нашето запознавање беше почнала да собира материјал за своите балканистички теми од провокативните народни приказни на раскажувачот Димо Стенковски од Пештани, собрани од драгиот проф. Вроцлавски. Голем шок беше за мене содржината на приказните – ласцивни, избобилуваа со лексика што не можам ни од далеку да ја претставам во оваа пригода. И сето тоа морав да го објаснувам. За среќа, во најкритичните моменти ускочаше за помош Рина Павловна која директно на руски ги преведуваше „критичните“ зборови.

Потоа, работите се одвиваа некако спонтано, како со Татјана Владимировна да сме биле цел живот пријателки. Бев чест гостин во домот на Спасопесковски, вистински музеј од каде што научив многу за стара Москва, за уметноста, за науката, а пред сè за човечката душа. Станавме и семејни пријатели кога мојот сопруг Газанфер Бајрам, уметник-мозаичар, дојде во Москва и многу брзо се отвори „комуникациски канал“ меѓу творецот и мудрата читачка на уметности. Таа стана наша заедничка пријателка. Дружбата продолжи и во Македонија, на нејзините, за жал, ретки посети и учества на конференции.

За мене ова познанство е вистинско просветлување. Татјана Владимировна ми покажа колку науката може да биде исклучително интересна, нестреотипна, магично привлечна. Со поканата да учествувам во „Балкански чтенија“ го „ослободи“ мојот ум од некои стеги и ме поттикна да се втурнам во нови предели на истражувањата. Со каква несигурност зачекорив меѓу тие големци, но благодарение на мојата учителка и пријателка почнав на овие собири да се чувствувам како дома.

Драга Татјана Владимировна, Ви благодарам што ме примивте во „вашето друштво“, што ми ги отворивте очите не само да го гледам Балканот, но и да го видувам, и одвнатре и однадвор. Што ме научивте дека има читање и „читање“, што ги „прочитавте“ мозаиците на Газанфер од „Првиот грев“ до „Четири елементи-Универзум“ со такво проникливо светло око, па и на овие дела им најдовте место во Вашиот балкански модел на светот.

За крај, Ви испраќаме поздрав со една имагинарна слика Impressions soleil levant, од зајдисонцето во Трпејца на бреговите на Охридското Езеро, којашто е во нашата, ако може така да се рече, „колективна меморија“.

Бидете жива, здрава и наша вечна инспирација.

Со длабок поклон,
Емилија Црвенковска и Газанфер Бајрам

*Отечество почти я ненавидел –
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с Отечеством моим
А.С. Пушкин (1817)*

Знакомство и дружба с Татьяной Владимировной Цивьян – моя ослепительная удача. Удача, впрочем, не была совершенно случайна – наше знакомство протекало по законам столь любимого ею фольклора, когда в героя влюбляются по портрету – в моем случай это были блестящие статьи Т.В. по балканистике, которые я читала, учась на албанском отделении ЛГУ поистине в незапамятные времена. Когда я увидела ее в первый раз, то поняла, что именно так себе и представляла – очень красивой и очень насмешливой.

Пушкинская цитата подходит необыкновенно – потому что, наслаждаясь ее московскими, несколько ленивыми интонациями, я мгновенно примиряюсь с душноватым и мрачноватым Отечеством – я понимаю, что Татьяна Владимировна – ее стиль, талант, красота, глубина и благородство являются продолжением и воплощением удивительного явления, которое мы называем русской культурой.

В другой стране она была бы столь же прелестна, но была бы все-таки иной.

Наверное, в другом мире жизнь ее была бы много легче – но это уже не тема для *Tabula Gratulatoria*. Тем более, что унылый стоицизм совершенно не характерен для Т.В.; она бесстрашна, но совсем не бесстрашна, она и в страдании умудряется включать окружающих в свой магический круг радости, *gioia di vita*. Источником этой радости могут быть греческие вазы, подглазурная роспись по фарфору, венская оперетта, македонский перфект, сады Адониса и одному *всесильному богу деталей* ведомо, что еще! И все это расширяет и украшает мир ее счастливых собеседников, их воистину можно назвать избранныками судьбы.

Она как-то сказала, что последние 180 лет ее предки жили в радиусе трех километров от Спасопесковского переулка. Она кровно связана с уютной, азиатской, прекрасной Москвой, со звоном колоколов удивительной белой церкви, которая сияет в вечерней мгле в окне ее волшебного эркера, именно с этой церковью, с ее мерцающей красотой и колоколами я ассоциирую Татьяну Владимировну. А еще с суровым благородством русского дворянства, еврейским *esprit* и неутолимой жаждой знаний и, наверное, толикой литовской печали, отметившей ее судьбу.

Мне неизменно хочется читать ее, видеть ее, слушать ее голос. Она особенная, это становится очевидным с первого взгляда и с первой ее строчки – эпитафия выбран очень удачно. Пушкинские строки идеально описывают «эффект Цивьян» – оттого что и петербургская *Princesse Nocturne*, Евдокия Ивановна Голицына была совершенно необыкновенной женщиной. Она увлекалась высшей математикой и метафизикой. Именно ей Пушкин посвятил оду «Вольность», а П.А. Вяземский писал о ней:

голос, произношение необыкновенно мягкое и благозвучное...
вообще красота её отзывалась чем-то пластическим, напоминавшим древнее греческое изваяние. В ней ничто не обнаруживало обдуманной озбоченности и житейской женской изворотливости и суетливости. Напротив, в ней было что-то ясное, спокойное, скорее ленивое, бесстрастное.

Татьяна Владимировна, я знаю, Вы будете опять надо мной смеяться, но, правда же – похоже?

Милая, дорогая, обожаемая Татьяна Владимировна, пожалуйста, будьте здоровы и старайтесь не печалиться. Пусть Вас хранит *Всесильный Бог деталей, всесильный Бог любви – Ягайлов и Ядвиг* – а также все великие и малые божества, о судьбе, нравах и повадках которых Вы поведали человечеству так много нового!

Ф.А.Елова

Балканы, картина мира, модель жизни: Татьяна Владимировна Цивьян

Научные работы Татьяны Владимировны Цивьян мне были известны со студенческих лет, но удовольствие познакомиться лично выпало уже на аспирантские годы – Татьяна Владимировна приезжала тогда читать лекции в Санкт-Петербург. Такие ее визиты становились всегда событием в среде как балканистов, так и исследователей, занимающихся языками, культурой, литературой народов разных регионов мира. Мне памятен наш смешной спор с Ильей Утехиным (ныне профессор, декан факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге) по поводу того, где тематика лекции была особенно обширной и феноменально интересной – в ЕУ или на филологическом факультете СПбГУ. Татьяна Владимировна Цивьян умеет заворочить аудиторию нестандартными подходами к раскрытию проблемы – в этом один из секретов ее непререкаемого научного авторитета и большой личной симпатии среди коллег.

В последующем мне довелось общаться с Татьяной Владимировной чаще – во время проведения Балканских чтений (вдохновителем и организатором которых она является до настоящего времени), различных конгрессов и круглых столов, собирающихся в Москве, а также во время защит кандидатских и докторских диссертаций, на которых она выступает в качестве оппонента (здесь хочу вспомнить докторскую защиту Фатимы Абисаловны Елоевой в Петербурге, где отзыв Татьяны Владимировны представлял собой яркое и страстное выступление лингвиста, увлеченного тематикой греческой диалектологии).

Мне очень памятны Балканские чтения, на которых Татьяна Владимировна делала доклад о романе албанского писателя Исмаила Кадаре «Кто привез Дорунтину» (в оригинале “*Kush e solli Doruntinën*”), базирующегося на сюжете Баллады о мертвом брате, распространенной в фольклоре балканских народов. Это очень непростое произведение известного мастера, неизменно пытающегося завлечь читателя в мир загадок и мистицизма. Прочтение и анализ текста Татьяной Владимировной были необыкновенно тонкими и по существу важными. У нас во время обсуждения завязалась дискуссия о метафорах, значениях, символах и скрытых смыслах этого произведения. Должен признать, что никогда в жизни и ни с кем у меня не было столь интересного обсуждения творчества Кадаре (хотя я читаю этот конкретный роман и другие сочинения автора со студентами СПбГУ на протяжении уже четверти века).

Татьяна Владимировна – удивительный знаток языков. Она не только великолепно знает новогреческий, румынский, албанский и др. (это что

касается Балкан), но легко справляется практически с любым иностранным текстом. А знание древних и новых европейских языков – это то, что просто вызывает восхищение. К большому сожалению, у нас – в научной среде (о другой я и не говорю!) – практически уже ушло то хорошее правило, когда при общении с иностранцем к нему обращаются на его языке или языке, ему хорошо знакомом. А Татьяна Владимировна виртуозно это может делать! Я с восхищением и нескрываемым обожанием наблюдаю за тем, как Татьяна Владимировна вступает в дискуссию на французском! Ведь после того, как все исследователи молодого поколения посчитали достаточным владеть английским (плюс еще избранным языком своей специальности), наблюдать такую разносторонность и рафинированную образованность – факт, исключительно редкий в наши дни...

Я знаю и маленькие секреты Татьяны Владимировны – в том числе ее увлеченность старинным фарфором. В московской квартире на Арбате (в которую мне посчастливилось быть приглашенным в гости) хозяйка показала мне свою коллекцию изделий прославленных *порцеляновых* мануфактур – отечественных и зарубежных. Хобби может многое рассказать о человеке. Коллекционирование фарфора – увлечение не только для тонких натур, но и для очень знающих и понимающих. В наше время очень сложно найти человека, который с таким бы пиететом относился к искусству мастеров прошлого, создававших хрупкие произведения искусства из каолина, кварца, полевого шпата и пластичной глины...

Совсем недавно у меня в доме был приятель-итальянец из Турина, музыкант по образованию и профессии (что уже знаково для Италии – «родины искусств»). В книжном шкафу на видном месте он увидел книгу «Лингвистические основы балканской модели мира» и закричал со свойственной всем апеннинцам экспрессией: «О! Это же Татьяна Цивьян! Я ее знаю, знаю! Мы раньше бывали с ней в одной компании! Она такой мэтр! Такой мэтр!» Я ответил: «Да! И я ее тоже знаю».

– Да не может быть! Она такой мэтр! Какой ученый! Как она знает Балканы! Как она о них рассказывает! Это грандиозно!!!

– Да, я ее знаю. И Балканы мы с ней обсуждаем. Иногда я даже с ней не согласен. И говорю открыто об этом. У нас дискуссия нередко возникает.

– Да, ладно! Что ты вообще ей можешь возразить или сказать?! Она такой мэтр! Такой мэтр! Какое счастье с ней быть знакомым!

Вообще-то этот синьор из Пьемонта прав. Быть знакомым, а еще больше – быть связанным научным общением, входить в одно сообщество с Татьяной Владимировной – это счастье. И большое удовольствие.

А.А. Новик (Санкт-Петербург)

Филология как искусство

Уходит из наших филологических собраний красота... Бесспорно, профессионализм, собранность научной мысли, эрудированность и понимание материала, – все это, очевидно, и сейчас не редкость на научных конференциях и симпозиумах. Теперь мы это продвижение исследований расценили бы как подвиг научных сотрудников, задавленных исчислением своих научных баллов, отсутствием необходимого для ученых достатка, общей бесперспективностью нашего гуманитарного существования, которое ныне, увы, становится доминантой. Воздуха не хватает. Научные будни. Без них было бы еще хуже. Этот тот хлеб, который еще остается.

Появляется воздух, неизменно наступает эмоциональное раскрепощение аудитории, когда на сцену выходит Татьяна Владимировна Цивьян. То есть любая аудитория принимает облик сцены в ее присутствии. Доклад как праздник, доклад как поэтическое действие, как художественное событие никак не умаляет научного анализа, не вытесняет из внимания слушателей заявленных строго конкретных филологических задач докладчика. Однако она умеет инсценировать преподносимый текст так, что у публики есть место для полета чувств, простор для сопереживания тому материалу, над которым она раздумывает на глазах аудитории. Она его не препарировывает, а оживляет, сопровождая пронзительно-умным проникновением в его структуру. То есть все в ее сообщениях всегда стоит на своем месте. Уместность неизменно реализуется в ее выступлениях и становится их добродетелью. Ничего дилетантского, ничего чрезмерного, все и всецело в русле академической манеры. Но есть еще что-то сверх. Я назвала бы это радостью сопричастия слушателей. Вежливостью докладчика к коллегам.

Какая польза от эмоций в научных сессиях? А польза огромная. Татьяна Владимировна привлекает внимание юных (и не очень) филологических душ к самому предмету, стимулирует, таким образом, интерес к индивидуальным способам и видам научной работы. Не лишне повторить общеизвестное. Древние помещали не только чувства, но и мысли в область сердца. И эмоции, и «мыслительные функции человека также отводились сердцу... *“Говорить в сердце” – значит, на библейском языке – думать*»¹.

Не верю, чтобы любая гуманитарная область могла бы обойтись без сопереживаний исследуемому явлению, при всем оправданном стремлении к объективизации ментального анализа. Те же области творчества, которой занимается

¹ См., например, *Беленькая Инна*. Древние архаические представления о человеческом теле в контексте фразеологии танаха // Журнал «Семь искусств», публикация 28.12.2014.

Татьяна Владимировна, тем более предполагают эту компоненту понимания как безусловную, будь то античность, средневековье или славянский ареал.

Поэтичность органически присуща личности Т.В. Цивьян. Ее собственный поэтический язык – один из инструментов ее и как исследователя, эффективно работающий для открытия закономерностей и тайн творчества изучаемого автора, механизма мифа или обряда.

Многие учатся у Татьяны Владимировны, а она иногда и не знает об этом. Учиться у нее легко: смотреть и слушать, а потом размышлять об этом. Невозможно правильно воспринимать Татьяну Владимировну вне большой культуры ее семьи, которую в самые темные времена она имела мужество в себе нести. И артистичность ее отца, известного режиссера-новатора, одного из создателей Театра имени Гоголя (тогда Театра Транспорта), и музыкальность внутреннего слуха, доставшегося от пианистки мамы, всецело ей принадлежит и питает ее Ученую музу. Когда-то в юности, в эпоху сталинских репрессий начала 50-х годов и к ужасу родных она наивно сообщила среди некоего числа слушающих, что род ее мамы, Михайловы, записан в VI части Бархатной книги. Сегодня приходится специально комментировать, что в эту часть записывались самые древние и знатные дворянские фамилии. Ей помнить об этом было естественно даже в те времена. Надо сказать, что многие представители таких семейств не только внешне (без чего нельзя было выжить), но внутренне постарались забыть о своих корнях. Татьяна Владимировна с большим достоинством всегда сохраняла в себе культуру семьи. Разумеется, как человек хорошего вкуса, не старается предать это гласности, когда говорить о таком происхождении стало модным. Но очаровательная печать ушедшей культуры чувствуется в Татьяне Владимировне, даже если человек ничего не знает ни о ней, ни о ее происхождении...

Всегда существовало мнение, что Т.В. Цивьян требовательна и строга в рецензировании и оппонировании. Ее вес и значимость вполне оправдывают такую позицию. А, на мой взгляд, Татьяна Владимировна бывает и слишком деликатна, и умеет щадить самолюбие и отдавать дань своеобразным приемам авторов.

Она всегда полна иронии и самоиронии, умеет с юмором одарить точным словом так, что запоминается навсегда. Ее спонтанная афористичность – результат постоянной работы мысли. Полагаю, она бы сейчас сказала, как говорила мне некогда: «Катя, немного подсушите текст. Уберите чрезмерность восторгов. Он от этого будет только лучше». В данном случае отказываюсь это делать.

С неизменной любовью к Вам, Татьяна Владимировна.

Ваша *Катя Федорова*

Дорогая Татьяна Владимировна!

В этот радостный день хочется пожелать Вам всего самого доброго, красивого, счастливого! В албанском языке есть слово *lumtë*, которое представляет собой форму опатива от несуществующего глагола. Этим словом говорящий выражает и свое восхищение тем, что совершил собеседник, и свою радость, и одновременно свое пожелание собеседнику быть столь же успешным в будущем.

И я хочу обратиться к Вам со словами *Ju lumtë pena!*, что приблизительно можно перевести *Благословенно перо Ваше!*

С уважением и любовью,
Альвина Жугра

Since my first days as a Balkanist I have read with great appreciation the works of the eminent Balkanist T.V. Civ'jan; I note too that I remember with particular pleasure our first meeting in person, in Belgrade in the fall of 1984. My congratulations to her on this recognition of her decades of fruitful work!

Ronelle Alexander

ŽivelaTatjana
iŽivelaTatjan
viŽivelaTatja
eviŽivelaTatj
leviŽivelaTat
aleviŽivelaTa
taleviŽivelaT

Živela, Tatjana!
Čestita: *Dagmar Burkhart*

Ангельская полуулыбка, ясный голос, спокойные движения, – такой я впервые увидела Татьяну Владимировну. Мысль о сходстве с матерью Марией (Кузьминой-Караваевой) была столь сильна, что я, не удержавшись, сказала об этом Татьяне Владимировне. Стоявшие рядом коллеги не удивились, а наоборот, поддержали меня. Татьяна Владимировна

улыбнулась: «Ну что ж, вот и ко мне прирос нимб» ... Теперь, по прошествии лет, я думаю, что в нашем наивном апокрифическом творчестве было больше правды, чем могло показаться на первый взгляд... Для тех, кто знает Татьяну Владимировну, истории о её деятельной поддержке коллег и учеников не нужны, поэтому я умолкаю и с искренней признательностью провозглашаю: «Многая лета!».

Владислава Мария Вардиц

Таня Цивьян – моя подруга с университетских лет. Никогда не забуду, как увлекла ее поэзией Кавафиса, а через нее – В.Н. Топорова... Как и я, и мой муж Мицос Александропулос подружились с семьей Топоровых, как Таня и В.Н.Т. написали замечательные работы о его творчестве. Как мы с Таней издавали Кавафиса в России. Как мне удалось организовать для нее приглашение на конференцию о Кавафисе в Александр, как мы праздновали там нашу встречу. Она – мой друг на всю жизнь. И недосягаемый образец ученого и исследователя.

София Ильинская-Александропулу

Дорогая Таня!

Поздравляем с днем рождения. Желаем всегда быть жизнерадостной, светлой, оригинальной, остроумной, полной идей и замыслов, словом, такой, какая ты есть.

С любовью,
Лена и Андрей Зализняки

Я охотно присоединяюсь к коллективному поздравлению моей давней коллеги по работе в Институте славяноведения РАН, замечательному ученому-слависту и яркой человеческой личности. Я многому научилась у Татьяны Владимировны на ее поразительно новаторских, глубоких, интересных научных исследованиях. Желаю ей неиссякаемой жизненной силы, творческой активности и наилучшего самочувствия.

Людмила Николаевна Виноградова

Сердечно поздравляю, восхищаюсь и люблю долгие годы!

Искренне,
Таня Михайлова

Присоединяюсь к маминому поздравлению!

Тоже – *Таня Михайлова*

Tatiana V. Civjan has a special place in my memories of Moscow. Not only that we met several times in the premises of the Institute of Slavic studies RAN, where I got answers and advice to many ethnological questions, but she also followed my wish and organized a meeting with academic Vladimir Nikolaevich Toporov in her hospitable Arbat home. It was a vivid, long and very rich discussion, an impressive evening.

We were real friends with her unforgettable son, Nikolai Mikhailov who was in constant touch with Slovenia. So, I vividly remember her visit of Ljubljana: a small group of Slovenian ethnologists enjoying coffee with her and Nikolai in the old part of the town, by the river, not far from the monument of our poet France Prešeren. Thank you, Tatiana, for everything you gave us, and best wishes for your 80th birthday!

Zmago Šmitek

Поздравляя Татьяну Владимировну с юбилеем, я думаю о том, как повезло балканистике и нам – ее ученикам и коллегам, балканистам всех стран – ведь объектом многих своих исследований она выбрала именно Балканы. Исследуя балканские языки и культуры, описывая их в неповторимой, легко узнаваемой стилистике, Татьяна Владимировна «извне» увидела «внутреннее», воссоздала глубинную модель мира балканцев. И мы с благодарностью пользуемся ее замечательными идеями и великолепными формулировками.

Спасибо Вам, дорогая Татьяна Владимировна!
Многая и благая лета!
Ирина Седакова

Tabula gratulatoria

К поздравлениям присоединились также:

Т.А. Агапкина
и А.Л. Топорков

Л.И. Акимова

Ольга
Александропулос

Ирина Антанасиевич

П.М. Аркадьев

О.В. Белова

Н.В. Брагинская

М.В. Валенцова

Макс Вальстрём

Владислава Вардиц

Д.Ю. Ващенко

Екатерина
Вельмезова

Йоханна Вирккула

Н.А. Волочаева
и А.Ф. Журавлев

Златка Генчева

А.А. Гипшиус

Н.Г. Голант

Н.С. Гусев

Денс Диминьш

А.С. Дугушина

Уте Дукова

А.А. Евдокимова

Ф.А. Елоева

Д.С. Ермолин

В.С. Ефимова

Я.Л. Забудская

М.В. Завьялова

Кира Задоя

Н.В. Злыднева

И.Е. Иванова

Н.Н. Казанский,
В.П. Казанскене
и М.Н. Казанская

М.Л. Кисилиер

К.А. Климова

К.А. Кожанов

Красимира Колева

Д.В. Конёр

Р.Н. Кривко

Monika Kgorrej

А.Л. Макарова

М.М. Макарцев

Mirjam Mensej

Валерий Мерлин

Кэйко Митани

Георги Мишев

М.С. Морозова

В.Г. Мостовая

К.В. Никифоров

А.А. Новик

А.А. Новохатько

Мотоки Номати

М.Г. Обижаева

Е.В. Падучева
и А.А. Зализняк

Анастасия Петрова

В.Я. Петрухин

А.А. Плотникова

Димитър Попов

Е.Г. Рабинович

Анастасия Романова

Елена Сартори

И.А. Седакова

С.А. Сиднева

С.С. Скорвид

А.Н. Соболев

Т.Ф. Теперик

К.П. Трофимова

А.В. Тунин

Е.С. Узенева

Ф.Б. Успенский
и А.Ф. Литвина

Е.С. Федорова

Виктор Фридман

Петко Христов

О.В. Чёха

Гельмут Шаллер

Габриэлла Шуберт

М.В. Ясинская

АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Н.Н. Казанский (Санкт-Петербург)

ПОЭТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ
В СВЯЩЕННОЙ МЕСТНОСТИ: ОТСЫЛКИ
К НЕПОСРЕДСТВЕННО НАБЛЮДАЕМОМУ

Надпись V–IV в. до н. э., о которой пойдет речь, была найдена в 1919 г. около города Фарсала в Фессалии на горе Харапла, где располагалось святилище нимф. Стихотворный текст с отдельными чертами фессалийского диалекта ориентирован на язык гомеровских поэм и обнаруживает продуманную структуру с приветствием всем входящим (стк. 3–4) и с прописью того, что положено делать в святилище (стк. 20–22).

Получается что-то вроде рамочной композиции, внутри которой дано описание самого святилища с перечислением почитаемых в нем божеств, описанием предметов, которые паломник не должен пропустить (например, рассмотреть внимательно *πίνακες* ‘картины’ и *ἀγάλματα* ‘статуи’. Характерно, что перед статуями и картинами упомянуты растения (*τὰ ἔμφρτα*), и тем самым перечислены основные достопримечательности, свидетельствующие об умелой заботе по организации святилища нимф. Далее сообщается о том, что нимфы сами позаботились о своем святилище, выбрав для ухода за ним «доброго мужа» – *ἄνδρα ... ἀγαθόν*.

Текст надписи по изданию Р. Вагмана¹ и мой перевод выглядят так:

Θεός
τύχ[α].
Χαίρετε τοὶ προσιόντες, ἄπας θῆλύς τε καὶ ἄρσην,
ἄνδρες τε ἠδὲ γυναῖκες ὁμῶς παῖδες τε κόραι τε,
5 χῶρον δ' εἰς ἱερὸν Νύμφαις καὶ Πανὶ καὶ Ἑρμῆι,
Ἀπόλλ<ω>νι ἄνακτι, <καὶ> Ἡρακλεῖ καὶ ἑταίραις,
Χίρωνος τ' ἄντρον καὶ Ἀσκλαπιοῦ ἠδ' Ὑγιείας·
τούτων ἐστὶ τ[ὸ δ]ῶ[μα] ἅπαν ἰαρωτά τ' ἐν αὐτῶι,
ἔμφρτα καὶ πίνακες καὶ ἀγάλματα δῶρά τε πολλ[ά].

¹ Цитируется по: *Wagman, R. S. The Cave of the Nymphs at Pharsalus: studies on a Thessalian country shrine. Boston: Brill, 2015. (= Brill studies in Greek and Roman epigraphy, Vol. 6).*

- 10 ἄνδρα δ' ἐποίησα<ν>τ' {α} ἀγαθὸν Παντάλκεα Νύμφαι
 τῶνδ' ἐπιβαινέμεναι χώρων καὶ ἐπίσκοπον εἶναι,
 ὅσπερ ταῦτ' ἐφύτευσε καὶ ἐξεπονήσατο χερσσίην,
 ἀντίδοσαν δ' αὐτῶι βίον ἄφθονον ἤματα πάντα·
 Ἡρακλέης μὲν ἔδ<ω>κ' ἰσχὺν ἀρετὴν τε κράτος τε,
 15 ὥπερ τοῦσδε λίθους τύπτων ἐπόησ' ἀναβαίνειν,
 Ἀπόλλων δὲ δίδωσι καὶ υἱὸς τοῦδε καὶ Ἑρμῆς
 αἰῶν' εἰς τὸν ἅπαντα ὑγίειαν καὶ βίον ἐσθλόν,
 Πάν δὲ γέλωτα καὶ εὐφροσύνην ὕβριν τε δικαίαν,
 Χίρων δ' αὐτῶι δῶκε σοφόν τ' ἔμεν[αι] καὶ αἰοιδόν.
 20 ἀλλὰ τύχαις ἀγαθαῖς ἀναβαίνετ[ε], θύετε πάν<τ>εσ
 εὐχέσθε, εὐφραίνεσθε· κακῶν ἐπίλησις ἀπάν<των>
 ἐνθάδ' ἔνεστ', ἀγαθῶν δὲ [δόσις] πολέμοιο τε νίκη.
 Бог.
 Удача.
 Радуйтесь все, приходя, – будь то женщина, или мужчина,
 купно мужи и жёны, и отроки, отроковицы –
 5 К нимфам в край священный входите, к Пану, Гермесу,
 И к Аполлону-владыке, Гераклу и меньшим богиням;
 Там же пещера Хирона, Асклепия и Гигиен.
 Всем им поставлен храм и священные в нем приношенья:
 Разных растений, рисунков и статуй – всего в изобилие.
 10 Нимфы назначили быть Панталкею смотрителем края
 – Мужу достойному. Он насадил растенья в округе,
 Он и возделывал всё, созидаю своими руками.
 Нимфы за это ему во все дни изобилие дали,
 Дал Геракл ему доблесть и духа крепость и силу,
 15 Чтобы он камни дробил, наверх пролагая дорогу.
 Дали ему Аполлон и сын его вместе с Гермесом
 В здравии век провести, живя достойною жизнью.
 Пан подарил ему смех и веселья уместную дерзость,
 Сделал его умелым Хирон, и он стал песнопевцем.
 20 Ну, а теперь – в добрый час! – проходите и жертвы свершайте:
 Время молитв и веселья, и всякое зло здесь забыто,
 Здесь лишь благо во всем, и даруют в войнах победу.

Имя Панталкей – в тексте представлена неслитная форма асс. sg. *Παντάλκεα*, которая сохранена и в русском переводе (слитная форма в русской передаче звучала бы как Панталк). Скорее всего номинатив должен восстанавливаться как *Παντάλκεῖς* LGPN III B, s.v. *Παντάλκης*,

хотя не полностью исключен и **Παντ-Ἀλκεύς*, ср. *Ἀλκεύς*. Первое должно склоняться по типу *-ης, -ους* в свойственной фессалийскому диалекту неслитной форме. Засвидетельствованное в эллинистическое время *Διότιμος Παντάλλου* (IG IX 2, 529, 7; 21) относится к другому типу склонения. Форма *Παντάλλης* и *C. Claudius Pantalces* в эпитафии 1–2 вв. н. э. (CIL 6, 15622) склоняются как имена на *-ης, -ου*. Имена со вторым элементом *-αλκ-* хорошо представлены в фессалийской ономастике, ср. LGPN III B, s.v. *Πολύαλκος*. Имя Панталкея слишком подходит для «дробящего камни», а обыгрывание его имени в тексте столь несомненно, что историчность Панталкея, упомянутого в стихотворной надписи, вызывает законные сомнения. В стихах подробно описывается, что именно Панталкей сделал для святилища (выступил в роли заботливого садовника, проложил тропы, по которым паломники могли бы подняться и обойти святилище). Очень живым и неожиданным является указание в тексте на раздробленные камни «вот эти», отсылающее читателя строк к тому, что он видит вокруг себя. Последний издатель текста Роберт Вагман резонно видит в этом этиологический миф, связанный с основанием святилища, а не «теологическое» введение к посещению. Панталкей за свои труды получает всевозможные дары: силу (физическую и духовную), доблесть, несокрушимое здоровье и дар достойно проводить дни своей жизни. При этом его награждают обучением у кентавра Хирона, передающего ему практические умения (*σοφία*), благодаря которым он сам становится *σοφός*, и умение слагать песни. Любопытно, что эти умения он получил от Хирона, хотя несколькими строками выше упомянут Аполлон, которому и подобало бы вручить Панталкею песенный дар. При этом Аполлон, Асклепий и Гермес дают ему здоровье и достойную жизнь; в ней присутствует и веселье, которым с Панталкеем поделился Пан. Это веселье обозначено неожиданным *δικαία ὕβρις*, воспринимаемым как правило поведения.

Перечисление божеств по три (нимфы–Пан–Гермес; Аполлон–Геракл–дружественные богини и Хирон–Асклепий–Гиги́ея), которые собственно связаны с пещерой, соответствует, по мысли Р. Вагмана, членению всей территории святилища (мн. ч. от *χωρος* в стк. 11) на открытую местность (*χωρος*), пещеру (*ἄντρον*) и храм (*δῶμα*). Как кажется, за этим делением невозможно усмотреть какое бы то ни было символическое значение. Иносказание и аллегорическое толкование появятся в греческой литературе значительно позднее, а здесь мы имеем только перечисление частей священного участка.

Как можно видеть, текст, размещенный в самом святилище, содержит несколько случаев специального дейксиса, предполагающего, что

читатель отвлечется от стихотворного текста, чтобы взглянуть на ‘вот эти камни’ (*τούσδε λίθους*), на посадки, о которых говорится, что ‘вот это он насадил’ (*ταῦτ’ ἐφύτευσε*). Такой дейксис приобщения читателя/зрителя к истории и внутреннему содержанию вида священной местности представляет собой редкий случай чтения, предусматривающего соотнесение ориентированного на язык Гомера поэтического текста с реальными деталями пейзажа, которые читатель может видеть вокруг себя здесь и сейчас.

ГРЕКИ И ДРУГИЕ НАРОДЫ В ЛИРИКЕ ПИНДАРА

В лирике Пиндара – в эпиникиях и в сохранившихся фрагментах других произведений – упоминается около 70 различных этнонимов: 49 обозначений для греков и 22 – для варваров. Этнонимы могут быть разных уровней: 1) общее обозначение этнического союза *Ἑλλάς* ‘Эллада’ и *Πανελλάς* ‘Всеэллада’ и самый общий этноним *Ἕλληνας* ‘эллин’ *Πανελλανες* ‘всеэллинцы’; 2) племенные обозначения, например, *Ἀχαιοί* ‘ахейцы’, *Δαναοί* ‘данайцы’, *Δωριεὺς* ‘дорийцы’, *Κόλχοι* ‘колхи’, *Λυδοί* ‘лидийцы’ и др. 3) племенные объединения, называемые по имени предка: *Ἡρακλεΐδαι* ‘гераклиды’ (дорийцы), *Δαρδανίδαι* ‘дарданиды’ (троянцы), 4) жители отдельных греческих государств или местности *Συρακόσιοι* ‘сиракузцы’, *Νάξιος* ‘житель Наксоса’, 5) жители городов, именуемые по прародителю: *Καδμείος* ‘кадмиец’ (фиванец), *Ἐρεχθεΐδαι* ‘ерехтиды’ (афиняне)¹.

Примечательно, что для обозначения как греческих, так и прочих народов Пиндар употребляет словосочетания «*δῆμος* / *ἔθνος* ‘народ’ + Gen. Pl.»: *δῆμον Ὑπερβωρέων* ‘народ гиперборейцев’, *ἔθνος Λοκρῶν* ‘народ локров’, или «*λαός* + определение-этноним»: *Δωριεὶ λαῶ* ‘дорийский народ’. Слово *βάρβαρος* по отношению к другим негреческим народам никогда не встречается у Пиндара, хотя в исторической прозе и драме V в. до н.э. противопоставление варваров Греции по принципу дикость – цивилизация было довольно распространенным².

Пиндар не выделяет варваров в отдельную группу, помня о том, что многие герои греческих мифов, давшие начало древним династиям, сами были негреческого происхождения, например, Лидиец Пелопс (O.1.24), и наоборот, некоторые греки в далеком прошлом были основателями царств за пределами Греции (P.9). Кроме того, разноплеменный мир объединяет не только общая история, но и почитание общих богов (P. 1.39, O. 2.83)

Расцвет поэзии Пиндара приходится на период, последовавший за Греко-Персидскими войнами, и Пиндару приходилось выступать не раз одновременно в роли поэта и дипломата для примирения враждующих сторон в родных Фивах (I.1), в Афинах (P.7), Кирене (P. 4)³. Он выступает

¹ Этнонимы отобраны по словарю [Slater 1969].

² См. например [Чепель 2010].

³ О политическом подтексте оды см. например [Athanasaki 2011].

посредником в споре Сицилийских тиранов и пишет оды как Гиерону Сиракузскому (О.1, Р.1–3), так и Ферону Акрагантскому (О.2–3).

Воспевая спортивные победы своих заказчиков, он акцентирует внимание на их удачах, в том числе политических. Так, в одной из од, посвященных Гиерону Сиракузскому (Р.1), прославляется основание Гиероном города Этны, утвердившим в ней древние дорийские законы предков. При этом Пиндар умалчивает, что Гиерон основал Этну на месте греческого ионийского города Катаны, жителей которого он переселил с побережья вглубь острова Сицилия. А вот другая победа Гиерона, одержанная им вместе с братьями, описана совершенно иначе: победа над этрусками и карфагенянами сравнивается с победой афинян при Саламине и спартанцев – у Киферона, поскольку они избавили Элладу «из-под бремени рабства» (Р.1.75). В этой ситуации Пиндар останавливается на описании несчастий, постигших врагов всей Греции.

Победители на играх уподоблены в лирике Пиндара древним героям (Nagy 1990: 175). Военные подвиги предков – мера для побед в мирной жизни, одержанных на играх в честь богов. Слава, которой награждает Пиндар своих современников, под стать славе их героических предков, что достигла тех краев, «где слышна варварская или плохо различимая речь» (I.6.24). Это единственный контекст в поэзии Пиндара, в котором встречается слово *βάρβαρος*. Пиндар разделяет для себя по значимости и близости греческие и прочие племена, но если и противопоставляет их, то не по образу жизни, а по звучанию речи.

Литература

- Athanassaki 2011 – *L. Athanassaki. Song, politics and cultural memory: Pindar's Pythian 7 and the Alcmaeonid temple of Apollo // Archaic and classical choral song: Performance, politic and dissemination / Ed. by L. Athanassaki, E. Bowie. Berlin; New York: de Gruyter, 2011. P. 235–268.*
- Nagy 1990 – *G. Nagy. Pindar's Homer: The Lyric Possession of an Epic Past. Johns Hopkins University Press, 1990.*
- Slater 1969 – *W.J. Slater. Lexicon to Pindar. Berlin: de Gruyter, 1969.*
- Чепель 2010 – *Е.Ю. Чепель. Греки, измыслившие варварские злодейства // Кентавр/Centaurus, Studia classica et mediaevalia, № 6 (Вестник РГГУ № 10 (53)/10, серия «Исторические науки», История/Studia classica et mediaevalia), 2010, с. 198–211.*

Т.Ф. Теперик (Москва)

«ФОРМУЛЬНОЕ» НАСЛЕДИЕ В ПОЭТИКЕ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ЭПОСА: «АРГОНАВТИКА»
АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО

Традиционализм античного эпоса влиял, как известно, не только на содержание произведения, но и на используемые автором художественные средства (Чистякова 2001: 146). Содержание могло подвергаться переосмыслению, в сюжете могли появиться не только мифологические, но и исторические персонажи, но набор традиционных эпических средств оставался, как правило, неизменным: это сравнения, эпитеты, сновидения, формулы (Hainsworth 1968: 15). Формулы – следствие устного происхождения греческого эпоса, однако и более поздняя, книжная поэзия, их охотно использовала. С одной стороны, в этом была дань уважения тому единственному поэту, о котором античность могла говорить, не произнося его имени: Поэта. Но в этом, несомненно, было что-то еще, иначе формулы не были бы органичны и новой эпике, уже не устной, а письменной. Правда, исследователи этого вопроса признают, что формулы тоже могли подвергаться трансформации (Hainsworth 1968: 34), но в чем именно она заключалась в каждом конкретном случае – вопрос, нуждающийся в изучении. Например, формулы, описывающие жесты в поэмах Гомера (Теперик 2013: 29), какова их судьба в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, следующей после Гомера полностью сохранившейся греческой поэме? Гомеровские жесты здесь, казалось бы, сохранены, но в какой мере сохранена их функция? Например, прикосновение к коленям – как и у Гомера, это всегда выражение мольбы, просьбы. Тем самым, этот жест не индивидуализирован, и у Гомера, и у Аполлония, он скорее – часть культуры, но не литературы, которая здесь лишь фиксировала то, что имело место в реальности.

Однако в поэмах Гомера есть и другие жесты, связанные одновременно и с ритуалом, и с чувствами персонажа, такие, например, как жест «взять за руку» (Теперик 2013: 28). Функция этого жеста в «Аргонавтике», тоже, на первый взгляд, мало чем отличается от гомеровской, где она, между тем, представлена достаточно многообразно (Теперик 2013: 34). Не только потому, что формулы, как отмечено исследователями гомеровской поэтики, обладают лексической вариативностью (Hainsworth 1968: 79), но и потому, что изображение данного жеста в различных

ситуациях¹ наделяет его разнородной семантикой, включая психологическую, хотя эта последняя в гомеровских поэмах и не доминирует.

Поскольку инновации автора «Аргонавтики» заключаются в прежде всего в психологизации эпического персонажа (Чистякова 2001: 147), судьбу гомеровской формулы у Аполлония интересно рассмотреть с этой точки зрения.

Например, при встрече главного героя, Ясона, с царицей амазонок, та предлагает ему остаться на острове, а он от этого предложения отказывается, сопровождая свои слова жестом. «К деснице ее прикоснулся рукою// и обратно в путь он пошел»² (Arg., I, 842). Жест Ясона с его словами, таким образом, диссонирует: на вербальном уровне утверждается одно, на невербальном – другое. Отвергая предложение царицы, герой своим прикосновением показывает, что не отвергнет её любви, что и произойдет в дальнейшем. То, что здесь не традиционный жест прощания, подчеркнуто и новой для такого жеста, лексемой, которой нет аналогов в формулах Гомера, в отличие от формулы движения («в путь он пошел»), которая передана традиционным формульным выражением. Во *втором* эпизоде, когда аргонавты покидают остров, роли меняются, «автором» жеста уже становится сама царица, которая прощается с Ясоном, «сжимая// руки его и струя пред разлукой с ним горькие слезы» (Arg., I, 886–887). В подлиннике однако никакого «сжатия» рук нет, использован традиционный для гомеровской формулы глагол, буквально сказано: «беря его за руки». Однако такой перевод обоснован, так как жест здесь словам не противоречит, а напротив, их усиливает.

В *третьем* эпизоде вербальное также согласуется с невербальным. На этот раз аргонавт, обвинявший ранее Ясона в преступной медлительности, успокоенный речью *deus ex machina*, с ним примиряется, и словесно, и жестом: «рукою своею руку его обхватив» (Arg., I, 1330). Здесь жест, несомненно, индикатор перемены в эмоциональном состоянии аргонавта – от неприятия ситуации – к ее приятию. В *четвертом* эпизоде показана реакция другого аргонавта на страдания встретившегося в путешествии героя, преследуемого страшными птицами. Эта реакция заключается не только в словесном обещании помощи, но и в жесте, в том, как он «берет за руку» страдальца: «сжав рукою своей удрученного старца десницу» (Arg., II, 243). Эмоциональности этого движения соответствуют слезы на глазах аргонавта, поэтому у переводчика, как и во втором эпизоде, основания усилить значение глагола также имелись.

¹ А именно, в ситуациях встречи или прощания, в радости и в горе, при предоставлении помощи и выражении сочувствия, и т.д.

² Здесь и далее перевод Г.Ф. Церетели.

В *пятом* эпизоде, где Гера убеждает Афродиту послать Эроса к Медее, с тем, чтобы возбудить её любовь к Ясону, обращает на себя внимание бытовизм и реалистичность деталей (Чистякова 2001: 157), одной из которых является прикосновение Геры к руке Афродиты: «Руки ее нежной коснулася Гера» (Arg., III, 106). Жест, как и улыбка Геры, (Arg., III, 106), являются в данном случае дополнением к ее словам, выражающим одновременно и благодарность Афродите, и сочувствие в связи с её жалобами на поведение сына. В *шестом* эпизоде Медея, страдающая от предстоящей разлуки с Ясоном, первой берет его за руку, потому что, добавляет автор, «её уже покинул стыд» (Arg., III, 1068). Как и во *втором* эпизоде, вербальное усиливается невербальным, отличие лишь в том, что расставания в итоге не произойдет, и в *седьмом* эпизоде Ясон поклянется Зевсом, что Медея станет его супругой, после чего не она его, а уже он её «берет за руку» (IV,99). Здесь, как и в других случаях, жест тесно связан с речью, являясь невербальным подтверждением истинности слов героя. Однако жест может не только дополнять, но и замещать речь, как это происходит в *восьмом* эпизоде, где Ясон, «взяв за руку» Медею, (Arg., IV,99), уводит её из дома Кирки, не произнося ни слова, после того как та, узнав о совершенном Медеей убийстве брата, отказывает ей в гостеприимстве. В данном случае жест Ясона символизирует не только его поддержку, но и разделение ответственности за совершенное преступление. В *девятом* эпизоде активная роль вновь принадлежит не герою, а героине. Здесь реализуется воля богов, согласно которой Фетида передает аргонавту послание – не медлить с отплытием, при этом также беря его за руку (Arg., IV, 852), что автор комментирует так: «ибо он ей приходился супругом» (Arg., IV, 852). Следовательно, если бы эту весть передавал кто-то иной из божественных вестников, подобное прикосновение вряд ли было возможным. В этой сцене, как и в других, жесту также сопутствует речь, обозначающая какую-то перемену, какое-то изменение, либо в самих событиях, либо в их трактовке. Это, а также тот факт, что в большинстве случаев жест связан с главным героем эпоса, несомненно, является одним из свидетельств его значимости в «Аргонавтике». Другое доказательство значимости – функция: нигде роль этого жеста не сводится, как иногда у Гомера, к ритуалу, к простому приветствию или прощанию, почти везде жесту сопутствуют слова, даже если это слова, как в эпизоде с Киркой, не непосредственного участника коммуникации, жест становится эмоциональной реакцией персонажа на эти слова.

Отличия от гомеровской формулы, состоящие в более ярко выраженной психологической семантике, опираются в «Аргонавтике» на более высокую лексическую вариативность описания, которую сопровождает разнообразие как в метрических позициях и синтаксисе, так и в мелких,

на первый взгляд, несущественных, деталях. Фиксированность содержания, по существу, состоит лишь в том, что во всех случаях один персонаж берет за руку другого. Однако для того, чтобы иметь вид формулы, этого недостаточно, поскольку глаголы употребляются, в отличие от гомеровских контекстов, разные, акценты изображения тоже различны; то речь идет лишь об одной руке, то о двух, то у руки есть уточняющий эпитет, то он отсутствует, то акцентируется эмоциональное состояние берущего за руку, то его статус, иными словами, автор стремится нигде не повториться. Если у Гомера в различных ситуациях формулы подчеркивали сходство реакции персонажей, то у Аполлония, наоборот, лексические коннотации подчеркивают различия. С одной стороны, в этих различиях реализуются художественные средства эллинистической поэтики, один из принципов которой – *пойкилия*, стремление к стилистическому, лексическому и жанровому разнообразию (Теперик 2010: 371), которое коснулось даже такого устойчивого сегмента текста как формула жеста. Поэтому у Аполлония, в отличие от, например, других формул (Рыбакова 2006: 246), она, по существу, перестаёт быть формулой, и описание данного жеста не повторяется, как это свойственно другим формулам.

Слишком разнообразны психологические ситуации: то речь идет о зарождении любовного чувства, то о его проявлении, то о его переживании, то об осознании чувства долга, то об утешении, то о проявлении ответственности, то о сострадании, то даже о проявлении родственного чувства, как в эпизоде с Фетидой, являющемся аллюзией на XXIV песнь Илиады. Однако если в «Илиаде» это традиционная формула, имеющая аналоги и в других контекстах, то у Аполлония описание жеста Фетиды аналогов не имеет, в то время как формулы с другими значениями (формулы речи, движения, моря) у него есть. Но художественные средства в описании данного жеста, лексика, метрика, синтаксис, все это не повторяется в других контекстах, что является результатом определенной художественной задачи; изображение жеста играет роль психологической детали, поэтому формульное его описание обернулось бы штампом, чего автор как раз и стремился избежать. Гомеровская Фетида передает сыну повеление богов – вернуть тело Гектора, и поскольку Ахилл страдает из-за гибели друга, её жест – это жест утешения. В «Аргонавтике» передача божественного послания обеспечит аргонавтам победу, и здесь жест Фетиды – проявление другого родственного чувства, супружеского; сходство с традицией, таким образом, лишь подчеркивает различие. Когда же Ясон клянется Меее взять ее в супруги, акцентуация этого жеста иная. Жест у Аполлония, как и у Гомера, как правило, сочетается с речью, но он гораздо более непредсказуем, невозможно спрогнозировать, с какой именно речью он будет сочетаться,

что именно он будет сопровождать, и эта непредсказуемость – также одна из черт поэтики греческого александринизма (Смыка 1971: 349). Как это связано с другими жестами, с другими формами невербального поведения, с другими мотивами «Аргонавтики», прежде всего, с мотивом плача – задача другой работы. Сейчас хотелось бы подчеркнуть особую роль жеста в «Аргонавтике», представленную в более усложненном и модифицированном в сравнении с предшествующей традицией виде. Если у Гомера в описании жеста «взять за руку» преобладают формулы, то у Аполлония усложняется функция самого жеста, увеличивается его психологическая семантика, поэтому формульный, фиксированный словесно и метрически характер описания постепенно исчезает. Новаторство автора эллинистической поэмы, таким образом, заключается в том, что он не создает, как в других случаях, на основе гомеровских формул, свои собственные, а в том, что он от самой *формулы* жеста отказывается, растворяя его описание в многочисленных разнообразных деталях. Сохранение самого жеста при отказе от формулы – реализация принципов новой поэтики, поэтики психологизма, впервые в эпической поэзии представленной именно у Аполлония Родосского в его поэме «Аргонавтика».

Литература

- Рыбакова 2006 – *И.В. Рыбакова*. О роли формул в «Аргонавтике» Аполлония Родосского. // Индоевропейское языкознание и классическая филология – X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. СПб., 2006. С. 244–246.
- Смыка 1971 – *О.В. Смыка*. О композиции «Аргонавтики» Аполлония Родосского // Вопросы классической филологии. Вып. III–IV. М., 1071. С. 344–364.
- Теперик 2010 – *Т.Ф. Теперик*. Художественная роль экскурсов в «Аргонавтике» Аполлония Родосского // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV. Чтения памяти И. М. Тронского. СПб., 2010. С. 360–372.
- Теперик 2013 – *Т.Ф. Теперик*. Гомеровский психологизм с точки зрения невербальной семиотики. // Литература XX – XXI веков: итоги и перспективы изучения. Материалы одиннадцатых Андреевских чтений / Под редакцией Н.Т. Пахсарьян. М, 2013. С. 28–35.
- Чистякова 2001 – *Н.А. Чистякова*. Сказание об аргонавтах, его история и поэма «Аргонавтика» Аполлония Родосского // Аполлоний Родосский. Аргонавтика. М., 2001. С. 141–172.
- Hainsworth 1968 – *J.V. Hainsworth*. The flexibility of the Homeric formula. Oxford, 1968.

Л.И. Акимова (Москва)

ЭЛЛАДА ГЛАЗАМИ ПАВСАНИЯ

Павсаний (110–180) – малоазийский грек из Лидии (V.13.4), писатель и путешественник II века, живший во время правления римских императоров из династии Антонинов. «Описание Эллады» (Павсаний 1994) изложено на древнегреческом языке, но вряд ли можно говорить о том, что Павсаний видит Грецию *изнутри*; в равной мере он видит ее и *извне* – как нечто цельное, свершившее свою историческую роль и отдалившееся на полтысячи лет от времен своего заката.

В книге Павсания 10 глав, в которых повествуется о 9 областях. Давно замечено, что автор многое «упустил»: нет у него ни Крита, ни всей Ионии и малоазийской Греции, ни Южной Италии и Сицилии, ни даже Фессалии с Македонией. Взгляд Павсания сосредоточен исключительно на области на юг от Пелиона и Оссы – именно ее он и считает «всей Грецией» (I.26.5). Его труд открывается «Аттикой» (I), за которой следуют «Коринф» (II), «Лаконика» (III), «Мессения» (IV), а далее идут две «Элиды» (V и VI) и за ними «Ахайя» (VII), «Аркадия» (VIII), «Беотия» (IX) и «Фокида» (X). Таким образом, выстраивается симметрично-геральдический каркас, напоминающий греческий фронто́н: два угла по сторонам центральной оси. Углы соотносятся с «Аттикой» и «Фокидой», а усиленный центр – с «Элидой». Павсаний начинает с одного «угла», с обозрения Аттики – знаменитейшей области Греции, ее культурного, духовного и религиозного центра. Посередине стоит «мирская» Элида с Олимпией – важнейшим общеэллинским святилищем с массой жертвенников богам и героям, с множеством памятников выдающимся атлетам, чей героизм прославил разные центры Эллады. Заканчивает книгу другой «угол» – «священная» Фокида с ее Дельфами, Пифией и тайной Аполлона-Диониса.

Реальный маршрут не вполне совпадает с концептуальной идеей. Павсаний прибывает в Аттику *морем*, *выходя на сушу* в Пирее (I.1.2). Первый объект внимания автора – *могила* Фемистокла (I.1.2), превратившего Пирей из сельского района в порт. Из Аттики Павсаний следует в Пелопоннес, но после Элиды посещает еще две пелопоннесские области – Ахайю и Аркадию. И только потом, прерывая путь, вдруг отправляется снова в Среднюю Грецию, завершая маршрут Беотией и Фокидой. Беотия связана с Аттикой соседством (IX.1.1), почему и выстроен блок из трех областей (Аттика, Беотия, Фокида). Они соединяют «конец с началом», замыкая всю

линию путешествия в круг – схематический образ змеи, кусающей свой хвост. Тем самым Аттика с ее сравнительно молодым, земледельческим Элевсином приобщается к мощным сакральным центрам Эллады – здесь и беотийский Кабирион (IX.25.5–7), и таинственная пещера Трофония в Лебадии (IX.39.4–5), и дельфийский оракул (X.5.3 сл., X.12.1 сл.). Заканчивается «Описание Эллады» *спуском к морю* – историей Навпакта (IX.38.5 сл.), руинами храма Асклепия и счастливым исцелением его основателя Фалисия от слепоты – благодаря поэтессе Аните, передавшей ему от бога восковую табличку (IX.38.7), за что ей было уплачено *золотом* две тысячи статеров. Целительство, золото и божество-спаситель намекают на образ *восходящего солнца*. Таким образом, Балканская Греция словно является из моря и затем вновь погружается в него. Она – как *космический* остров, выплывающий из *хаотических* вод.

Ее бытие во времени отражено в истории многочисленных внутренних и внешних войн, изгнаний коренных жителей с их территорий, переселений на новые места. Наиболее часто упоминаются события начиная с эпохи Александра и кончая временем римских императоров I века нашей эры (см.: Никитюк 1996. 20–40; Старкова 2011. 255–261); особое место у Павсания занимает Мессения, древние памятники которой упомянуты весьма кратко. О современных ему делах Павсаний почти ничего не говорит. История строится на персоналиях – на многочисленных именах, за которыми выстраиваются длинные цепи *родословных* (ср. II.3.3; I.19.11; IV.4.2 др.). Мощные генеалогические ряды пронизывают все слои истории Балканской Греции; одиночных фигур не бывает, они выступают с упоминанием предков – по 4–5, иногда по 11 поколений, обычно отсчет идет по *мужской линии*. Все имена творцов – мужские: политики, ваятели, художники, риторы, поэты. Весь цвет интеллектуальной элиты – мужской, хотя изредка встречаются и героини-женщины (ср. Телесиллу – II.20.8). Исходными *родителями* выступают боги и герои, так что вся история Эллады каркасно «прошита» божественно-героическим смыслом.

Она слагается из суммы историй отдельных местностей. Но нет героев, жестко закрепленных за одной территорией. Они, как фиванка Алкмена, умершая на пути из Аргоса в Фивы (I.41.1) и погребенная, по оракулу, в Мегаре, или мегарец Нис, нашедший упокоение в Афинах (I.19.5), или дочери Пелия из Иолка, умертвившие по наущению Медеи своего отца и бежавшие в Мантинию (VIII.11.2), перемещаются в пространстве и времени, соединяя разные локусы в сложное целое. За их могилы и памятники борются города и местности, стремясь приобщить знаменитые имена к своей локальной истории. Древняя Греция – страна *дорог*, многочисленных путей коммуникации между отдельными городами, областями,

селениями. Павсаний ходит древними путями, внимательно обозначая пункты достопримечательностей: сколько стадий от моря, сколько – от того или иного объекта до следующего: все пройдено, все измерено. Это страна обжитая, пронизанная сакральными эллинскими знаками.

Каждая пядь земли освящена чьим-то именем, с каждым холмом или камнем что-то случалось в прошлом – ср. камень, которым Теламон и Пелей убили Фока (II.29.7); три десятка камней с именами богов в Фарах (VII.22.3); ср. Петрому – два огромных камня в святилище Деметры в Фенеях, между которыми хранились таблички с уставом мистерий (VIII.14.8). Каждая птица – это или бог, как, например, Зевс-кукушка (II.17.4), Гера-павлин (II.17.6), или бывший человек, с которым произошло роковое событие, как с соловьем, ласточкой и удоком – Прокной, Филомелой и Тереем (I.41.8). Чуть не с каждым деревом связана важная история – ср. иву, под которой родилась на Самосе Гера и которая росла там еще при Павсании (VII.4.4); платан, под которым родилась Лернейская Гидра (II.37.4); «оливу прекрасных венков» за храмом Зевса в Олимпии (V.14.3); большой кедр в аркадском Орхомене с ксоаном Артемиды Кедреатис (VIII.13.2). Примечательны неприкосновенные «Девы»-кипарисы вокруг могилы Алкмеона в Псофиде (VIII.24.4) и маслина «рахос» в Трезене, из-за которой разбился Ипполит (II.32.8). Все реки – это превращенные люди: таковы Алфей и Аретуза (V.7.2), Селемн (VII.23.1). Перед нами развернутый *сакральный пейзаж*.

Греция, которую видит Павсаний, – *музей* под открытым небом, и одновременно – *мавзолей*. Бесчисленное множество могил тех, кто создавал историю Эллады, располагается вдоль всех дорог. Однако некрополь – лишь основа величия Эллады; над ним высится гораздо более мощный культурный слой – сотни святилищ, тысячи храмов и всевозможных зданий вроде портиков, лесх, бульвартиев, пританеев, а также статуй, претворивших Элладу в страну *искусства*. Павсаний – и историк, и краевед, и антиквар, и путешественник, но преимущественно – искусствовед. Он – кладезь знаний о мастерах и школах, внимательно изучивший многочисленные надписи на статуях и проводивший свой сравнительный анализ стилей (например, сопоставляя данные о жизни ваятелей Оната, Гегия и Агелада – VIII.42.2). Благодаря ему сохранились описания многих ценных памятников и имена сотен греческих творцов.

Этот эллинский мир давно перестал жить. Что-то продолжало строиться, что-то – переделываться и подновляться, порой рядом с заброшенными городами на высоких акрополях типа фенейского (ср. VIII.14.4) возникали новые, у подножий (ср. Фурии – IV.31.2; аркадский Орхомен – VIII.11.2). У храмов обрушивались кровли, ветшали стены, статуи покрывались

трещинами или вовсе исчезали (медные статуи Афины в Галиарте – I.27.7; ср. I.44.4; II.10.2). Некоторые пострадали от людей, как храм Аполлона близ Коринфа, сожженный сыном Ахилла Пирром (II.5.4), но большинство – от времени. Исчезли с лица земли и целые города: коринфская Галика (II.34.3); ахайская Гелика с высшей святыней ионян – храмом Посейдона Геликония (VII.24.3); аркадские Зойтия, Парория, Гипсунт, Фирей (VIII.35.6) или лежавший в руинах во время Павсания самый молодой и блестящий эллинский город – Мегалополь (VIII.33.1). «Все они по воле божества стали ничем» (VIII.33.3). Павсаний – один из первых *живописцев руин*. Руины фактически соответствуют духовному закату Эллады, которая после Филопемена из Мегалополя (253–183 до н.э.), стратега Ахейского союза, «уже перестала быть матерью героев» (VIII.52.1).

В своем уникальном труде Павсаний суммировал знания, переданные ему многими местными *экзегетами* – краеведами, людьми, неравнодушными к своей истории, к своей земле (ср. I.1.4; I.41.2; I.42.4; II.23.6; V.6.4; VI.24.7). Таких экзегетов было множество уже во времена Гомера, есть они в Греции и сейчас.

К своей Элладе Павсаний относится трепетно. В каждом слове, в каждом разысканном факте, в ссылках на Гомера и других авторитетов – очевидна любовь, и все повсюду связано нитями этой незримой любви эллина к его родине. Он не поклонник местничества, страна для него – едина (ср. VIII.52.1). Павсаний при Элладе – как сын при матери. Он рассказал о ней, о ее судьбе и духовном величии все, что сумел узнать и понять на собственном опыте. Неизреченной осталась только *тайна* Матери, скрытая в мистериях (ср. II.3.4; IV.33.5; VII.17.5; VIII.37.6) и не подлежавшая разглашению непосвященным, непричастным к греческому миру в его сокровенных мыслях о смерти и жизни.

Литература

- Никитюк 1996 – *Е.В. Никитюк*. Историко-антикварное сочинение Павсания в русле так называемого греческого возрождения. Вступительная статья к изданию: Павсаний. Описание Эллады. / Пер. С.П. Кондратьева. Научная редакция Е.В. Никитюк. СПб., 1996. С. 20–40.
- Павсаний 1994 – Павсаний. Описание Эллады. Перевод и вступительная статья С.П. Кондратьева. Т. 1–2. М., 1994.
- Старкова 2011 – *Н.Ю. Старкова*. Литературный текст и исторические контексты в «Описании Эллады» Павсания: Спарта и Пелопоннесский союз // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 255–261.

Я.Л. Забудская (Москва)

РЕЦЕПЦИЯ АТТИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ НА СИЦИЛИИ И В ЮЖНОЙ ИТАЛИИ

Традиционно при изучении античной культуры классического периода юг Италии и Сицилия рассматриваются как один из элементов греческого мира; однако нельзя не отметить попытки, особенно среди итальянских ученых, продемонстрировать особую роль Юга Италии в греческой культуре (из последних см. Rossignoli 2003). Применительно к нашей теме вопрос может быть поставлен следующим образом: является ли южноиталийская модификация драмы особой жанровой формой или она лишь воспроизводит аттический образец?

Концепция формирования театра именно в Аттике заставляет рассматривать театральные традиции других полисов как вторичные. Считается также, что распространение трагедии за пределы Аттики начинается в IV в. Сицилия и Южная Италия, однако, опережают эту тенденцию на целый век. Свидетельства знакомства с текстами классических драм и одновременно отличия от них указывают, что именно на Сицилии зародилась практика репостановок, и, возможно, системной она стала тоже именно там, а Афины лишь переняли ее в конце V в. При этом взаимосвязи аттической и италийской драмы показывают не механическое воспроизведение, а сложные традиции взаимодействия, выразившиеся в трансформации форм аттической трагедии. Мы полагаем, что подобные трансформации можно назвать рецепцией, то есть усвоением сюжета и формы литературного произведения и перенесением его на новую почву, в новые эстетические рамки с видоизменениями, продиктованными особенностями воспринимающей культуры. Это рецепция, безусловно, внутрикультурная и практически синхронная, однако те изменения, которым подвергся жанр аттической трагедии в Великой Греции, показывают, что именно здесь было положено начало отстранению трагедии от ее аттических истоков.

В рецепции афинской драмы на Сицилии и в Южной Италии можно определить три направления.

Начало распространения трагедии за пределы Аттики было положено Эсхилом. По античным свидетельствам, Эсхил ездил на Сицилию дважды, возможно, трижды (первый визит – по приглашению Гиерона: постановка «Персов» между 472 и 467 гг. до н.э.; второй визит – в Гелу

после постановки «Орестей» в Афинах в 458 г.; сроки и возможность третьего визита для постановки «Этнеянок» являются предметом дискуссий (Herington 1967: 76; Bosher 2012: 103).

Обе драмы («Персы» и «Этнеянки») интересны и художественно и политически – в случае с «Персами» мы видим постановку уже прославленной трагедии, отличающейся актуальностью сюжета. Вот только на сицилийской почве эта актуальность совсем иного рода, чем на аттической: это не просто осмысление победы, а осознание и засвидетельствование всегреческой идентичности: сицилийские «Персы», как считается, были приурочены к празднованию победы в 480 г. над карфагенянами, пришедшими на помощь тирану Акраганта, воевавшему с Сиракузами (Scodel 2001).

«Этнеянки» – это пример локальной во всех смыслах драмы: они написаны по специальному поводу (основание поселения Этна Гиероном) и на локальный сюжет (в основу был положен культ местных божеств – Паликов; в своей трагедии Эсхил присоединяет автохтонный культ Паликов к греческой мифологической традиции, объясняет само имя божеств на греческий лад (*Παλικοί* «второй раз рожденные», «вышедшие обратно (из подземного мира)» от *πάλιν* ‘назад, снова’). Драматический сюжет выступает здесь как культурное обоснование колонизации и последующих культурных связей.

Не менее важным, чем идеологический, оказывается и аспект технический: во-первых, нет свидетельств о соблюдении в этих постановках трилогического принципа – то есть трагедия оказывается вырванной из ритуального контекста, который еще долго, хотя и формально, будет сопровождать ее в Аттике. Во-вторых, «Этнеянки» дают нам пример специфического хронотопа, осложненного неоднократной сменой места: если верить ипотезе (Lobel, P. Oxy., vol. 20, №. 2257, fr. 1), действие охватывает сразу пять областей Сицилии. Наконец, в обеих драмах очевидно развитие сценической вертикали (Палики – подземные боги, выходящие из-под земли, о чем свидетельствуют фрагменты текста; появление тени Дария в «Персах»), предполагающее сложную сценографию. Очевидно, что эти элементы сюжета схожи и предполагают использование подземного хода, прообраза «ступеней Харона» (Pollux, *Onomasticon* iv, 132) в театрах эпохи эллинизма. Все это является подтверждением, пусть косвенным, давнего предположения, что «Персы» были впервые поставлены именно на Сицилии и уже затем, в переделанном виде, включены в Афинах в состав трилогии о Финее и Главке Потнийском (Garvie 2009).

В любом случае и «Этнеянки», и «Персы» представляли собой драму экспериментальную и содержали инновации, отличавшие их от драмы,

сформировавшейся на тот момент в Аттике. Рецепция здесь заключается в изменении идеологических, технических и даже, в каком-то смысле, жанровых установок.

Вторым этапом во взаимоотношениях аттической и италийской драматической традиции является рецепция драм Еврипида. Здесь тоже в первую очередь речь идет о репостановках или, возможно, специально написанных для Великой Греции драмах: упоминание южноиталийской топонимики может означать соответствующую постановку драмы («Троянки» 220–229, «Электра» 1347–53, «Циклоп», где действие происходит рядом с Этной, что не соответствует Гомеру (Easterling 1994: 79–80)). Это подтверждается и изображением на вазе «Циклоп» (British Museum 1947.7–14.8; LIMC (Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae) ‘Kyklops’ рис. 27), соответствующим сюжету именно Еврипида, а не Гомера (Allan 2001: 71).

Последнее обстоятельство указывает на еще один аспект рецепции греческой трагедии в Южной Италии – вазопись. Вазы с «театральными» мотивами являются подтверждением популярности драм Еврипида в этой области греческого мира с конца V в. до н.э. Факт южноиталийского происхождения большинства vaz с театральными, и в частности с трагическими, сюжетами, нужно отметить особо. В Южной Италии формируется особая жанровая разновидность вазовой росписи – особый локальный «театральный» стиль. Театральное происхождение изображения маркируется сразу несколькими способами: особые костюмы и обувь (пестрая одежда с рукавами, восточные шапки, сапожки-котурны), изображение архитектурных элементов (окна, дверь, колонны, арка, символизирующая пещеру), но главное – сюжет, соответствующий именно драматической интерпретации, а не просто мифу («Герakлиды», ваза из Лукании (Museo Nazionale della Siritide, Policoro; LIMC ‘Herakleidae’ рис. 2), «Медея» из Полигоро (Museo Nazionale della Siritide, Policoro; LIMC Medeia рис. 35) и музея Кливленда (Cleveland Museum of Art; LIMC рис. 36); изображения на некоторых vazax представляют собой иллюстрации к несохранившимся трагедиям Еврипида («Телефу», «Антиопе», «Андромеде»). Здесь мы видим сразу два уровня рецепции – идеологическое переосмысление сюжета и смену дискурса, использование трагического сюжета даже не в другом жанре – в другом виде искусства, что, конечно, составляет трудность для интерпретации.

Третьим этапом и направлением рецепции было осмысление трагических форм в комическом жанре. Речь здесь пойдет не о комедии как таковой, хотя в ее становлении Сицилия сыграла особую роль

(создателем жанра считается сицилиец Эпихарм). Аттическая версия комедийного жанра в силу злободневности поддавалась переносу на другую почву с большим трудом, однако южноиталийские вазы дают нам свидетельства и такого рода заимствований: ряд vaz указывает на знакомство с Древней комедией и, в частности, комедиями Аристофана (Taplin 1993: 4 8–54, рис. 11.4]. Однако в Южной Италии существовал и собственный комический жанр, независимый от Аттики – флиаки. Опять-таки, традиционная точка зрения представляет нам флиаки как фарсовый театр юга Италии, связанный с дорийскими фарсовыми жанрами и восходящий, согласно Сосибию, к спартанским дикелистам. Это позволило отнести к флиакам все комедийные формы италийского театра и назвать все вазы с комедийными сценками «вазы флиаков» (в том числе и упомянутые выше вазы, представляющие собой рецепцию драм Аристофана). Однако, с 80-х годов XX века эта точка зрения стала пересматриваться, и флиаки стали рассматривать как самостоятельный локальный жанр. Создателем жанра считается Ринтон из Тарента, живший в III в. до н.э. (Афиной 14.14–15). Флиаки Ринтона – это жанр, с одной стороны, связанный со смехом (в эпитафии Ринтона путнику предлагается засмеяться (Ant.Pal. 7. 414), с другой стороны – с трагедией (в той же эпитафии флиаки названы трагическими, а в словаре Суды драма Ринтона названа «веселая трагедия», и ее названия в подавляющем большинстве совпадают с названиями трагедий Еврипида). Можно предположить, что в Ринтоновых флиаках комический эффект достигался применением различных метров (традиционного драматического ямбического триметра вместе с холиямбом и гекзаметром (Трубочкин 2005: 111) и соединением в действии комических и трагических персонажей, что также нашло отражение в вазах. Но для нас важность представляет то, что в основе флиаков лежала пародия на трагедию. Вслед за комедиями Аристофана, также пародийными («Ахарняне», «Фесмофориазусы», «Лягушки»), флиаки – это взгляд на трагедию «извне», но у Аристофана пародия эпизодическая, а во флиаках она становится одновременно структурным и жанровым принципом. Таким образом, эта смешанная комедийно-трагическая форма представляет собой одновременно самостоятельный жанр и один из примеров рецепции трагедии.

Все эти свидетельства нарушают традиционные представления об «афиноцентризме» трагического жанра и позволяют считать италийскую драму первым (и довольно ранним) шагом в рецепции трагического жанра в сразу нескольких аспектах (заимствование сюжета, видоизменение жанровых форм, смена дискурса).

Литература

- Трубочкин 2005 – Д.В. *Трубочкин*. «Все в порядке! Старец пляшет...». Римская комедия плаща в действии. М.: Изд-во ГИТИС, 2005.
- Allan 2001 – W. *Allan*. Euripides in Megale Hellas: some aspects of the early reception of tragedy // Greece & Rome, second series, vol. 48, № 1 (Apr., 2001). P. 67–86.
- Bosher 2012 – K. *Bosher*. Hieron's Aeschylus. Theater outside Athens. Drama in Greek Sicily and South Italy. Cambridge University Press, 2012. P. 97–111.
- Easterling 1994 – P. *Easterling*. Euripides outside Athens: A speculative note. Illinois Classical Studies 19 1994 P. 73–90.
- Garvie 2009 – A.F. *Garvie*. Aeschylus Persae. Oxford 2009, P. LIII–LVII.
- Herington 1967 – C.J. *Herington*. Aeschylus in Sicily // The Journal of Hellenic Studies 87: 1967. P. 74–85.
- Rossignoli 2003 – B. *Rossignoli*. ΑΔΡΙΑΣ. L'Adriatico greco: culti e miti minori. Roma: "L'Erma" di Bretsneider, 2003.
- Scodel 2001 – R. *Scodel*. The poet's career, the rise of tragedy, and Athenian cultural hegemony // Gab es das griechische Wunder?: Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr. Tagungsbeiträge des 16. Fachsymposiums der Alexander von Humboldt-Stiftung veranstaltet vom 5. bis 9. April 1999 in Freiburg. / Hrsgb. von D. Papenfuß und V.M. Strocka. Mainz: von Zabern, 2001. P. 215–228.
- Taplin 1993 – O. *Taplin*. Comic angels and other approaches to Greek drama through vase-paintings. Clarendon Press, 1993.

А.А. Евдокимова (Москва)

ФУНКЦИЯ ПРОХОЖЕГО В ВИЗАНТИЙСКИХ НАДПИСЯХ НА БАЛКАНАХ

В традициях античной эпиграфики распространенной формулой в погребальных надписях, является приветствие прохожего *χαῖρε, ὦ παροδίτα* ‘здравствуй, прохожий’, которая может встречаться как сама по себе, в начале или в конце текста, так и быть вплетена в самопрезентацию памятника. В византийской традиции подобные «говорящие» памятники встречаются гораздо реже, что отчасти объясняется сменой парадигмы самих погребальных надписей и смещением фокуса с восхваления усопшего на молитву о нем.

Приветствие в византийских надписях на Балканах может вводиться как привычным глаголом *χαίρω* (‘радоваться, здравствовать’) с возможным продолжением *ἐν Χριστῷ* (‘во Христе’ – вар. *ἐν θεῷ* (‘в Боге’)) или квазисинонимичным ему *ὕγιαίνετε* (‘будьте здоровы’), так и формульным выражением *καλῶς ἦλθετε* (‘хорошо пришли’) с сопутствующим ему *καλῶς [ὑ]πάετε* (‘хорошо пойдете’) или без него. Некоторые памятники не просто приветствуют прохожего, но и предлагают ему остановиться, послушать историю умершего и задуматься о смерти: *χαῖρε·καὶ τί δρόμῳ παρέρρη; στήτι καὶ ἄκουσον καὶ αὐτὸς μεριμνῶν τὸ τεθνάνε* (‘Здравствуй, и какой дорогой идешь? Встань и послушай и, сам размышляя о смерти’ – Аркадия, Стимфал. (Guarducci, 332, *IG* 359)).

Кроме уже обозначенного приветствия и своеобразной презентации памятника и его владельца, самой распространенной, что вполне закономерно, является просьба о молитве за ранее преставившегося (*εὐχέσθε ὑπὲρ ἐμοῦ τοῦ προαναπαυσαμένου* ‘помолитесь обо мне, ранее преставившемся’). Формула настолько распространилась, что стала встречаться не только без привычного обращения к прохожему, но и сама по себе, чаще в кратком варианте, или с различными описаниями тех, кого просят молиться. В таких случаях чаще всего употребляется нейтральный и в то же время традиционный христианский эпитет *πιστός* (‘верный’, сокращения от двух синонимичных формул *πιστός ἐν Χριστῷ* (‘верный во Христе’) или *πιστός του Θεοῦ* (‘верный Богу’) – ср. в том же значении *δίκαια* ‘праведные’ (Фригия, Сал Примнес, дата? – МАМА 33)), или конкретизация по роду деятельности *ἢ ψάλλοντες* (‘поющие псалмы’ –

Пелопоннес, сер. XI века, Милея (Feissel 1985, 9, 45)), *οἱ ἀναγινώσκοντες* ('чтецы' – Фессалия, Новые Патры (BSH 23, 415, 39)). В надписях IV века из Македонии встречаются выражения *παρὰ [θ]εῶν ἀδελφοί* ('братья по Богу' – Фракия, Филиппополь, IV-V вв. (Beševliev 2, № 209.a)) и *πατέρες ἐν Χ(ριστ)ῶ* ('отцы во Христе' – Македония, Эдесса, IV в.н.э. (Feissel 1983, 12)).

Интереса заслуживает и использование слов *ζένος* ('ксен или чужой') и *φίλος* ('друг или дружественный'), либо как определений к *παροδῖτα*, либо как однородных с ним членов предложения. Выбор этих слов, которые в ряде контекстов оказываются то антонимами друг друга, то синонимами, не случаен и задает определенную языковую игру, предлагая читателю надписи самому решить, в каком из значений употреблены эти слова. К тому же встречаются контексты, где оба этих слова выполняют функции *παροδῖτα* 'прохожий', что позволяет говорить о некоторой конкретизации образа прохожего в рассматриваемых источниках.

При этом от прохожего не ждут каких-то особых эмоций, его образ как и, в целом, сами надписи становятся суше и строже. Исключением, пожалуй, оказывается детская могила с острова Лесбос: *Ἐρπίς ἐγὼ ἑπταετής πέζουσα εἰ[ς] λάκον ἔνπεσα· κλαῦσέ με παροδῖτα*. 'Я Эльпис семи лет, играя, в пруд (цистерну) упала, оплачь меня, прохожий' (Grégoire, 159). Она призывает прохожего оплакать, что обращает нас скорее к античной традиции. Однако, подобных призывов на памятниках взрослых мы уже не встречаем в византийское время.

Некоторые памятники в византийских провинциях не просто приветствуют или просят помолиться, а предлагают произнести готовую фразу-пожелание, например: *γαῖαν ἔχοις ἐλαφρὰν εἰς τὸν ἅπαντα χρόνον* 'Да имеешь легкую землю на вечное время' (Египет, Леонтополь – Bernand 16, СИ 1530a). Тем самым они оказываются источниками бытовавших в то время текстов, в том числе произносимых на похоронах. А в Малой Азии прохожему в надписи рекомендуют радоваться жизни, пока она есть (*ὦ παροδεῖτα, παῖζον καὶ γέλασον, ἐφ' ὅσον ζῆς* 'прохожий, играй и смейся, пока живешь' – Вифиния, Дакибуза, после X века (TM 434, 57)). Однако на Балканах такие вариации не встречаются.

Таким образом, можно сказать, что главными функциями прохожего в рассматриваемом регионе становятся «быть христианином», что подчеркивается соответствующими эпитетами или контекстом, и, как следствие, «помолиться за усопшего».

Библиография

- Bernard – Bernard, Étienne. Inscriptions métriques de l'Égypte gréco-romaine. Recherches sur la poésie épigrammatique des Grecs en Égypte // «Annales littéraires de l'Université de Besançon». Paris: 1969. Vol. 98, p. 16.
- Beševliev – Beševliev. Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien. Berlin: 1964. 2, № 209a.
- BCH – Bulletin de correspondance hellénique. Paris: 1899. Vol. 23, p. 415, 39
- Feissel 1985 – Feissel and Philippidis-Braat. Inventaires en vue d'un recueil des inscriptions historiques de Byzance. III, Inscriptions du Péloponnèse (à l'exception de Mistra) // Travaux et memoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Paris: 1985. Vol. 9, p. 45.
- Feissel 1983 – Feissel D. Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècle // Bulletin de correspondance hellénique. Supplément 8. Paris: 1983. p. 12.
- CII – Frey, Jean-Baptiste. Corpus inscriptionum iudaicarum, 2. Asie-Afrique // «Sussidi allo studio delle antichità cristiane». Roma: 1952. Vol. 3; 1530a.
- Grégoire – Grégoire, H., Recueil des inscriptions grecques chrétiennes de l'Asie Mineure. Paris: 1922, p. 159.
- Guarducci – Guarducci L'Epigrafia greca. Rome: 1978. Vol. 4, p. 332.
- IG – *Inscriptiones Graecae*. Vol 5. Fasc. 2. Inscriptiones Arcadiae. Edid. Fridericus Hiller de Gaertringen. Berlin: 1913. p. 359.
- MAMA – Monumenta Asiae Minoris Antiqua Vols. 4. Manchester: 1933, p. 33.
- TM – Travaux et memoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation de Byzance. Paris: 1987. Vol. 10, p. 434, 57.

Keiko Mitani (Tokyo)

SLAVIC VERSIONS OF THE SKANDERBEG STORY:
TEXTUAL RELATIONSHIP
AND NARRATOR ATTITUDE

1. Skanderbeg, or George Kastrioti (1405–1468), was born in Albania as a son of the noble family Kastrioti. According to a legend, George was, while still young, taken hostage by Murad II. Converted to Islam, he was educated at the sultan's court in Adrianople and shortly emerged as a standout warrior, because of which the name Skander (Alexander) and the title of Bey was accorded; hence Skanderbeg. However, on the occasion of his father's death and the concurrent Hungarian advance against the Ottomans in 1443, Skanderbeg mounted an insurrection against Murad II to regain Kastrioti's stronghold, Krujë. Starting with this occasion, he kept resisting the Ottomans and maintained a certain kind of independence until his death in 1468.

Skanderbeg's life and deeds were molded into an epic story of a fighter who, standing against the Ottoman Empire, protected Western Christianity, and were disseminated as such in Europe. The basis of such Skanderbeg literature was laid by, among others, Marin Barleti, an Albanian-born writer who emigrated to Italy after the death of Skanderbeg. His account of Skanderbeg's life, *Historia de vita et gestis Scanderbegi* ("History of the Life and Deeds of Scanderbeg, Prince of Epirus"), first published in 1508–10, was translated within the same century into modern European languages (Elsie 2004: 34–35). Barleti's *Historia* served as a basis for the Slavic tradition of Skanderbeg literature, too.

In the Slavic world, the story of Albanian Alexander was transmitted in prose and poetry (Rozov 1957; Rovinskij 1888; 1905). The Skanderbeg story was known in prose form in Serbia, Poland, and Russia, and epic poems were found in South Slavic lands, from which, most likely, Andrija Kačić Miošić's song "Razgovor ugodni naroda slovinskoga" was composed. All these Skanderbeg stories are doubtless derived from those composed in Italy, particularly Barleti's, and connected to one another in this respect. However, circumstances of their appearance and the relationship between different versions of the Slavic Skanderbeg story are not completely clear, and there looks to be a lot to be uncovered. We will limit ourselves here to deal with the relationship of prose texts.

2. The Skanderbeg story in Slavic is known in four versions: the South Slavic version, the Polish version written by Marcin Bielski, its Russian translation, and another short version titled “O albanskoj straně i o knjažestvě ih,” included in the second edition of *Russian Chronograph* (Русский хронограф), dated 1617 (Popov 1869: 156–159). The short version is probably a digest of Bielski’s Russian translation, yet its precise relationship to the longer version would require a separate study.

The South Slavic version of the Skanderbeg story (SS) is titled «Повѣс(т) о Скендербеґоу Ч(е)рноевікоу а въ сѣте(м) кр(е)щеніи наречено(м) Гиоргу» and known by three copies (Rozov 1957: 93–147; Lavrov 1906). The oldest one, dated from the 17th c. (National Library of Russia, Q. IV, 341), is obviously of Serbian provenance, although it shows some Russian orthographic features (ex. дѣды и прадѣды нису ктели ни гледати; і вы видите и чуєте). The appearance of the name Crnojević is probably due to the composer’s identification of Skanderbeg with the Montenegrin Stefan Crnojević, who was Skanderbeg’s contemporary as well as, according to Barleti, his relative (Rovinskij 1888: 409–415).

For Polish readers, Barleti became available when a Polish translation by Cyprian Bazylik was published (1569), but more significant in reference to the circulation of Skanderbeg literature was Bielski’s work, “O Skanderbegu macedonie albańskim książęciu,” contained in his *Kronika wszystkiego świata*, first published in 1551.

A received understanding is that Bielski’s work drew on multiple sources, among which the most important was Barleti’s, yet it is not known whether Bielski himself compiled those sources into an original account or whether he made use of another, already compiled, text so that his work was in fact a copy, or a translation, of this source text. Rozov, having compared Bielski with other versions of the Skanderbeg story, concluded that Bielski must have based his edition on SS, and the difference between Bielski and SS consists in the Polish writer’s deletion of some pro-Serbian passages from SS, as well as interpolations from Barleti of some descriptions that SS was lacking (Rozov 1957).

3. Supposing Rozov was correct, we are dealing with one Skanderbeg story of South Slavic provenance in three different Slavic languages, and the chronological order of transmission would be such that SS was composed first, then it migrated to Poland to be referred to by Bielski, and, from it, the Russian translation appeared. However, Rozov’s reading needs reexamination.

Truly, as Rozov pointed out, SS and Bielski are not dissimilar, and there seems little doubt as to their direct connectedness: either one was the source

for the other, or they have one common, for us unknown, source. To illustrate, let us take a phrase depicting John Kastrioti, Skanderbeg's father, and his children: both SS and Bielski state that John had three sons and three daughters, contrary to Barleti's account that he had nine children:

[Bielski] W thym księstwie Albańskim albo Epirockim było na ten czas krześciańskie Książę Jan Kastrjotus . . . miał trzech synow y corek takież (*Kronika*, 1564, 242r)

[SS] в гѣствѣ і книжствѣ албанским іли рещи еписким. был в тыа днї хрстіанский кнѣзь іванѣ кастриѡ . . . мѣл г҃снѣы і г҃дшери (Lavrov 1906: 63)

It is also true that SS and Bielski disagree on occasion. In some cases, SS contains passages that are not found in Bielski; in other cases, vice versa. However, such divergence does not necessarily indicate that Bielski modified SS, for the relationship could be the other way around.

What looks suggestive is the inclusion of some linguistic features; in particular, the use of the preposition *do* for the directional meaning, as presented below:

[SS] цѣрь мурт тогда . . . послал поклицара до краля угрсаго владислава просещи мира,[. . .] люди селски пришли до скендерѣ бѣга молащи его (Lavrov 1906: 69).

[Bielski] Amurat. . . posłał do krola Węgierskiego prosząc o przymerze ,[. . .] lud pospolity przyszli do Skanderbega prosząc (*Kronika*, 243r/244v)

Considering that, in Old Polish, use of the preposition *do* for directional meaning was usual whereas the same usage of *do* in Serbian was not (vide Miklosich 1868–1874: 520–522; Belić 1999: 301), it would be more natural to assume that the prepositional phrases with *do*, frequently observed in SS, were of Polish influence, and, accordingly, SS was not a source but a translation of Bielski, or his direct, for us not unknown, source.

4. Our assumption that SS was a translation of a Polish version allows us further to suppose that the difference between the two consists of a difference in perception on the part of the translator/narrator of SS regarding Skanderbeg and the people surrounding him.

In fact, all versions of the Skanderbeg story depict the hero as a peerless fighter and strategist, ruthless to enemies but generous to those who follow

him; in sum, an ideal leader for people facing the threat of a foreign enemy. In this narrative, Ottoman Turks are always evil. However, SS differs from Bielski and other Western versions in that the narrator does not hesitate to uncover antipathy against not only the Turks but also Western Catholic powers, and, in doing so, presents all the more his empathy for Skanderbeg. For example, in the episode of the Battle of Varna, which Skanderbeg participated in to respond to the appeal from Polish-Hungarian king Vladislav, the Western Catholic powers are depicted as a mercenary, unreliable ally: Али како су удавно латыни сребролюбци и тут показали. вѣзли ѿ туракъ дар і не стали на своем словѣ как су были уговорили. (Lavrov 1906: 75). The narrator's empathy for the hero is foregrounded, for example, in description of Skanderbeg on the occasion of Vladislav's death: when word about the king's death reached Skanderbeg, he “за .г. дни от жалости ни јал ни пил ни с ким говорил” (Lavrov 1906: 75).

5. Our observations on Slavic versions of the Skanderbeg story reveal that SS was not an original but a translation of Bielski, or its direct source text. The translator of SS, however, did not literally translate the source text but modified it in accordance with his view of the hero and the world surrounding him. Unlike the Western Catholic versions, including Bielski, which underline Skanderbeg's role as a guardian of Catholic Europe, the narrator of SS focuses on the deeds and attitudes of Skanderbeg as a man of valor who, for his faith as well as for his people, fought against the Ottoman Turkish but also had to cope with political issues among the Western Catholic princes.

The textual relationship among different versions of the Skanderbeg story in Slavic, including poetry, circumstances of their appearance, and differences of representation in each version, should be examined in further detail.

References

- Belić 1999 – *А. Белић*. Историја српског језика. Фонетика. Речи са дефлекцијом. Реч са конјугацијом. Избрана дела Александра Белића, 4. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1999.
- Elsie 2004 – *R. Elsie & R. Hutchings*. Historical dictionary of Albania. Lanham, Md.: Scarecrow Press, 2004.
- Lavrov 1906 – *П.А. Лавров*. Разбор труда П.А. Ровинского „Черногория в ее прошлом и настоящем“ // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1906.

- Miklosich 1868–1874 – *F. Miklosich*. Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen. Wien: Braumüller, 1868–1874.
- Попов 1869 – *А. Попов*. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Приложение к Обзору хронографов русской редакции. М., 1869. С.156–159.
- Rovinskij 1888 – *П.А. Ровинский*. Черногория в её прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. Т. I. СПб., 1888. С. 410–415; 704–706.
- Rovinskij 1905 – *П.А. Ровинский*. Черногория в её прошлом и настоящем. География. История. Этнография. Археология. Современное положение. Т. II. Ч. 3. 1905. С. 218–258.
- Rozov 1957 – Повесть о Скандербеге. / Изд. подгот. Н.Н. Розов, Н.А. Чистякова. М.-Л., 1957.

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС: ГРАММАТИКА

Max Wahlström (Helsinki / Zürich)

A GLASS OF WATER HALF FULL:
A TYPOLOGICAL PERSPECTIVE ON THE PSEUDO-
PARTITIVE CONSTRUCTION IN THE BALKANS

In this paper I will discuss the pseudo-partitive construction ('a glass of water') in the Balkan languages and, further, the significance of the Balkan findings for the typologizing efforts. The construction involves a NP whereby both the head and the dependent are nouns, as in the partitive construction ('a glass of that water'). Yet in the pseudo-partitive construction, the dependent is non-specific and merely expresses the material the head contains, measures, or quantifies. From the perspective of grammar, the head noun acts as a quantifier and, often, the dependents of the pseudo-partitive construction are marked in the same way as at least a subset of other quantifier constructions in the language. Consider, for instance, *стакан вод-ы*[gen.sg] – *много вод-ы*[-gen.sg]. I will address the possibility that the relatively unified expression of pseudo-partitives in the Balkans be a minor Balkanism. Finally, I argue that, based on findings from the Balkans, there is may be need for a more fine-grained typology of the European pseudo-partitives.

In her typology of pseudo-partitives, Maria Koptjevskaja-Tamm (2009) distinguishes two main strategies to mark the construction: with an explicitly marked dependent (Romanian in Example 1) and a juxtapositional strategy (Albanian in Example 2) in which the dependent is left unmarked.

(1) Romanian

<i>un</i>	<i>pahar</i>		<i>de</i>	<i>vin</i>
a	glass.NOM/ACC.SG		PREP	wine.NOM/ACC.SG

'a glass of wine'

(2) Albanian

<i>një</i>	<i>gotë</i>		<i>verë</i>
a	glass.NOM.SG		wine.NOM.SG

'a glass of wine'

Further, Koptjevskaja-Tamm (ibid.: 335, 341–342) proposes three types of explicitly marked pseudo-partitive constructions regarding the origin of the

marking: separative, possessive, (separative–possessive), and those deriving from constructions of accompaniment. Flavia Pompeo (2012: 540–541) observes the pseudo-partitive construction in the Balkan languages, and suggests that the juxtapositional strategy in Bulgarian and Macedonian, on the one hand, and in Greek, on the other, may have resulted from convergence. Yet Pompeo claims that Albanian employs a different strategy, namely, marking the dependent with ablative. While this is true for plural count nouns, with mass nouns Albanian, too, employs the juxtapositional strategy, as Example (2) shows.

The Torlak dialects pose a complication for the typology proposed by Koptjevskaja-Tamm. Unlike most Bulgarian and Macedonian dialects, the Torlak dialects preserve the accusative singular of **ā*-stem nouns, which is used as a *casus obliquus*. Nevertheless, most of the functions of the historical genitive case are expressed by prepositional constructions, as in Bulgarian and Macedonian. These functions include adnominal possession, which, in Koptjevskaja-Tamm’s account is a typical source for the expression of pseudo-partitives. However, as Example (3) shows, the oblique form is used in the pseudo-partitive construction:

(3) Female ~40 yo, Timok dialect of Torlak, Trgovište¹
čaš-a *vod-u*
 glass-NOM water-OBL
 ‘glass of water’

In Example (3), the NP with *čaša* as its head is in subject position, and the choice of case cannot, therefore, be affected by the context.

While the origin of the marking is the accusative, not included in Koptjevskaja-Tamm’s typology, it is possible that the use of the historical accusative attests to an intermediary case system whereby the bare accusative case – at least with the **ā*-stem singulars – may have been used to mark adnominal possession (for further discussion, see Wahlström 2015: 51–52). Also, the oblique *-u* is sometimes used to express adnominal possession, as Example (4) demonstrates. However, this use is likely to result from the influence of standard Serbian:

(4) Male ~70 yo, Timok dialect of Torlak, Balta Berilovac
to *je* *ranije* *za* *vreme* *bivš-e* *jugoslavij-u*
 that is earlier PREP time former-GEN Yugoslavia-?

¹ The field data has been collected as a part of the project *Nematerijalna baština timočkih govora*, lead by Biljana Sikimić.

‘that’s earlier, during the former Yugoslavia’

The juxtapositional pseudo-partitive is found in the Balkans at least in Bulgarian, Macedonian, Torlak (with the exception of the **ā*-stem singular nouns), Greek, and Albanian. To evaluate whether this has resulted from contact-induced convergence, it must be kept in mind that juxtaposition is not rare in Europe. It is found, for instance in several Germanic languages and in both Hungarian and Turkish. Yet in Hungarian and Turkish juxtaposition is not known to have replaced the genitive in these constructions and the strategy is employed in a wider range of constructions with quantifiers.

References

- Koptjevskaja-Tamm, Maria. 2009. “A lot of grammar with a good portion of lexicon”: Towards a typology of partitive and pseudopartitive nominal constructions. In Johannes Helmbrecht, Yoko Nishina, Yong-Min Shin, Stavros Skopeteas & Elisabeth Verhoeven (eds.), *Form and function in language research: Papers in honour of Christian Lehmann*. New York: Mouton de Gruyter.
- Pompeo, Flavia. 2012. Il sincretismo di genitivo e dativo nella lega balcanica. Una convergenza multipla? *Studi italiani di linguistica teorica e applicata* 41(3). 531–544.
- Wahlström, Max. 2015. *Loss of case inflection in Bulgarian and Macedonian*. (Slavica Helsingiensia 47). Helsinki: University of Helsinki.

П.М. Аркадьев (Москва)

ОБ ОДНОМ НЕЗАМЕЧЕННОМ БАЛКАНИЗМЕ

Татьяне Владимировне Цивьян
с благодарностью

Рассмотрим следующий пример из македонского перевода Библии:

македонский

(1) *Sara vide kako sinot na Egipetkata Agara, kogo mu go rodi na Avraama, se pougruva so neјziniot sin Isak.*

‘И увидела Сарра, что сын Агари Египтянки, которого <та> родила Аврааму, насмехается над её сыном Исааком.’ (Быт. 21.9= Константинов 1999: 29)

В выделенном фрагменте примера представлено одно из наиболее характерных явлений, именуемых в литературе «балканизмами», – местоименная реприза (повтор) дополнения. Местоименной репризе в балканских языках посвящена обширнейшая литература, см. [Sandfeld 1930: 192–193; Цыхун 1968; Лопашов 1978; Борисова 2005; Mišeska-Tomić 2006: Ch. 4; Kalluli & Tasmovski eds. 2008], в том числе она обсуждается в целом ряде трудов юбиляра, см. [Цивьян 1965: 169–170; 1979: 224–225, 259–261; 2008: 41, 55–57, 60]. Здесь мне хотелось бы рассмотреть один из аспектов этого явления на более широком типологическом фоне и попытаться более чётко сформулировать те его черты, которые составляют если не уникальный, то по крайней мере нетривиальный признак именно балканских языков. Действительно, хорошо известно, что само по себе «дублирование» (в принятой в современной типологии терминологии «индексирование», см. [Haspelmath 2013]) объектных именных групп с помощью глагольных аффиксов или местоименных клитик представлено в языках мира чрезвычайно широко (см., например, недавний обзор в книге [Kibrik 2011]), и в этом смысле балканская местоименная реприза типологически вполне тривиальна. Даже в собственно средиземноморском регионе это явление отмечено как минимум в испанском, каталанском, разговорном французском, целом ряде итальянских диалектов, в арабских диалектах и в мальтийском, а также в баскском языке.

Что же составляет собственно балканскую «изюминку»? Рассмотрим пример (1) более внимательно. Нетрудно заметить, что в нём оба дополнения – прямое *кого* и не прямое *на Авраама* – не только индексируются с помощью местоименных клитик, но и маркируются падежными или эквивалентными им предложными показателями (о падежных системах и маркировании синтаксических функций в балканских языках см. [Цивьян 1965: 164–166] и многочисленную последующую литературу; новейший обзор представлен в [Mišeska-Tomić 2006: Ch. 3]). Такого рода «двойное маркирование» (double marking по [Nichols 1986]) одновременно обоим объектам представлено и в румынском, албанском и новогреческом языках, ср. примеры (2)–(4).

албанский [Mišeska Tomić 2006: 311–312]

(1) *Ia dhashë librin Agimit.*

‘Я [действительно] дал(а) книгу Агиму.’

румынский

(2) *Nu i-am prezentat-o pe mătușa Tamara lui Ilie Sârbu.*

‘Я не представил тётю Тамару Илие Сырбу.’¹

новогреческий

(3) *την εισφορά του την έδωσα του μπουχέσα*

‘Это пожертвование я сделал толстяку.’²

Такого рода двойное маркирование одновременно прямого и непрямого объектов трёхместного глагола, как было показано в недавней работе автора настоящей заметки [Аркадьев 2016], встречается в языках мира весьма редко. В тех языках, где индексирование объектов сочетается с их маркированием с помощью падежных показателей или служебных слов (а такие случаи весьма широко представлены на всех континентах, подробнее см. в той же работе), при трёхместных глаголах обычной является ситуация, когда один из объектов (как правило, прямой) либо не индексируется, как, например, в амхарском, либо не может получить обычного для него в прочих случаях падежного показателя, как, например, в мальтийском. Балканская ситуация, при которой двойное маркирование обоих объектов вполне допустимо, за

¹ <http://tinyurl.com/gq6t7op>

² <http://to4x4.gr/phpBB3/viewtopic.php?t=396&start=20> Я благодарю О.В. Чёху за консультацию и помощь в интерпретации примера.

пределами данного ареала отмечается лишь в единичных языках – в адыгейском и кабардинском, в баскском и по крайней мере в одном языке юто-ацтекской семьи (каваису). Разумеется, в балканских языках случаи одновременного двойного маркирования прямого и непрямого дополнений встречаются лишь при определённых условиях (в первую очередь ограничения связаны с маркированием прямого дополнения; так, отвлекаясь от дискурсивных факторов определённости, референтности и топикальности, см. [Friedman 2008], в румынском оно встречается лишь у одушевлённых объектов, в македонском – лишь у местоимений и некоторых собственных имён, в новогреческом – лишь у имён мужского и женского рода) и в целом довольно редко³, однако важна принципиальная допустимость такой ситуации, в большинстве языков, даже обладающих соответствующими формальными средствами, отсутствующая.

Таким образом, в отличие от собственно «местоименной репризы» дополнения, феномена с типологической точки зрения ничем не примечательного, именно двойное маркирование одновременно прямого и непрямого объектов является яркой и весьма нетривиальной чертой балканских языков, выявить и сформулировать которую оказалось возможным, лишь включив данные балканских языков в широкий типологический контекст.

Литература

- Аркадьев 2016 – П.М. Аркадьев. Роли, иерархии и двойное маркирование объектов // Вопросы языкознания № 5, 2016. С. 7–48.
- Борисова 2005 – А.Б. Борисова. Местоименный повтор дополнения: синтаксический и прагматический аспекты (на материале новогреческого языка). Диссертация ... кандидата филологических наук, СПбГУ.
- Константинов 1999 – Библија (Свето Писмо). Стариот и Новиот завет / Превод Д. Константинов. Битола: Еуролибер, 1999.
- Лопашов 1978 – Ю.А. Лопашов. Местоименные повторы дополнения в балканских языках. Л.: Наука, 1978.
- Цивьян 1965 – Т.В. Цивьян. Имя существительное в балканских языках. К структурно-типологической характеристике балканского языкового союза. М.: Наука, 1965.

³ Так, примеры типа (4) в современном новогреческом, по-видимому, маргинальны.

- Цивьян 1979 – *Т.В. Цивьян*. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М.: Наука, 1979.
- Цивьян 2008 – *Т.В. Цивьян*. Язык: тема и вариации. Избранное. Книга первая. Балканистика. М.: Наука, 2008.
- Цыхун 1968 – *Г.А. Цыхун*. Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках (балкано-славянская модель). Минск: Наука и техника, 1968.
- Friedman 2008 – *V. Friedman*. Balkan object reduplication in areal and dialectological perspective // Kalluli & Tasmowski (eds.), 35–63.
- Haspelmath 2013 – *M. Haspelmath*. Argument indexing: a conceptual framework for the syntax of bound person forms // D. Bakker & M. Haspelmath (eds.). Languages across boundaries: Studies in memory of Anna Siewierska. Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. Pp. 197–226.
- Kalluli, Tasmowski eds. 2008 – *D. Kaluli, L. Tasmowski* (eds.). Clitic doubling in the Balkan languages. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008.
- Kibrik 2011 – *A.A. Kibrik*. Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Mišeska-Tomić 2006 – *O. Mišeska-Tomić*. Balkan Sprachbund morphosyntactic features. Dordrecht: Springer, 2006.
- Nichols 1986 – *J. Nichols*. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*, V. 62 № 1, 1986. Pp. 56–119.
- Sandfeld 1930 – *Kr. Sandfeld*. Linguistique balkanique. Problèmes et résultats. Paris: Klincksieck, 1930.

А.Л. Макарова (Санкт-Петербург)

МЕТОД АНКЕТИРОВАНИЯ В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ
И ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ
(НА ПРИМЕРЕ АНКЕТЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
ESSE-ПЕРФЕКТА В МАКЕДОНСКИХ ДИАЛЕКТАХ)

В современной лингвистике и особенно типологии анкетирование является наиболее распространенным и удобным методом исследования: «основу стандартного описания составляет универсальная анкета, создание которой составляет суть исследовательского процесса в типологии. Наличие хорошо структурированной подробной анкеты с осмысленным порядком включенных в нее вопросов, по сути дела, предопределяет стандартную форму описания» [Храковский 2009].

Описывая или исследуя грамматическую систему (или сегмент грамматической системы) того или иного языка, исследователи, в основном, выбирают один из двух возможных путей (или их комбинацию). Первый – от формы к значению (ономазиологический подход) – формальное описание. Второй поход – семасиологический подход (функциональное описание). По последнему принципу устроено большинство грамматических типологических анкет, в частности, анкеты, составленные для исследования различных глагольных грамматических значений в серии коллективных монографий Петербургской типологической школы [Оглоблин, Храковский 2009]. Так, анкета для описания таксисных конструкций [Храковский 2009: 868] состоит из нескольких разделов, посвященных проблемам, связанным с данной грамматической категорией. В начале каждого раздела дано краткое описание конкретного комплекса проблем и приводятся примеры на русском языке, после чего формулируются вопросы, на которые необходимо ответить исследователю при описании таксиса в исследуемом языке.

Похожим образом устроена синтаксическая программа МДАБЯ [МДАБЯ 1997], посвященная широкому комплексу грамматических и синтаксических проблем языков балканского ареала (с ориентацией на грамматические категории балканославянских языков и призванная

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-18-01405 «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте».

дать «по возможности исчерпывающее единообразное грамматическое описание основных балканских диалектов в лингвогеографическом аспекте» [МДАБЯ 1997: 7].

При практическом применении подобных анкет исследователь может выбрать один из двух возможных методов. Первый – предложить информанту для перевода с метаязыка / диалекта на исследуемый язык / диалект предложения-стимулы, содержащие необходимую семантическую нагрузку. Второй – обработать необходимое количество свободных нарративов, выбрав из них примеры исследуемой грамматической категории. Комбинация этих методов использовалась при описании балканских диалектов серии МДАБЯ: «Единственно возможным методом сбора большого объема информации по диалектному синтаксису в достаточно короткие сроки является предложение информантам примеров программы для передачи их на диалект. Фразовые примеры, иллюстрирующие вопросы синтаксической программы, были для этого переведены с русского, сербского, македонского и болгарского на литературный албанский язык и предлагались затем информантам для передачи на диалект Лешни. Для авторов очевидно, что как уровень интерференции между литературным языком и диалектом, так и влияние предлагаемой структуры на получаемый ответ в таком случае чрезвычайно высоки, поэтому после представления всех материалов в компьютерной форме из связанных текстов была произведена дополнительная выборка синтаксических примеров, подтверждающих достоверность тех примеров, которые были получены методом прямого опроса» [Соболев, Юллы 2002: 25]. Важным инструментом для сбора нарративного материала языков балканского ареала является этнолингвистическая анкета [Плотникова 2009], которая включает в себя более 400 вопросов по традиционной культуре, народному календарю, народной мифологии, сельскому хозяйству и другим важным сферам жизни «балканского человека».

Метод исследования, предполагающий перевод на изучаемый язык фразовых примеров-стимулов, имплицитно используется в опросниках, составленных в рамках проекта Eurotype: анкеты данного проекта представляют собой набор диагностирующих фразовых контекстов. Как правило, они сопровождаются подробным теоретическим комментарием (см., например, [Dahl 1985]).

В диалектологических исследованиях филологии балканских стран применяют специальные диалектологические опросники. (см. также «Вопросник общеславянского диалектологического атласа» [Вопросник ОЛА 1965]). Данные анкеты, как правило, содержат несколько разделов,

посвященных явлениям различных языковых уровней: фонетике, просодии, морфологии, лексике, семантике, синтаксису (см. например [ADGjSh 2007: 437]).

В качестве примера анкеты, составленной для изучения диалектной грамматики балканских языков, в докладе приводится вопросник по изучению формы *esse*-перфекта в балканских диалектах (см. также [Макарова 2014]. Он был составлен для решения следующих задач:

1) выявить особенности взаимодействия конструкции *esse*-перфект с различными грамматическими категориями:

- *esse*-перфект и залог;
- *esse*-перфект и переходность;
- *esse*-перфект и возвратные глаголы;
- *esse*-перфект и аспект;
- *esse*-перфект и акциональность;
- *esse*-перфект и время;

2) выявить особенности взаимодействия конструкции с различными лексическими группами глаголов и определить ее лексическую дистрибуцию.

3) сопоставить конструкцию с аналогичными (изоморфными) формами в других языках БЯС, а именно арумьнском и албанском.

4) выявить системное место конструкции среди перфектов.

Устройство анкеты

Известно, что в образовании форм *esse*-перфекта в македонском литературном языке регулярно участвуют глаголы следующих лексико-семантических групп [Elliott 2001: 50–51]:

- глаголы движения;
- глаголы перемены состояния;
- глаголы лексико-семантической группы «прием пищи»;

Диалектологические исследования показывают, что в различных говорах лексическая дистрибуция конструкции может быть шире. Например, *jas sum v'iden* 'Я видел' в говоре славян-мусульман Голо Бордо [Голо Бордо 2013: 55]. Поэтому, помимо вышеназванных, в состав анкеты вошли глаголы (переходные и непереходные) иных лексико-семантических групп (речепорождения, когнитивной деятельности, желания, чувственного восприятия, обладания и т. д.)

Стимулы анкеты систематизированы в группы в соответствии с лексико-семантическими классами глаголов. В отдельную группу выделены стимулы, в которых возвратные глаголы реализуют активное значение.

Внутри данных групп глаголы представлены в обоих видах (там, где это возможно) и, соответственно, в различных акциональных контекстах (там, где это возможно): состояния, предельные и непредельные процессы, связанные события (вхождение в состояние, вхождение в процесс и завершение процесса), мультипликативные события, несвязанные события [Татевосов 2005; Плунгян 2011: 81–82]. В отдельных случаях представлена форма плюсквамперфекта.

Источником глагольных лексем стал «Новый частотный словарь русской лексики» [Ляшевская, Шаров 2009]. В анкету входят переведенные на македонский язык глаголы из первой сотни самых частотных глагольных лексем русского языка (представляется, что данная статистика с некоторой долей условности может считаться применимой и для македонского языка).

При полевой работе на основе анкеты информанту зачитывается или показывается стимул анкеты, он, в свою очередь, отвечает, допустимо ли подобное употребление в диалекте, а если нет, то как следует сказать. Перед билингвальными информантами ставится та же задача и дополнительное «задание»: перевод на второй язык.

Пример стимулов анкеты (знаком * обозначены предложения, представляющиеся аграмматичными для стандартного македонского языка:

I. Глаголы семантической группы «движение» (акциональные контексты: события, процессы).

1. *Сум дојден дома* (реакция информанта: *може така*)
2. *Уште не си дојден дома?* (реакция информанта: *добро кажа*)
3. **Вчера сум дојден дома во три часот* (реакция информанта: *не е правилно ова*) **Бев дојден дома во три часот (а тоа можеш).*
4. **Минатата година сум доаѓан дома секој ден во три часот.* **Минатата година бев доаѓан дома секој ден во три сатот* (реакция информанта: *смех: не, не е правилно сето тоа*)
5. *Си оден ли во дуќанот? Уште не си оден во дуќанот?* (Реакция информанта: *добро рече, можеш вака*)

При практическом применении анкеты был получен материал по арумьинскому говору Преспы, послуживший одним из важных источников общих выводов о происхождении и функционировании формы третьего перфекта.

esk mākat (арум.) = *сум јаден* (мак.) ‘Я ел’.

esk bit (арум.) = *сум пиен* (мак.) ‘Я пил’.

esk činat (арум.) = *сум вечеран* (мак.) ‘Я ужинал’.

Благодаря применению анкеты при полевом исследовании было выдвинуто несколько важных предположений по природе третьего

перфекта и его связи с такими грамматическими категориями, как залог, вид, акциональная классификация предикатов и т. д. Также был сделан вывод о возможном пути возникновения данной формы в македонском языке. Мы предполагаем, что возможность образования форм *esse*-перфекта в македонской глагольной системе была обусловлена несколькими внутренними и внешними причинами. Среди внутренних назовем широкое распространение лабильных глаголов, которое могло привести к потере залогового значения у исторически пассивных причастий на -н/-т (в арумьском в свою очередь, под влиянием македонского, происходит потеря залогового значения у исторически пассивных причастий с суффиксом -t). Внешним катализатором утраты залогового значения у причастий также могло послужить его отсутствие у единственного партиципа албанской глагольной системы.

Литература

- ADGjSh 2007–2008 – Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe / Gjinari J., Beci B., Shkurtaj Gj., Gosturani Xh. Vëllimi I. Napoli: Università degli studi di Napoli l’Orientale; Tiranë: Akademia e shkencave e Shqipërisë, 2007. 464 f.; Vëllimi II. Napoli: Università degli studi di Napoli l’Orientale; Tiranë: Akademia e shkencave e Shqipërisë, 2008. 602 f.
- Dahl 1985 – Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Bath: the Bath Press, 1985.
- Elliott 2001 – E. Elliott. The sum (‘be’) and imam (‘have’) resultative constructions in Macedonian and Bulgarian within a typology of resultative constructions in Slavic. PhD. dissertation, University of Toronto. 2001.
- МДАБЯ 1997 – МДАБЯ. Синтаксическая программа / Авт. коллектив: А.Н. Соболев, И.И. Воронина, Ю.А. Лопашов, А.Ю. Русаков. Санкт-Петербург, 1997.
- Плотникова 2009 – А.А. Плотникова. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала (Plotnikova A.A. Materijali za etnolingvističko proučavanje balkansko-slovenskog areala / Prevod M. Pić). М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2009.
- Соболев 2001 – А.Н. Соболев. Болгарский широколыкский говор. Синтаксис. Лексика духовной культуры. Тексты. Marburg: Biblion Verlag, 2001.
- Соболев, Юллы 2002 – А.Н. Соболев. Албанский тоскский говор села Лешня (краина Скрапар). Marburg: Biblion Verlag, 2002.
- Соболев, Юллы 2003 – Албанский гегский говор села Мухурр (Краина Дибьр). Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. München: Biblion Verlag, 2003.

- Голо Бордо 2013 – Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ / Под ред. А.Н. Соболева и А.А. Новика. Санкт-Петербург: Наука, München: Verlag Otto Sanger, 2013.
- Ляшевская, Шаров 2009 – *О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров*. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
- Макарова 2014 – *А.Л. Макарова*. Анкета для изучения модальных и темпоральных категорий глагола в языках БЯС // Македонски јазик, год. LXV, Скопје 2014, С. 285–302.
- Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику. М., 2011.
- Татевосов 2005 – *С.Г. Татевосов*. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания 1. 2005. С. 108–141.
- Храковский 1998 – *В.С. Храковский*. Теоретический анализ условных конструкций // В.С. Храковский (отв. ред.). Типология условных конструкций. СПб, 1998.
- Храковский 2009 – *В.С. Храковский*. Анкета для описания таксисных конструкций // В.С. Храковский (отв. ред.). Типология условных конструкций. СПб, 1998.

О НЕОПРЕДЕЛЕННОМ АРТИКЛЕ *IDIN* «ОДИН»
В РАЗГОВОРНОМ ВАРИАНТЕ БАНАТСКО-БОЛГАРСКОГО
ЯЗЫКА И СТЕПЕНИ ЕГО ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ

По мнению некоторых специалистов по балканскому языкознанию (ср. Friedman 2009; 2015; Feuillet 2012), одним из балканизмов можно считать неопределенный артикль, который произошел из числительного «один». Как известно, это явление вовсе не ограничено Балканским полуостровом. Оно обнаруживается в разных языках мира. Но важно отметить, что распространение неопределенного артикля в этом ареале, как и другие типичные для языков балканского языкового союза признаки, вызвано именно языковым контактом, как убедительно показывает В. Фридман на материале балканославянских и ромского языков (Friedman 2015). Фридман занимался данным вопросом прежде всего на материале стандартных языков (хотя он в какой-то степени включал в рассматриваемый материал и их разговорные варианты). Следовательно, нашей задачей на данном этапе должен быть анализ именно диалектных материалов, которые часто показывают иную картину, отличную от стандартного варианта.

Учитывая вышесказанное, в данном докладе в качестве примера анализа диалектных материалов рассматривается употребление неопределенного артикля в банатско-болгарском языке (или банатском диалекте болгарского языка), особенно в его разговорном варианте. Мы постараемся выявить степень его грамматикализации в контексте языкового контакта. Банатско-болгарский язык был выбран как предмет анализа потому, что, во-первых, сама степень грамматикализации неопределенного артикля в этом языке еще не установлена. Во-вторых, его социолингвистическая или контактная ситуация с другими языками сравнительно ясна как в синхронном, так и в диахронном отношениях, причем в обеих частях Баната: как сербской, так и румынской. В-третьих, результаты данного анализа могут показать не только степень грамматикализации неопределенного артикля, но и возможный путь развития названного грамматического явления, что может быть вкладом в балканское языкознание и, шире, в актуальную типологию языков вообще.

Как отмечают типологи (ср. Himmelman 2001: 837; Heine, Kuteva 2002: 220), превращение числительного «один» в неопределенный артикль,

с одной стороны, явление, очень распространенное с типологической точки зрения, а с другой, трудно определяемым формально. Атоничность и обязательность употребления «один» часто считаются формальными признаками неопределенного артикля, но эти признаки не всегда могут однозначно отличить неопределенный артикль от числительного. Принимая во внимание этот факт, в настоящем докладе мы будем придерживаться семантического подхода к этой проблематике, основываясь на таких работах как Хейне (Heine 1997), Хейне и Кутева (Heine, Kuteva 2006), Вайсс (Weiss 2004) и др.

Согласно Хейне (Heine 1997; Heine, Kuteva 2006), при грамматикализации неопределенного артикля «один» наблюдается пять этапов, которые подтверждаются в разных языках мира: 1. числительное 'один' («the numeral»), 2. презентативный маркер («the presentative marker»), 3. специфический маркер («the specific marker»), 4. неспецифический маркер («the non-specific marker»), 5. генерализованный маркер («the generalized article»). Хотя идеальным развитием было бы постепенное повышение степени грамматикализации, это, видимо, не всегда так, как показывает Вайсс (2004) на материале македонского языка, в котором осуществилась своего рода скачкообразная грамматикализация числительного *еден*. Кроме того, как убедительно показал Штольц (2012) на материале языка чаморо, степень грамматикализации в языке-получателе может не соответствовать ей в языке-доноре, хотя ее источник при этом ясен. В этом контексте нас интересует именно банатско-болгарский, так как сам болгарский язык, имеющий, как считают некоторые, неопределенный член (Ницолова 2008), постепенно, с XVIII века, грамматикализирует его (Младенова 2007: 209), т. е. с одной стороны, существует внутреннее изменение, с другой стороны – внешнее влияние, так как в Румынии он находится в теснейшем контакте с артиклевым языком, а именно с румынским, особенно в неофициальном обращении. С учётом вышесказанного, в нашем докладе данные будут проанализированы на основе критериев Хейне, чтобы показать степень грамматикализации и дать ее возможное объяснение в социолингвистическом контексте.

В своей грамматике банатско-болгарского говора Стойков (1967: 215) дает следующие примеры: *Idin čeleć utvaždel na pazar. Idna baba i žuvela u ino kulipče. Imalu j idno vreme idno dubro monče. Idinja hora imat g'ran' u gumnutu* и т.д., при этом он категоризирует *idin* как неопределенное местоимение. Эти примеры соответствуют степеням грамматикализации 2 или 3 по Хейне, в зависимости от контекста. Стойков был прав, и в собранных им текстах (Стойков 1968) нет примера, который указывал

бы на существование более высокой степени грамматикализации *idin*. Но следует обратить внимание на тот факт, что во времена Стойкова еще не существовало полного румынско-банатско-болгарского двуязычия, а сегодня все банатские болгары говорят по-румынски и, естественно, румынское влияние растет и все сильнее отражается на грамматическом строе банатско-болгарского языка. Употребление *idin* в этом языке рассматривается именно в этом контексте. При этом мы попробуем сопоставить данные из обеих частей Баната, принимая во внимание изменения в языковой ситуации со времени разделения Баната в 1920 году.

Литература

- Асенова 2002 – П. Асенова. Балканско езикознание. София, 2002.
- Ницолова 2008 – П. Ницолова. Българска граматика: морфология. София, 2008.
- Маслов 1981 – Ю.С. Маслов. Грамматика болгарского языка. Москва, 1981.
- Стойков 1967 – С. Стойков. Банатският говор. София, 1967.
- Стойков 1968 – С. Стойков. Лексиката на банатския говор. София, 1968.
- Feuillet 2012 – J. Feuillet. Linguistique comparée des langues balkaniques. Paris, 2012.
- Friedman 2009 – V. Friedman. Balkans as a Linguistic Area // Concise Encyclopedia of Languages of the World. Pp.119–134.
- Friedman 2015 – V. Friedman. Macedonian Studies 2. Skopje, 2015.
- Heine, Kuteva 2002 – B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2015.
- Himmelman 2001 – N. Himmelman. Articles // Language typology and language universals, vol.1. Berlin / NewYork, 2001.
- Mladenova 2007 – O. Mladenova. Definiteness in Bulgarian: Modelling the processes of language change. Berlin / New York, 2007.
- Stolz 2012 – T. Stolz. The attraction of indefinite articles: on the borrowing of Spanish *un* in Chamoro // Dynamics of contact-induced language change. Berlin / Boston, 2012.

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС: ЛЕКСИКА

Петя Асенова (София)

ВЗГЛЯД НА ОБЩЕБАЛКАНСКУЮ ЛЕКСИКУ ИЗВНЕ
(ИДЕНТИЧНОСТЬ ОЗНАЧАЮЩИХ) И ИЗНУТРИ
(РАСХОЖДЕНИЯ ОЗНАЧАЕМЫХ)

Вводные замечания

Несмотря на то, что общая лексика балканских языков была объектом множества исследований, направленных на поиски близости звуковой оболочки, общих истоков, а также на этимологию, ее место в системе балканского языкового союза (БЯС) остается не до конца понятным.

Т.В. Цивьян обращает особое внимание на семантическую организацию лексики как средство, способствующее кодирующим функциям в балканской модели мира, т.е. на отношение знака к сигнификату. По ее мнению, «реконструкция картины мира на основании отношения слова к сигнификату весьма перспективна...» Реконструкция предполагает общую схему и ее «лексическое заполнение по отдельным традициям, т.е. по соответствующим языкам» (Цивьян 2005: 53–54, 58).

На основании этой точки зрения анализ семантической структуры т. н. общебалканской лексики был направлен на отображение схождения / расхождений в отношении знака (слова, звуковой оболочки слова, означающего) к сигнификату (семантике, означаемому знаку) в каждом отдельно взятом балканском языке.

Предлагаемый здесь анализ¹ основывается на корпусе общих слов в литературных языках БЯС, эксцерпированных из словарей одинакового статуса²:

¹ Работа велась в рамках проекта *Common Balkan Lexicon*, 2013. *VLAKE (Vlaams Academisch Centrum). Centre for Advanced Studies of the Royal Flemish Academy of Belgium for Science and the Arts*. Исполнители: Петя Асенова (Софийский университет) и Raymond Detrez (Universiteit Gent).

² *Fjalor i gjuhës shqipe* (43 000 слов) / Ред. J. Thomai. Tirana, 2006. *Akademia e Shkencave e Shqipërisë. Instituti i Gjuhësisë dhe i Letërsisë*; *Български тълковен речник* (46 000 слов) / Ред. Л. Андрейчин (III изд.). София, 1973. БАН; *Λεξικό της κοινής νεοελληνικής* (48 000 слов). Θεσσαλονίκη: Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 2009 (электронное издание: www.komvos.edu.gr, проверено 20.03.2017); *Dictionarul explicativ al limbii române*. București. (электронное издание: www.dexonline.ro, проверено 20.03.2017/).

Корпус состоит из 496 единиц. Словарь организован по принципу тезауруса – он разделяется на три части и в каждой части рубрики соответствуют разным фрагментам модели мира, подобно тому, что предлагала Т.В. Цивьян (2005: 59), а именно:

1. *Внутренний мир* (все, что относится к дому до границы порога): части дома, посуда, одежда, продукты питания, инструменты, личные принадлежности;

2. *Внешний мир* (все, что находится вне дома): *природа* (рельеф, водные объекты, растительность, животные) и *культура* (здания, городские зоны, обрабатываемые поля);

3. *Человек*: его отношения с самим собой, с природой и культурой (качества, части тела, этнические группы, профессии, родословная; идеи, настроения, поведение и социальные отношения).

Этно-исторические заимствования

Очевидно, что в условиях этнического и языкового взаимодействия на Балканах общеполканская лексика принадлежит к самым различным семантическим сферам. Внутри нее однако необходимо выделять тип заимствований, которые определяются А.В. Десницкой как *этно-исторические* в отличие от *культурных заимствований*, последние появляются «независимо от наличия или отсутствия прямого контакта этносов, говорящих на различных языках» (Десницкая 1988: 134) и следовательно, не предполагают наличие языкового союза. Пока определяющим для этно-исторического типа заимствований является проникновение в лексическую систему чужого языка безотносительно к тому, обозначали ли они новые реалии или нет. Их проникновение «могло иметь следствием образование синонимических дублетов или даже вытеснение соответствующих элементов исконной лексики» (Десницкая 1988: 135).

Статус этно-исторических заимствований может быть присвоен ряду ориентализмов (персидского или арабского происхождения через турецкий или собственно турцизмы) в сфере духовных, физических и социальных характеристик человека (*левент* ‘статный мужчина’, *батакчия* ‘должник’, *калпазанин* ‘лентяй, негодяй’, *будала* ‘дурак, глупый человек’, *маскара* ‘безобразник, бесстыдник; посмешище’), в сфере межличностных отношений – поведение в обществе, настроение и состояние ума (*хатър* ‘уважение, почтение; услуга’, *хаир* ‘добро, благополучие’, *халал* ‘дар’, *късмет* ‘удача, везение’, *кусур* ‘недостаток, дефект’, *рахат* ‘спокойствие’, *салтанат* ‘роскошь, великопение’, *мурафет* ‘мастерство, умение’, *мерак* ‘сильное желание, охота’, *инат* ‘упрямство, упрямый’, *кеф* ‘удовольствие’).

По сравнению с синонимическими дублетами исконного происхождения они маркированы семантико-стилистическими коннотациями, которые делают их незаменимыми в системе балканской лексики. Именно в этом отражается менталитет «балканского человека». Как правило, семантические расхождения между этими лексемами в отдельных балканских языках невелики (ср в *Приложении 1* словарные статьи: *хатър, кусур, рахат, зор*).

Эмблематические маркеры дискурса

Для балканской (устной) коммуникации особенно характерно изобилие одинаковых дискурсивных слов (*mots de discours* в понимании А. Culioli 1990), выражаемых наречиями, междометиями, частицами (*ама, бре, хич, машала, макар, хайде, аман, де, хем, я, барем, яваш, сефте*, ср. таблицу у Hauge 2002: 33–40), которые придают тексту „балканскость”. В плане содержания дискурсивных слов находится не значение, а функции. Прагматические маркеры или маркеры дискурса (*pragmatic markers / discourse markers*) могут быть охарактеризованы следующим образом: „they have no effect on the truth value of the proposition with which they occur and they do not take part in the construction of propositional content... They may relate to the communication situation itself (signals of turn-taking, interruption, repair situations) or they may provide additional information for the processing of the information (change of topic, mitigation, signal of shared assumption)” (Hauge 2002: 22–23). Дистрибуция дискурсивных маркеров в тексте любого балканского языка соответствует разнообразию их функций, которые не всегда совпадают: помимо основной общей функции, наблюдаются ответвления, которые исключают возможность переводных эквивалентов. Слова, кажущиеся одинаковыми, оказываются подвластным *гетеросемии* („разница в значении того же самого слова, интегрированное в различных языковых системах”) и нередко представляют собой случаи «ложных друзей переводчика» (ср. Парашкевов 1993: 26 и его примеры). (См. в *Приложении 2: макар* по сравнению с *хайде, де, я*).

Расхождения означаемых (взгляд на систему изнутри)

Вышеупомянутый тип расхождений между означаемым и означающим (гетеросемия) наблюдается в корпусе общебалканской литературной лексики часто. В каждом балканском языке наряду с фонетической и морфологической адаптацией слова претерпевают собственное семантическое развитие. И это вполне логично: общие слова не идентичны – каждое из них принадлежит лексической системе собственного языка.

По моему мнению, исследование семантических трансформаций в воспринимающем языке носит эвристический характер по отношению к анализу балканского менталитета. Производит впечатление то, что это относится особенно к древним заимствованиям: чем раньше слова заимствованы, тем более значимыми являются их семантические изменения. Такой пример дают общие слова, восходящие к праславянскому корню *gard- (*gord-) (См. в *Приложении 3 град и гражд* по сравнению с *градище, градина, ограда*).

Разветвления в значениях древнеболг. *кость*, ц.-сл. *костька* и его производных раскрывают извилистый путь движения слова от одного языка к другому и опять к первому после трансформации значения (напр. болг. > рум. > болг.), как бы «отказ от прямой линии, от плавности в пользу извилистости» (Цивьян 2005: 73–74). И этот отказ двигаться прямо соответствует доказательствам Татьяны Владимировны, которые она приводит на примере языков и культур Балкан, когда рассуждает о «лабиринтообразной структуре *балканского пути*», «от спирали до меандра» (Цивьян 1999: 16; 141–166).

* * *

В заключение можно сказать, что взгляд на общебалканскую (литературную) лексику *извне и изнутри* наводит на мысль, что „на Балканах одинаковое существует в различиях, а единственное иррадирует в разное [...]». *Общность* существует только на основе *разного*” (Цивьян 2005: 68, 70).

Несмотря на то, что «пока описание БЯС на лексическом уровне остается *desiderata* [...], а описание лексического уровня БММ – дело будущего, может быть, и далекого», будем надеяться, что разыскания в поле семантики и семиотической интерпретации в этом замкнутом небольшом корпусе литературной общебалканской лексики представляет шаг в правильном направлении.

Библиография

- Десницкая 1988 – А.В. *Десницкая*. Типы лексических взаимосвязей и вопросы образования балканского языкового союза // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. Москва: Наука, 1988. С. 131–150.
- Парашкевов 1993 – Б. *Парашкевов*. Няколко случая на хетеросемия в балканските езици. // Съпоставително езиковедие, 1993 (XVIII), № 1, 25–30.

- Цивьян 1999 – *Т.В. Цивьян*. Балканская модель мира (7–24), Путешествие Одиссея – путь по лабиринту 143–166) // *Т.В. Цивьян*. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. Москва. „Индрик”, 1999.
- Цивьян. 2005 – *Т.В. Цивьян*. Глава 2. О лингвистических основах модели мира (26–63), Глава 3. О балканской модели мира (64–108) // *Т.В. Цивьян*. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. второе, дополненное. М., URSS: 2005.
- Hauge 2002 – *K.R. Hauge*. At the Boundaries of the Balkan Sprachbund – Pragmatic and Paralinguistic Isomorphisms in the Balkan and Beyond // *Mediterranean language review*. 14. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden, 2002. 21–40.

Приложение I³

хатър м. (+ сръб. *xáтар*): *За негов хатър. Не му кърши хатъра. Поканих го за хатър на баща му; Премина в по-горен клас по хатър.*

алб. *hatlër, -ri* м.: *e bëj për hatrin e saj* ‘правя го за негов хатър’; *e mban te hatër* ‘държи го по хатър’.

гр. *χατίρι* то (*χατιράκι* то, *χατιρικός -ή -ό*): *κάνω σε κп. то ~ /та χατίρια* ‘правя на някого хатъра’, *Κάνε μου το ~ να μείνεις μαζί μου* ‘Направи ми хатъра да останеш заедно с мен’ *Οι γονείς του του κάνουν όλα τα χατίρια* ‘Родителите му правят всичко за негов хатър / изпълняват всички желаниа’ *Θα γίνει το ~ σου. Δε χαλάω ~*, ‘Хатърът ти ще стане. Няма да ти разваля хатъра’; *Πέρασε την τάξη με ~* ‘Премина класа по хатър (без да заслужава)’

рум. *hatâr* ср. (*hatîrgiu* м.): *Pentru* (или *de, în*) *hatârul* (cuiva sau a ceva) ‘За хатъра (на някого или на нещо)’; *A face* (cuiva) *un hatâr* ‘Да направиш (на някого) хатър (добринна)’.

1. Угода, изпълнение на волята, желанието (на някого), почит, уважение.

2. Пристрастна подкрепа, снизхождение.

[< тур. *hatir* ‘памет; зачитане, уважение’ < араб. *hatyr*]

Забележка: Народно-разговорна употреба.

кусур м. (+ сръб. *кусур*) (**кусурлия** м., **изкусурявам** гл.): *Това му беше кусурът! – не стигат всички други неприятности, та ето още една. Който търси жена без кусури, без жена остава.*

алб. *kusur, -i* м. sh. **-e(t)** *i ktheu (mori) kusurin* ‘върна му (взе) остатъка (рестото)’; *kusuri i orës kaloi shpejt* ‘остатъкът от времето мина бързо’; *ç'k'usur kam unë!?* ‘какъв кусур имам аз!?’; *ia falëm kusuret*. ‘извинявам му ги кусурите’.

гр. **κουσούρι** то: *То φόρεμα έχει ένα ~ στο γιακά* ‘Роклята има един кусур на яката’, *Κάποιο ~ θα έχει το αυτοκίνητο για να πουλιέται τόσο φτηνά* ‘Някакъв кусур ще да има колата, за да се продава толкова евтино’;

³ Приложения даются на болгарском языке, поскольку они представляют собой материалы к общебалканскому словарю, который будет опубликован по-болгарски. Для его написания, кроме указанных в ссылке 2, использовались словари: *Н. Геров*. Речник на българския език. София, 1978. 6 тт. Второ изд.; *Ст. Младенов*. Български тълковен речник с оглед към народните говори. Том I. А–К. София, 1951; Български етимологически речник. Т. 1–7; *V. Kokona*. Fjalor shqip-frëngjisht. Tiranë: Shtëpia botuese “8 Nëntori”, 1977.

Κουτσαίνει ελαφρά και νομίζει πως όλοι προσέχουν το ~ του ‘Накуцва и мисли, че всички гледат кусура му’, *Έχει το ~ να τρώει τα νύχια της.* ‘(Тя има кусура) да си гризе ноктите’, *Έχει χιλιάδες κουσούρια, αλλά την αγαπά* ‘Има хиляди кусури, но я обичам’.

рум. *cusúr* ср. (*cusurgiu* прил., *cusurliu* прил.).

1. Недостатък, несъвършенство.
2. Остатък (особено) от дребни пари, ресто (алб., рум.).
3. Недостиг, липса.

[тур. *kusur* ‘недостатък; остатък’ < араб. *kusur* ‘недостатък’]

Забележка: Разговорна употреба. В алб. основно е зн. (2) с разгърнати подзначения. Обединяващо значение „нещо извън приетото и допустимото (в по-малко или в повече)” допуска антонимност („недостигащо” / „излишно”).

рахát м. и прил. неизм. (срб. *рахат*) (**рахатлък** м., **рахатясам** гл.): *Тук се живее на рахат. Бъдете рахат – всичко ще се нареди.*

алб. *rehat, -i* м. и нрч. (**rehati,-a** ж., **rehat/oj** гл., **rehatohem** гл. възвр., **rehatim, -i** м., **rehatuar, i, e** прил.): *běj rehat* ‘рахат съм, почивам спокоен, спя добре...’, *jemi (rrojme, punojme) rehat* ‘сме, живеем, работим рахат’; *u bë rehat* = *u rehatua* ‘рахатяся се’; *nuk i rri goja (gjuha) rehat* ‘не му стои устата (езикът) рахат, не си почива устата му’; *i prishi (i ngriti) rehatinë (dikujt* ‘развали му рахатлъка, обезпокои го’; *vdij i rehatuar* ‘умря успокоен’.

гр. *ραχάτι* то (**ραχατιλίκι** то & **ραχατλίκι** то, **ραχατεύω** гл.): *κάνω ~* ‘рахат съм’, *με το ~ μου* ‘на рахат, на спокойствие’; *Ξαπλωμένοι κάτω από τα δέντρα ραχάτευαν όλη μέρα.* ‘Проснати под дърветата, се излежаваха по цял ден’.

рум. *rahát* ср. (**rahagiu** м., **rahagerie** ж.).

1. Спокойствие, безгрижие, лекота, покой.
2. Спокоен, безгрижен, ненапрегнат, неподвижен.
3. Вид ориенталски сладкиш, локум. (ост.)

[< тур. *rahat* ‘почивка, спокойствие; удобство’ < араб. *rāhat*]

Забележка: Народно-разговорна употреба, по-честа в клиширани изрази.

зор м. (срхр. *зор*) (**зорлен** нрч., **зорлия** м., **назорвам (някаго)** гл.): *Не са видели още зор. На зор го карам да учи. Голям зор си дадох. Види се, че има зор, та бърза. Това му е зорът!*

алб. *zor, -i м.* (*zorim, -i м., zorisht* нрч., *zorshëm* нрч.): *ia mori me zor* ‘взе му го на сила’, *e bëri me zor* ‘направи го със зор’, *merr frymë, flet me zor* ‘поема си дъх, говори трудно, едва’, *e kuptoi me zor* ‘разбра го със зор (трудно)’.

гр. *ζόρι* το (*ζορίζω -ομαι* гл., *ζόρικός -η / -ια -ο, ζοριλίδικός -η / -ια -ο; ζόρισμα* то):

Βάζω ~ ‘Полагам усилия, давам си зор’, *Θέλει* ~ *για να διαβάσει* ‘Тряб-ва зор, за да чете’, *Βγες έξω, γιατί θα σε βγάλω με το* ~ ‘Излез навън, защото ще те изкарам на зор’, *Δεν ήθελε να 'ρθει και τον έφερα με το* ~ ‘Не искаше да дойде, че го доведох на зор / на сила’, *Δε μου άρεσε το φαγητό, αλλά το έφαγα με το* ~ ‘Не ми хареса яденето, но го изядох на зор / на сила’, *Η δουλειά έχει/θέλει πολύ* ~ ‘Работата иска много зор’, *Έχω (μεγάλα) ζόρια ή τραβώ (μεγάλο)* ~, *ζορίζομαι, πιέζομαι, Με τα χίλια ζόρια τον έπεισα να κάνει δίαιτα* ‘С триста зора го убедих да пази диета (букв. „с хиляда зора)’’).

рум. *zor* ср. (*zori* гл., *zoriu* прил., *zoralie* ж., *zurliu* прил.): *Cu zor / cu tot zorul* ‘бързо’, *Cu zorul* ‘на зор, по принуда’ *A avea zor* ‘имам зор = бързам’, *A da cuiνa zor* ‘давам на някого зор = карам го да бърза’, *A-i da zor cu (sau că...)* ‘давам му зор, настоявам’, *A nu avea zor de ceva (sau de cineva)* ‘Не ми е зор за нещо (или за някого) = не ме интересува’, *Ce zor ai?* ‘Какъв ти е зорът? = какво те интересува какво става’.

1. Принуда, насилие.
2. Усилие, труд, мъка; прилагане на големи усилия.
3. Нужда, потребност.
4. Горещо желание, бързане, спешност, настояване.

[< тур. *zor* ‘трудност, насилие’ < перс. *zōr, zūr*, тур. *zorli*]

Забележка: Просторечно-разговорна дума. Посочените значения са по-скоро преплитачи се семантични оттенъци, отколкото реализирана многозначност.

◇ Изр.: гр. *Έχω (μεγάλα) ζόρια* ‘под натиск съм’= бълг. *имам зор* ‘при-тиснат съм, бързам’= рум. *A avea zor* ‘бързам’; бълг. *На зор (на сила) хубост не става* = гр. *με το ~ παντρεία (де γίνεται)* ‘на зор сватба (не става).

Приложение 2

макар нарч. (+ срхр. *mákar*): *Καжи макар една дума. Макар че / макар и да го молехме наистоятелно, отказа.*

алб. **takar** частица: *takar të më jepte gjysmat*. ‘поне да ми дадеше половината’ и съюз: *takar unë, takar ti* ‘или аз, или ти’.

гр. **μακάρι** межд.: ~ *να τους проλάβει!* ‘дано да ги стигне!’, ~ *να πετύχεις στη δουλειά σου* ‘дано успееш в работата си’, ~ *να βρέξει!* ‘дано да завали’, *Εύχομαι όλα να έρθουν βολικά*. – *Μακάρι!* ‘Желая всичко да стане добре. – Дано!’; ~ *να ήταν έτσι!* ‘Де да беше станало така!’, ~ *να είχες έρθει μαζί μας!* ‘Де да беше дошъл с нас!’ ~ *να τον проλαβαίναμε, πριν πεθάνει!* ‘Дано да го сварим, преди да умре!’; ~ *να ήξερα Αγγλικά!* ‘Ах, ако знаех английски!’ *Δεν αλλάζει γνώμη*, ~ *να τον παρακαλάτε ώρες*, ‘Не си променя мнението, макар да го молите часове.’, *Δε θα τον συγχωρήσει*, ~ *και γονατιστός να ζητήσει συγγνώμη* ‘Няма да му прости, макар и на колене да му иска извинение’.

рум. **măcar** нарч.

1. Наречие, междуметие (възклицание); съюз за противопоставяне за изразяване на пожелание, желание, неосъществимо или насочено към бъдещето – ‘дано; даже, дори; поне; въпреки че, ако и да’.

[< нгр., сргр. *μακάρι* < елинистичният израз *μακάριόν έστι* ‘благословено е’ < *μακάριος* прил. ‘напълно щастлив, блажен’: *μακάριοι οι πτωχοί τω πνεύματι*. ‘блажени са нищите духом’; нарч. *Παρά όλο το θόρυβο αυτός κοιμάται μακαρίως* ‘Въпреки всичкия шум, той спи блажено’, срв. ит. *magari* ‘дано, поне; дори, даже’, исп. *maguer* (X в.)]

хайде межд. (+ срхр. *hajde*): *Χайде да идем.*

алб. **hajde, -ni** межд. *hajde të këndojmë!* ‘хайде да пеем!’, *hajde këtu!* ‘Хайде тук!’, *hajde ç’trim ishte!* ‘хайде бе, какъв храбрец беше!’

гр. **Αντε** [áde] & **άιντε** [(ái)de] межд.: ~ *πες τους να ρθουν* ‘Хайде, кажи им да дойдат!’, ~ *βιαστείτε: είναι ώρα να φεύγουμε* ‘Хайде, бързайте, време е да тръгваме!’, ~ *στο καλό / στην ευχή του Θεού* ‘Хайде, на добър час/ както даде бог!’, ~ *στη δουλειά σου και άσε τα λόγια* ‘Хайде на работа и остави приказките!’, ~ *χάσου*, ~ *από δω* ‘Хайде, изчезвай’, ~ *λοιπόν γιατί αργείτε; ~ τι γίνεται, θα φάμε τίποτε* ‘Хайде, защо се бавите? Хайде, какво става, ще ядем ли нещо?’, ~ *να δούμε πώς θα ξεμπλέξουμε*. ‘Хайде да видим как ще се оправим’, ~ *να δούμε τι θα γίνει* ‘Хайде да видим какво ще стане!’, *Αιντε άιντε, πήραν τα μυαλά σου άέρα*. ‘Хайде, хайде, взе умът ти вятър!’; *Χίλιες δραχμές; ~, για σένα οχτακόσιες* ‘Хиляда драхми? Хайде,

за теб осемстотин!’, *Θα ήταν σαράντα, ~ σαράντα πέντε χρονών*. ‘Ще да е бил (-а) четирсет, хайде четирсет и пет години’.

рум. **háide** *межд.*. (вар. *háida, haid, áida, áide*) *Haide, haide, vino mai repede!* ‘Хайде, хайде, идвай по-бързо!’, *Haidem la plimbare* ‘Хайде на разходка’, *Luă toporul și haide la treabă* ‘Взимай брадвата и хайде на работа!’

1. Възклицание, което се употребява при подкана, заповед, пожелание да се направи нещо. Придружава се от императив на глагола (вкл. и „да“-императив) и със съществителни, предходени от предлог *на / σε / la*. Когато изразява нетърпение, се повтаря.

[< тур. *haydi* ‘добре, бива, може’]

Забележка: Схващано като императив на глаголи за движение, е започнало да се спряга в мн. ч. 1 и 2 л.: алб. *hajdeni*, бълг. *хайдете*, рум. *(h)aidem, (h)aideți*, сръб. *hajdemo, hajdete* (и *hajdemme*).

Рум. *haida-de!*, бълг. *хайде-де!* – възклицание, чрез което се изразява отхвърляне на становище или неодобряване на поведение.

де *частица:* *Седнете де, седнете. Де да видим! Стига де! Разбрах де! Тогава де, когато се видяхме. Така де, нали знаете. А ония, нашите де, отишли да се хвалят.*

алб. **де** *частица:* *eja de!* ‘ела де!’, *mjaft de!* ‘стига де!’, *mirë de!* ‘добре де!’, *de, kuqo, de!* ‘де, червенко, де!’, *de, more hall, de!* ‘де, море хал / несрета, де!’

гр. **ντε** [dé] *частица:* *Πήγαινε ~ μην καθυστερείς* ‘Тръгвай де, да не закъснееш!’, *Αντε ~ κουνήσου!* ‘Ела ~ βιάσου!’ ‘Хайде де, мръдни! Ела де, побързай!’, *Άσε με ~ μη με σπρώχνεις* ‘Остави ме де, не ме блъскай!’, *Ελα ~ ορκίσου, αν σου βαστά* ‘Закълни се де, ако ти стиска!’, *Άκουσε τι σου είπα;* – *Άκουσα ~ / καλά ~* ‘Чу ли, какво ти казах? – Чух, де / добре, де’, *Μην ξεχάσετε να τηλεφωνήσετε.* – *Οχ, καλά ~ μας το είπες* ‘Да не забравите да се обадите по телефона. – Ох, добре де, каза ни го?’, *Πώς ζουν με τόσο λίγα χρήματα;* – *Αντε ~!* ‘Как живеят с толкова малко пари? – Айде де!’

рум. **de** *частица:* *Apoi de! ce să-ți fac!* ‘После де! Какво (мога) да ти направя!’

1. За изразяване на подкана, насърчение, поощрение, заповед.
2. За изразяване на досада, недоволство, отхвърляне, неодобрение, недоумение.
3. За наблягане и уточнение на казаното.
4. Възклицание, което се употребява, за да подтикне животно (кон, муле, магаре) да върви (без бълг.).

[вероятно < тур. (диал.) *de* или оноματοпея]

Забележка: ◇ Изр. гр. *έτσι ντε* = бълг. *така де* изразява удовлетворение, че е станало нещо силно желано или естествено: *Δώστε τα χέρια. Έτσι ~, τώρα με κάνετε ευτυχισμένο* ‘Подайте си ръцете! Така де, сега ме правите щастлив!’, *Χτύπησε το πόδι του. Έτσι ~ καλά να πάθει, αφού περπατά ζυπόλυτος* ‘Удари ли си крака. Така де, хубаво пострада, след като ходи бос’.

Характеризира народно-разговорната реч.

Я межд. (+ срхр. *ja*): *Я вземи това. Я кажи ми, облаче ле бяло... Я ме оставете на мира! Набих го, я! Не съм ти слуга, я! Я, къде си бил! Я, какво стана!*

алб. **ja** частица *ja ku po vjen!* ‘ето къде точно идва!’, *ja si ndodhi...* ‘ето как се случи...’, *ja, kjo është e gjitha* ‘ето, това е всичко’, *ja edhe diçka tjetër* ‘ето и нещо друго’, *dhe ja më në fund foli* ‘я, и накрая проговори’, *ja ç’na qenka!* ‘я какво ни се случило!’.

гр. **για** частица: ~ *πες μας τα νέα σου* ‘я кажи ни новините си’, ~ *να δω τι κάνετε!* ‘я да видя какво направихте!’, ~ *να δοκιμάσουμε άλλη μια φορά!* ‘я да опитаме още един път!’, ~ *έλα εδώ* ‘я ела тук’, ~ *πρόσχεχε λίγο* ‘я внимавай малко’, ~ *μάζεψε τη γλώσσα σου* ‘я си събирай езика’.

рум. **ia** межд.: *Unde te duci? – Ia, râpă la colț* ‘Къде отиваш? – Я, до ъгъла’, *Ia, ce se face afară?* ‘Я какво става навън?’, *Ia lasă-mă încolo, măi omule!* ‘Я ме остави нататък, човече!’, *Măi, omule! Ia acum să te văd!* ‘Мой човек! Я да те видя сега!’, *Am zis și eu, ia așa, o vorbă în vînt.* ‘Казях и аз, а така, дума на вятъра’.

1. Означава подкана, молба, насърчение; изненада, учудване; досада, негодувание, заплаха.

2. Служи да привлече вниманието, да наблегне или посочи нещо близко.

[обяснявано като заето от съседни езици, вкл. от слав. в рум. или спонтанно образуване]

Забележка: В алб. и бълг. с повторение се използва и като съюз ‘или... или’: *ja vdekje, ja liri* ‘я смърт, я свобода’; фразеологизъм *я камилата, я камиларя* ‘не се знае какво ще се случи впоследствие’.

Приложение 3

град м. (срхр. *grād*): *Под тежките му стъпки каменният град изтръпва и намръщен се събужда.* Смирн.

алб. **gardh** м. (*gardhëtar*, -i м., *gardhiq/e*, -ja ж., *gardhisht/e*, -ja ж. *gardhisht/ë*, -a ж., *gardhnaj/ë*, -a ж. *gardh/oj* зл., *gardhol/e*, -ja ж., *gardhor/e*, -ja ж., *gardhim*, -i м., *gardhol/e*, -ja м., *gardhor/e*, -ja м.): *thur gardhin* ‘плета ограда’, *gardhi ka sy (veshë)* ‘оградата има очи (уши) = от хорските очи и уши нищо не може да се скрие’ (срв. бълг. *И стените имат уши*)

гр. **γαρδίκι** (само като местно име)

рум. **gard** н. (*gardagiu* м, *gărdui* зл., *gărdurărișă* ж., *gărdurărit* ср.)

1. Голямо селище; крепост, твърдина (само в бълг.).

2. Плет, ограда; препятствие (в алб. и рум.)

[< прасл. **gardŭ* ‘оградено място’]

Забележка: Праславянска заемка в съседните езици преди провеждане на ликвидната метатеза

♦ Изр. *A sări peste garduri* ‘имам неморално поведение, букв. прескачам през огради’; *A sări peste (sau dincolo de) gard* ‘преминавам допустимата граница на поведение, отношение, букв. прескачам през (или извън) оградата’; алб. *e kapërceu gardhin* ‘преодоля трудността, която имаше, букв. прескочи оградата’.

градина ж. (+ срхр. *grādina*) (градинар, -ка м., ж., градинарски прил., градинарство ср., градински прил.): *Овощна градина.*

алб. **gradinë** ж. (Kokona 1977)

(-гр.)

рум. **grădină** ж. (*grădinar* м., *grădinăreasă* (вар. *grădinăriță*) ж., *grădinăresc* прил., *grădinări* зл., *grădinărie* ж.)

1. Място, засадено с цветя, (плодни) дървета или зеленчук – обикновено заградено и близо до селището.

[< бълг., срхр. *градина*]

градище м. (+ срхр. *grādište* ‘работна площадка, строеж’)

алб. **gradisht/ë**, -a ж.

(-гр.)

рум. **grădiște** (*grădiști*) ж.

1. Място, където някога е имало крепост, твърдина.

2. Археологически останки от такава твърдина.

[бълг. *градище*, стб. *градиште*]

Забележка: Запазено най-често като топоним.

ограда ж. (+ срхр. *ограда*): Там, край село, без ограда, малка къща се крепи.

алб. *ograj/ë,-a* ж.

(-гр.)

рум. *ográdă* ж.

1. Стена или плет, стобор, бодлива тел, натрупани тръне, изкоп и др. около нещо, за да го предпазват.

2. Двор, градина, пасище (само в алб. и рум.)

[бълг. *ограда*]

гразд м. (Геров I.)

алб. *grazhd,-i* м. (*grazhdar,-i* м., *grazhd/oj* гл., *grazhdohem* гл. *възвр.*, *grazhdim,-i* м.)

(- гр.)

рум. *grajd* (*grăjduri*), ср. (*grăjdar* м.)

1. Постройка за отглеждане на едри домашни животни: обор, конюшня.

2. Ясли: място, където се хвърля храна на животните (само в алб. и рум.).

[< стб. *граздь* ‘конюшня’]

Забележка: Усвоена в алб. и рум. стб. дума, развито словообразуване, словообразователни паралели (*grazhdar* = *grăjdar* ‘който се грижи за животните в обор’). Остаряла и диал. в н.-бълг. ‘обор, конюшня, оградено място за животни’.

кост ж. (*костка* ж. диал. вариант от Охрид, Прилеп, Воденско **ко-ска**, *коцка* ж., **коцкар** м.) (+ срхр. *коцка* ‘кубче, зар’, *коцкар*, *коцкати се*, *коцкарница*): *Преди дъжд ме болят всички кости. Влагата прониква до кости.*

алб. *kock/ë,-a* ж. (*kockëfortë* прил., *kockëbutë* прил., *kockëgjerë* прил., *kockëhollë* прил., *kockëmadh* прил., *kockërin/ë* ж., *koskor,-e* прил.): *më dhembin kockat* ‘болят ме костите’, *deri në kockë* ‘чак до костите’.

гр. *κότσι το*

рум. *coțcă* ж. (coțcaг м., coțcăgie ж.)

1. Всяка част от скелета на човека и на гръбначните животни (бълг., алб.).

1а. Глезен на човека и животното; костелива изпъкналост, деформация в основата на големия пръст на стъпалото (гр.).

2. Стара (детска / хазартна) игра, в която (глезенна или колянна) кост (бълг. вар. *коцка*, срхр. *коцка*) се употребява като зар; този „зар“ (бълг., гр., рум.).

3. Сърцевина, най-устойчивата част на нещо; физическа и морална издръжливост/твърдост (алб., гр.): *ai s'ka kockë për atë punë* 'той няма издръжливост за тази работа', *kockë e fortë* 'як кокал, човек, който не се предава лесно', *δε βαστούν τα κότσια μου* 'не ме държат краката', *αν έχεις κότσια*. 'ако имаш твърдост', *θέλει (γερά) κότσια αυτή η δουλειά* 'иска (яки) кости тази работа'.

[славянска заемка.: стб. *кость*, числ. *костька*, числ. *костарь* 'който играе на кости', числ. *костарьство* 'игра на кости' (БЕР)]

Забележка: Славянска заемка, утвърдена в съседните езици с различни свои значения: в алб. – с основното анатомично значение 'кост'; в гр. – със специализирано / стеснено анатомично зн. 'вид кост' (срв. 1а. и бълг. *коц* 'глезен на крак' (Ст. Младенов); семантичният преход 'кост > игра на кости / зар' е остарял в бълг. и гр., но основен (и единствен) в рум., от което и значенията на производните – бълг. (ост.) *коцкар* 'крадец на дребно, джебчия, играч с фалшиви зарове' (Младенов) и рум. *coțcăr* 'джебчия, мошеник', а днес *коцкар* 'развратник, женкар'.

Метафоризацията ('сърцевина') в алб. и гр. (3) е основа на паралелни фразеологизирани изрази в двата езика.

◇ Изр. алб. *mish pa kocka s'ka* 'месо без кости няма' = *Месо без кости не бива* (Младенов); алб. *gjuha kocka s'ka dhe kocka thyen* 'езикът кости няма, но кости троши' = *Език кости няма, а кости троши* (Младенов);

алб. *(u bë) kockë e lëkurë* '(станал) кости и кожа' = *станал е кожа и кости* ('много е отслабнал'); алб. *la kockat (lëkurën)* 'остави костите си (кожата си)' = *оставил / положил костите си (пред олтара на Отецството)* = 'умря, загина'.

Ronelle Alexander (Berkeley)

BULGARIAN DIALECTS:
THE VIEW FROM WITHIN AND WITHOUT

All ethnographers must contend with the “observer’s paradox” – the probability that the presence of the outsider-ethnographer affects the behavior being observed, and the resulting likelihood that it is not possible to observe a completely natural situation. Ethnographers are of course aware of this danger, and try to construct an interview situation which will be as natural as possible.

But the danger is twofold. Not only may the fact of being observed cause the informant to behave less than completely naturally, it is also likely that the observer – being human – will bring his or her perceptions to bear when reporting on (and interpreting) the observed behavior. Most ethnographers are also aware of this danger, but – again being human – are probably unable to correct for it fully.

The advent of technological recording devices has helped remove some of these dangers. When first introduced to the village situation, these devices were strange and frightening to villagers who did not even know electricity. Now, however, with the ubiquity of television and cell phones even in remote villages, these machines are taken for granted and probably do not affect behavior much more than it might already have been affected by the presence of the observer, at least when it concerns free conversation about non-controversial topics. And from the observer’s standpoint, such recordings provide a very valuable touchstone of objectivity.

With respect to dialectology, the subject of this contribution, the ability to make audio recordings of real speech, in real time, has been transformative. Not only do these recordings allow the investigator to listen repeatedly to the same material, and to make much more accurate transcriptions, but they have also revealed a much greater diversity in dialectal material than had previously been assumed. Indeed, once audio recording became the norm, it appeared likely that the regularity of reflexes reported on the basis of texts recorded by hand was illusory, and most likely due to unconscious normalization on the part of the investigator / transcriber. This is not surprising, given that such an investigator was required to follow a normal conversation, be on the lookout for pertinent dialectal forms, and make phonetic transcriptions of what he heard, all more or less simultaneously. Dialectal data published in the latter part of the 20th century, which give ample proof of this greater diversity, are

assumed to be more reliable simply because they have been transcribed from audio recordings. But there is still a drawback: because these materials exist only in print form, users have access only to those data which the investigator chose to transcribe, and then chose to present in print.

The next major step forward was the introduction of digitization, and the ability to provide immediate, cost-free access to digital files over the internet. Because audio files can now be made available not only to the investigator, but also to the user, one can move closer to a resolution of the observer's paradox. The most responsible way to do this is to provide audio files of real speech recorded in real time, accompanied by as much information as possible both about the material being presented and the context in which it was recorded.

These are the intentions underlying the construction of the database *Bulgarian Dialectology as Living Tradition* (BDLT, now available over the internet at <http://bulgariandialectology.org>), which includes 181 excerpts from field recordings made in 68 different villages throughout Bulgaria over the period 1986–2013. Each excerpt occupies a separate page containing the audio file, a transcription of the file's contents (in both the Latin and Cyrillic alphabets), a translation into English, metadata about both the text and the circumstances of recording, and annotations of each word in each text, allowing users to search the database for items or traits of interest. At present the site includes only the texts plus annotations (which are still in the process of being assigned), but it will eventually include analytic prose commentaries (akin to normal research reports), both about the traits of each local dialect investigated and about salient treats of each individual text. The importance of this sort of presentation, which provides both the actual field recordings and extensive analysis of these recordings – is the possibility of verification. Users no longer need to trust that the investigator has made the right transcription or analysis: they can listen to the original and verify for themselves.

As noted above, there are two aspects of the observer's paradox. The first is that the presence of the observer may detract from the naturalness of the situation being observed, and the second is that the unconscious attitudes of the observer may affect the objectivity of the report about that situation. All responsible researchers, of course, do all they can to mitigate the effects of both these potential dangers, and the BDLT team is no exception. Concerning the first of these factors, dialectologists are fortunate in that audio recorders that are now so small as to be next to unnoticeable. This increases the likelihood that the informant, once having given permission to be recorded, will forget that the recording is taking place. The BDLT team has further acted to maximize the naturalness of the situation by eschewing questionnaires and

choosing to record at length natural conversations between investigator(s) and informant(s). The team realized from the outset that by doing so they might fail to record certain specific wordforms, but they felt the choice was justified by the spontaneity (and consequent reliability) of the what did occur in the recorded speech. The audio files provided on the BDLT site are unedited (except to excise random noises), thus allowing the user maximal access to this natural conversational situation.

The second factor, the goal of objectivity, is naturally of concern to all research endeavors. While the BDLT project makes no claim to full objectivity, its design nevertheless contributes an additional factor by expanding the point of view. Most dialectological enterprises are organized and carried out by research institutions within the relevant countries, with the obvious advantage that the researchers are native speakers, who are familiar with the landscape and the culture, and who have full access to research archives of past expeditions sponsored by these same institutes. By contrast, the BDLT site is an outgrowth of a series of joint Bulgarian-North American field expeditions spanning the period 1990–2002, and the majority of the material on the site is drawn from field recordings made during these expeditions. All levels of the project, therefore, from the original field expeditions through to the final presentation of research results, were undertaken collaboratively. The entire BDLT project, therefore, represents a combination of the insider's (the Bulgarian) and the outsider's (the American) view.

The value of the insider's point of view is obvious. As native speaker dialectologists, the Bulgarian side of the BDLT team directed the field work (though the Americans side also took part), did all the research underlying the selection of field sites, reviewed all the field tapes for the choice of excerpts and made the initial transcriptions, and continue to participate fully in (and provide the expert view on) the process of annotation, discussion, and interpretation of the excerpts. Their view provides the project with the extensive experience and institutional memory of the discipline of Bulgarian dialectology. But it is the combination of this viewpoint with that of the outsider that has made this project unique. It was the American co-organizers of the field expeditions who insisted that the sole focus be on recording long stretches of natural, spontaneous conversation, even at the expense of the questionnaire level of fieldwork. It was also the American side which devised the format of publishing transcribed texts along with audio segments, and of translating these segments into English so as to make them more accessible to the world outside Bulgaria. It was also this side which then proposed that the entire project be presented not in print (or electronic pdf) format but as a relational database accessible on the internet, and which then devised and implemented the form of this website.

The resulting website is unique even among the several such websites which now present Balkan dialectal data accompanied by audio files. This is partly because it combines the synchronic approach of a corpus with the diachronic slant of many of dialect atlas maps. In the first instance it presents a large amount of natural language data recorded in context, and provides a means to search for individual word forms within the speech stream; while in the second it tags individual items for a number of factors, many of which are of historical interest, and provides a means not only to search for items displaying these factors but also to depict their geographical distribution on a map. Finally, the site was not required expensive custom programming, but was rather constructed using the open-source content management system Drupal, which is constantly being developed and improved by a worldwide community of volunteer programmers.

This contribution's title speaks of the insider's and outsider's viewpoints. But the "living tradition" of BDLT in fact speaks to three different levels. Dialect speakers for whom their means of speech is a way of life represent tradition at the core, inmost level. Study of these dialects according to the venerable traditions of Bulgarian dialectology represents tradition at the insider, local level. Finally, making the material of these dialects open to everyone through the means of modern technology represents the new tradition of the worldwide digital community.

Уте Дукова (Франкфурт на Майн)

БЪЛГ. ВЯРА В КОНТЕКСТА НА ОПОЗИЦИЯТА СВОЙ / ЧУЖД

Етимологичните връзки на праслав. и общослав. **věra* – родството с германски **wēra* ‘договор, обет, съюз’, старовисоконемски *wāra* ‘вярност към сключен съюз, закрила’ (VIII век), от индоевропейски корен **uer-* ‘заслужавам доверие, верен, истински’ (Pokorný 1959: 1165; Pfeifer 1995: 1531) насочват към първоначалното социално-правово значение на тази дума. Подобен семантичен спектър имат немски *Glaube* ‘вяра’, сродно с *lieb* ‘мил, драг’, *geloben* ‘давам обет’ от индоевропейски **leubh-* ‘обичам, мил’ и ‘доверие, вяра’ (Pfeifer 1995: 454, 798), англ. *true* ‘верен, истински’, сродно със старовисоконемски *triuwa* ‘вярност, договор, съюз’ (VIII век) (Pfeifer 1995: 1458), както и алб. *besë* ‘дадена дума, клетва, гаранция, обещание, вяра, вярност’ (Fjalor 1980). Приведените езикови данни отразяват нравствено-обществени отношения, определени от групата и взаимоотношенията и обмяната между групите. Правото се определя от *veritas*, съгласието на всички (Wesel 1985: 185). С това *věra* влиза в контекста на опозицията СВОЙ / ЧУЖД. Докато на „своите” се дължи абсолютна вярност, спрямо чуждите се позволява измама (Wesel 1985: 89). Със сключване на договори чуждото се превръща в свое. Свещеният характер на договореността на товарва *věra* с религиозно значение, което позволява при приемането на християнството да се използва като еквивалент на гръцки *πίστις*, латински *fides* ‘вяра’ за означаване на централно понятие на християнската догма. И като такава *věra* заема ключово място в опозицията СВОЙ / ЧУЖД, където вярващите са положителният член.

В модела на света на българската традиционна народна култура противопоставянето между християнска вяра / безверие, чужда вяра се отличава със силен антагонизъм. Християнска вяра означава православна вяра. Като неверници, иноверци се смятат не само привържениците на други религии, а и католици и протестанти. Принадлежността към вярата се определя преди всичко от спазването на ритуалите. В известния роман на Иван Вазов „Под игото” бай Марко укорява сина си; „*Ти ставаши от софра, без да се прекръстиши, протестантино!*” (Вазов 1967: 13). Интересът към канонично-християнската страна на религията се засилва едва през Възраждането в градските среди на занаятчиите (Бонева 1994:265). Вярата е преди всичко ярък национален белег. Информаторите

на Димитър Маринов говорят за „*нашата, българската вяра*” (Маринов 1995: Б 101). В тайните зидарски говори християнин се идентифицира не само с член на собствената народност, но и с „човек”, на пр. *посен* (т.е. който държи постите) ‘християнин’ (Брацигово, Дебърско), ‘човек’ (Смолско, Пирдопско), ‘българин’ (Брацигово), ‘сърбин’ (Битолско, Крушово, Охрид, Прилеп): *мръсен* (т.е. който блажи, но и ‘нечист’) ‘турчин’ в същите говори (БЕР 5: 538–539). В морала на традиционната култура смяната на вярата се смята за тежък грях, потурченият погубвал душата си, покривал със срам рода си и заслужавал бесилка (Маринов 1995: 100). Вярата се идентифицира с върност към народа, рода и семейството и към традицията: „*Кога човек не почита вярата на баща си и яменява – то каква друга вяра може да има у него*” (Маринов 1995: 101).

Привържениците на чужда вяра често се демонизират и така минават в категорията на чуждото: на пр. *елинин* ‘езичник’ и ‘великан като песоглавец’, *жидове* – първоначално ‘евреи’ – ‘митични великани’, *латини* ‘католици’ и ‘доисторически великани’ (Дукова 2015: 169, 170, 181/182). В едно баене от Пловдивско се казва:

*Тръгнъле съ сидимдисе и седем вери злини:
аврейци латинци* (СбНУ 1893, 9/2: 138).

Метонимичната употреба на *вяра* като ‘който държи някаква вяра’ (НГ) води към семантичен развой като общ квалификационен белег = ‘вид’, на пр. *Коя вяра е това дърво? Таралешът е стара вяра.* – и по-волява образуване на множествено число.

Неверен покрай ‘нерелигиозен’ значи ‘коварен, лъжлив, лош’, на пр. *невярна болест = коварна болест* (предимно във фолклорни текстове). Този семантичен развой има точно съответствие в албански *i rabešë* ‘коварен, безчестен’.

В българските говори се среща синтагмата *имам вяра* като синоним на *вярвам*, старобълг. ВЪРЖ ИМАТИ, но и със значение ‘ползвам се с доверие’, което също има точно съответствие в албански: алб. *Ka besë* ‘може да му се вярва, да му се окаже доверие’ (Gjalor 1980: 126).

Очертават се предимно две групи, които не заслужават доверие:

1. Представители на чужди народности, преди всичко турци. В пословици и поговорки се обобщава това схващане:

Турчин вяра има ли? Турчин вяра няма. (Ракшиева 2003: 9).

2. Жени: *Жена вяра има ли?* (от Сборника на П. Славейков на български пословици, цитиран по Ракшиева 2003: 16). Жената се причислява към категорията на чуждото и се свързва с две други категории на чуждото – животните и демоните: *На жена, катър и куче който хваща вяра – акъл няма* (Ракшиева 2003: 17); *Вярвай кучката си, не вярвай жена си* (НГ).

Според легендата жената е създадена от дяволска опашка (СБНУ 1893, 9/2: 155). В народните поверия демоните, особено демоничните болести, имат предимно женски образ. Схващането на жената като чужда не е само семиотичен стереотип, но има и социален контекст: в патрилинейния род жените са чужди, те трябва да се приобщават към рода на мъжа чрез определени ритуали както на пр. „говеене”, ритуално мълчание. В българската традиционна култура новобрачната се смята за пълноправен член на семейството и родствената група на съпруга си едва след като роди първото си дете (Генчев 1985:165).

Във фолклора се среща *вяра* със значение ‘дадена дума’, ‘сговор’, предимно в съчетание с *клетва*: „*Вяра и клетва сторили*”. (Срв. сърбохърватски *вера* покрай други значения и ‘дадена дума, договор’, руски *вера* ‘клетва’). Извън фолклорния контекст е засвидетелстван производният глагол *веря се* ‘давам вярна дума, с клетва се обричам’ (НГ). В клетви се употребява *вяра* като ‘честна дума’: *Вяра ти казвам; Вяра ми* (Срв. срхр. *Вера ми*, новогръцки *μὰ τῆν πίστη μου!*) с изледняло вече значение (Маринов 1995: Б 108). В тези специфични употреби значението на *вяра* е тъждествено на алб. *besë* ‘клетва, дадена дума, честна дума, гаранция, обещание, вяра, вярност’, „основна морална и етносоциална категория на албанския модел на света” (Цивьян 2005: 77). И в морала на българската традиционна народна култура „*Дадената дума, стореното обещание, сключения договор, увързаното задължение се смятат от всякого за священи*” (Маринов 1995: А 281). С този принцип – вярност към дадената дума, към клетвата – една от ключовите семантики на балканския модел на света (Цивьян 2005: 340) – българската народна култура се вписва в „балканския” модел.

Скицираните тук черти от семантичното поле на бълг. *вяра* отразяват морални и етносоциални представи и норми, близки до ценностната система, залегнала в архаичната му номинация. Привличане на по-обширен диалектен материал от славянските и балканските езици би очертавало по-диференцирана картина, в която се наслагват и преплитат много черти в този модел със силно противопоставяне на категориите СВОЙ / ЧУЖД.

Литература

- БЕР 1971–2010 – Български етимологичен речник. Т. 1–7. София.
Бонева 1994 – Т. Бонева. Еснафски организации // Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994. С. 250–266.

- Вазов 1967 – *Ив. Вазов*. Под игото. София, 1967.
- Генчев 1985 – *Ст. Генчев*. Семейни обичаи и обреди // Етнография на България. Т. 3. Духовна култура. София, 1985. С.159–214.
- Дукова 2015 – *У. Дукова*. Наименования демонов в българском языке. М., 2015.
- Маринов 1995 – *Д. Маринов*. Българско обичайно право. Второ фототипно издание / Съст. М. Василева. София, 1995.
- НГ – *Н. Геров*. Речник на българския език. Т.1–6. София, 1975–1978.
- Ракшиева 2003 – *Св. Ракшиева*. Растителна и животинска символика при обозначение на чуждото // Растителният и животинският свят в традиционната култура на българите. Доклади от X-та Национална конференция на българските етнографи. Стара Загора 2003. София, 2003. С. 5–18.
- СБНУ – Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1889
- Цивьян 2005 – *Т.В. Цивьян*. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 2-е, доп. М., 2005.
- Fjalor 1980 – Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Tiranë, 1980.
- Pfeifer 1995 – *W. Pfeifer*. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen. München, 1995.
- Pokorny 1959 – *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- Wesel 1985 – *U. Wesel*. Frühformen des Rechts in vorstaatlichen Gesellschaften. Umriss einer Frühgeschichte des Rechts bei Sammlern und Jägern und akephalen Ackerbauern und Hirten. Frankfurt am Main, 1985.

Анастасия Петрова (Велико-Тырново)

НАБЛЮДЕНИЕ ИНТЕРПРЕТАТОРА
НАД ДИНАМИЧЕСКОЙ СУЩНОСТЬЮ ЯЗЫКА:
БАЛКАНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ «ВИДЕНИЕ» УМА

Языковое сознание обладает рефлексивным характером и этнической (социальной) обусловленностью. Важнейшей его функцией является деление мира на категории и отнесение конкретных предметов и событий к этим категориям. Познавательная и творческая деятельность сознания порождает ментальность общества, которая проявляется в сознательном и бессознательном восприятии внешнего и внутреннего мира, в стереотипах, поведении, интеллектуальных, духовных и нравственных интересах личности, в отношениях и в оценке наблюдаемых фактов.

Основным средством объективизации ментальности является языковая семантика. При помощи системы вербализованных когнитивных структур лингвокреативное мышление моделирует мироощущение общества. Поэтому для исследователя аспекты языковой семантики (средства вторичной номинации, смысл знаков языка, внутренняя форма, культурные коннотации и т.п.) приобретают особое значение. Основное внимание сосредоточено на механизмах вербализации систем основных этнокультурных концептов. Концепт является источником семантической структуры языковой единицы, созданной сознанием в процессе его языковой объективизации.

Историческая направленность исследования семантики знаков позволяет доказать диахронную предопределенность каждого синхронного языкового факта. Так внимание к семантике, синтактике и прагматике слова *ѹмъ* в языке авторов X–XI в.¹ позволило бы раскрыть корни современной концептуализации *ума*.

В основе средневекового концепта лежит представление *ума* как отраженного сияния божественного разума и органа духовной жизни. Он

¹ Фактом особой важности является то, что древнеболгарский язык вырос на основе живой речи. В Средневековье он пережил глубокую реорганизацию внутреннего строя (прямые заимствования, калькирования с греческого, переосмысление исконных слов в богословско-философском плане, интеллектуализация и стилизация выразительных средств) под влиянием сильного влияния латинской и греческой культур (Илиева 2013: 30–31).

регулирует нравственный порядок сотворенного мира, создает духовное единение с Творцом, является источником вечного стремления к Нему и проявления «недостигаемого умом» и «непознаваемого» Божества. Многослойная семантическая структура слова *оумъ* является выражением специфической формы языкового сознания, которое фиксирует и представляет культурно-исторический опыт общности. Это общепотребительное слово, глубоко переосмысленное и «настроенное» на новое абстрактное богословско-философское понятие. Концепт может наблюдаться в системе языковых метафор, которые не просто имплицитно связывают две сущности, но раскрывают динамику семиозиса и языковой концептуализации.

В дискурсе древнеболгарских памятников *ум* осмыслен как важнейшая и чистейшая часть *души*, средоточие мышления и чувств. С помощью постоянных адъективных классификаторов² в средневековой гносеологии *бесплотный* ум противопоставлен грубой *плотской* бесчувственности: *вчима плотныма вѣдѣ. и оумомъ бесплотнымъ домы шлѣна* (ЙоЕШ 208а). Метафорический переход **УМ – ДУША** – одна из основных когнитивных моделей. Отсюда выражение *всѣмъ оумомъ* (С 25.10) (СР) в значении ‘искренне, всей душой’ (ср. современное болгарское выражение *с цялата си душа* ‘искренне, всей душой’, но невозможное **с целия си ум*). *Эпитеты* *мысльна* и *разоумнѣна*, вместе с *проста*, *бесплътна* образуют с философским термином *душа* постоянные коллокации (ЙоЕБ 177а). Можно сделать вывод, что в средневековом сознании существует закономерное неразличение чувственной стороны человека и его мыслительной деятельности. Слово *оумъ*, ориентировано на способность человека рассуждать и осознавать самого себя, узнавать и аккумулировать знания и опыт, понимать и ориентироваться в конкретной ситуации, но оно также обозначает способ мышления, *эмоциональность*, убеждения и стремления личности. В переводном тексте Иоанна Экзарха говорится об *уме-душе* (*оумъ съ и душа*), которая пролетает над миром и как божественное *сияние* возносится к Богу (ЙоЕШ 216а, 216б). Подобную идею об *уме* как чудотворной энергии, с которой связана индивидуальность человека, содержат и гр. *νόος*, атт. *νοῦς* и лат. *mēns* (Войнов, Милев 1990: 414).

Яркая доминанта в христианском сознании есть метафоризация *ума* как ипостасного сознательного бытия духовных существ (ангел, демон): *разоумъ же соущѣ (дѣнган, ск. Т. И.) въ разоумныиныхъ мѣстѣхъ сѣтъ*

² Глаголы, прилагательные, существительные, обладающие категоризирующей функцией, получают определение *классификаторов имен* (Борискина, Кретов 2003: 13–15).

ЙоЕБ 109а (Илиева 2013: 94 (индекс). См. метафору **УМ – АНГЕЛ**: *ум, летающий крылами вверх*, чтобы проникнуть в природу вещей и как „око души“ достигнуть красоты и истины. Ср. современное выражение *хвърчи ми умът*, „когнитивный багаж“ которого заполнен различными ассоциативно-образными средствами. Слово *ум* хранит следы прошлых дискурсов и возможности сходных будущих употреблений. Чистый субстанциальный ум отличается от *души*, «привязанной» к телу. Он независим и свободен, может покинуть свой дом (храмъ) и опять вернуться: да како оубо оумъ съ и дѣша . въ бернь нѣмъ семъ тѣлеси сии привазанъ . и храмъ надѣ собож имѣа покровъ . н надъ тѣмъ пакы въздохъ, н енаръ . н нѣса вса . и тамо мѣслѣ . възвдешн къ бѣу невнднмому . како лн тн сквозъ храмъ пролѣтѣ оумъ, н всю тоу вѣсоств, н нѣса. скорѣе мѣженѣа оубнаго прелетѣвъ тамо бысть . не ставаса ннчесомъ (ЙоЕШ 216а, 216б, см. и 208а, 208б). Тексты «рисуют» картину, и ее фрагменты воспроизводятся в буквальном значении в речениях о глупости и безумии: голова есть *дом ума*, у глупца (сумасшедшего) «дом с дефектами» (см. болг. *липсва ми едната дѣска*, балканские параллели ср. *nedostaje komu treća daska*, алб. *i mungon një dërrasë*, рум. *a-i lipsi cuiva o doagă* и др.). Знание как продукт изначальной способности, *вложенной Творцом* в человека, названо *въдѣниѣ* (гр. *γῶσις*). Тексты выявляют сложное пересечение метафоры **УМ – АНГЕЛ** с глубинными семантическими переходами **ВЕРХ – ДОБРОЕ** и **УМ/ЗНАНИЕ – СВЕТ**.

Концептуализация *ума* идет по линии перехода от мифопоэтического к рациональному мышлению. Выводы об эволюции античного *vóos*, концепта с внеличностной сущностью³ (Иванов 1980; Onians 1951 и др.), очерчивают универсальный процесс, которому следует развитие стб. оумъ. *Ум* уже воспринимается как „обдуманый предмет“⁴ (который мы можем взять или дать, потерять или рассыпать и т.д.), см. семантический переход **УМ – ПРЕДМЕТ** в выражениях поговѣтн оумъ [сн], рѣзоумъ дати, без оума, събърѣтн оумъ, прѣвратнн оумъ и др., которые сохранились в языке – *нямѣм ум, вземам ума, давам ум* и др., но с „настроенным“ смыслом в соответствии с современной ментальностью, „определившей“ ум, который стал объективированным (*тупой/острый*) и перечислимым (*большой/маленький*) признаком человека.

³ Осмыслен как световая концентрация всех мыслительных актов (Анаксагор), форма в вечном самосозерцании (Платон, Аристотель), сверхчувственное бытие, осмысляющее весь мир (неоплатонизм), источник природных законов (Демокрит).

⁴ Гр. *vovς* прошел такое развитие еще в гомеровскую эпоху (Иванов 1980: 116–117).

Метонимическое переосмысление связи *ум – тело* приводит к категоризации *ума* как **ЗАМКНУТОГО ПРОСТРАНСТВА**, которое надо открыть⁵ божественному. *Переводные тексты* содержат большое число конструкций с глагольными классификаторами *бытн*, *нантн*, *положнтн*, *взъзатн* и др. (см. гр. *ἔρχομαι*, *ἀπέρχομαι*, *λαμβάνω* и др.), управляемых предлогами *въ*, *на* (гр. *εἰς*, *ἐν*): *бытн въ оумѣ своемѣ* ‘приходить в сознание, пришел в себя’ (см. гр. *γίγνομαι ἐν ἑμαυτῷ*); *нантн на оумѣ* ‘прийти в себя’; *въ [на] оумѣ* ‘в своем уме, на уме’ (гр. *ἐπὶ τῆς διανοίας, ἐν τῇ διανοίᾳ*); *положнтн въ оумѣ* ‘ставить себе целью’ (гр. *σκοπὸν ἐπιτίθεμαι*); *положнтн на оумѣ сн* ‘воспринимает своим умом’ (гр. *ἀναγιγνώσκω τὸ συνειδὸς τὸ ἑμαυτοῦ*); *взъзатн на оумѣ* ‘берет во внимание’ (см. гр. *λαμβάνω ἐν νῷ*) и др. Интересно, что пространство, названное (свои) *оумѣ*, отождествляется с *себѣ* (*прнтн въ свои оумѣ* = *въ себѣ прнтн [нтн]*) (см. гр. *εἰς ἑμαυτὸν ἔρχομαι, πρὸς ἑμαυτὸν ἀπέρχομαι*); ср. формально близкие выражения *дойда на себе си, на себе си съм* и др., в которые в наши дни вкладывается иной смысл.

Переводные тексты очерчивают различия механизмов интерпретации в болгарском и греческом языковом сознании⁶. Культурная специфика двух языков проявляется в гр. *προ-θύμως* и параллельном стб. *въсьмъ оумомъ* (С 25.10) (СР). Этимологическая связь слова *προ-θύμως* с *θύμως* (< ие. *d^huHmo-(s) ‘дым; душить’) отсылает к основному богословско-философскому понятию в греческой культуре. У материальной субстанции *θύμως*, родственной с кровью, действующая, чувствующая и мыслящая природа. Люди верили, что смерть или потеря сознания в сущности это потеря вещества жизни *θυμός*. *Θυμός* живет в *φρην/φρένες, мыслимом* как центр человеческого тела, где боги говорят с людьми. Связь с греческим культурным символом *φρένες* находится в *φρενο-λειφθείς*, переведенном без *оума* (С 387.7), *όμο-φρόνως*, *едннѣмъ оумомъ* (С 65.6–7) (СР) и др. У концептов *θυμός* и *φρένες* нет эквивалентов в болгарском культурном пространстве. У греческого семантического пространства *интеллекта* и *эмоций* сложнейшая структура (о связанных с *душой* синонимических понятий, таких как *ψυχή, καρδιά, ἦτορ, φρήν, θυμός, νόος* и др. – см. Onians 1951 и Иванов 1980).

Слово *ум* в современном языке вербализирует только понятие ментальной способности человека – рассуждать, познавать, помнить. *Ум*

⁵ В этимологии слова *отвързатн* сложно переплетается символика *связывать* и *открыть*: *тъгда отвърже нигъ оумѣ да разоумѣжтъ къннгы* М Лк 24.45.

⁶ Полезные данные из параллельных древнеболгарских и греческих текстов см. в (Христов 2014).

отчетливо противопоставлен чувственной стороне человека и никак не связывается с представлением о *душе*. В современном семантическом пространстве *душа* и *ум* строго разделяют между собой эмоциональную и ментальную сферы.

Языковое значение – это совокупность динамических и изменчивых ментальных структур. Вариативность можно проследить как в синхронии, так и в диахронии. Синхронная перспектива анализа культурно-маркированной лексики упрощает реконструкцию принципов классификационного членения⁷ и семиотической основы семантических процессов. Но „возвращение“ по диахронной оси выявляет гибкую адаптивность языкового значения. Вариации возникают из-за изменения как познаваемого объекта, так и характера субъекта, мышление которого зависит от общепринятых культурных установок. Диахронный аспект позволяет под вариациями, зависящими от способа мышления (мифологического или логического, предметного или абстрактного), увидеть инвариантные образы и идеи⁸, моделирующие поведение языкового сознания. Это кодифицированная знаковая информация, носителями которой являются знаки языка. Над этой структурой сознание надстраивает специфическое неязыковое знание, которое продуцируется актуальным дискурсом (см. и Алефиренко 2006: 44).

Сложная сущность языковой семантики, чередующей равновесие в наблюдаемый момент и динамическую изменчивость, требует подхода, сочетающего когнитивно-прагматическую направленность и диахроническую перспективу. Используя их, можно описать и анализировать проявленные и скрытые категории языка, которые регулируют семантико-синтаксическую валентность единиц, развитие полисемии, вариативность в функционировании грамматических категорий. С их помощью сознание раскрывается как толкователь явных и скрытых сущностей, классификатор объектов мира, создатель устойчивых стереотипов для восприятия мира.

⁷ В. Колесов очерчивает трехступенчатую семиотическую систему, действовавшую как концептуальная модель и философский закон в Средневековье. Эта система отличается от бинарного эквиполентного членения эпохи эллинизма и от современного принципа привативных отношений между понятиями (Колесов 1982: 150–175).

⁸ Ср. идею о внутренней форме (А. Потебня), архаическом коллективном сознании в фольклоре и мифологии (В. Пропп, О. Фрейденберг), модели мира (Вяч. Вс. Иванов, Т.В. Цивьян), космологическом коде (У. Эко).

Литература

- Борискина, Кретов 2003 – *О. Борискина, А.А. Кретов*. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму крипто-класса. Воронеж, 2003.
- Войнов, Милев 1990 – *Войнов М., Милев А.* Латинско-български речник. София, 1990.
- Иванов 1980 – *Вяч. Вс. Иванов*. Структура гомеровских текстов, описывающих психические состояния // Структура текста. Москва, 1980.
- Илиева 2013 – *Т. Илиева*. Терминологичната лексика в Йоан-Екзархovia превод на «De fide orthodoxa». София, 2013.
- ЙоЕБ – Йоан Екзарх Български. Слова / Ред. Д. Мирчева. София, 1971.
- ЙоЕШ – Йоан Екзарх. Шестоднев. София, 1981.
- Колесов 1982 – *В. Колесов*. Семиотические основы терминологизации в древнеболгарском литературном языке (по переводам Иоанна Экзарха Болгарскаго) // Първи Международен конгрес по българистика. София, 23 май – 3 юни 1981. София, 1982. С. 150–175.
- СР – Старобългарски речник. София: Валентин Траянов. Т. I, 1999. Т. II, 2009. (Ел. версия – http://histdict.uni-sofia.bg/oldbgdict/oldbg_search/)
- Христов 2014 – *И. Христов*. Гръцко-славянски лексикални паралели във философските глави от Симеоновия сборник и Извор на знанието // Св. Йоан Дамаскин, Извор на знанието, т. 1, София: Изток-Запад, 2014, 335–380.
- Hofmann 1997 – *J.B. Hofmann*. Ετυμολογικόν λεξικόν της αρχαίας ελληνικής. Αθήναις, 1974.
- Onians 1951 – *R.B. Onians*. The origins of European thought about the body, the mind, the soul, the world, time and fate. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
- Σταματακου 1994 – *Ι. Σταματακου*. Λεξικόν της αρχαίας ελληνικής γλώσσας. Αθήνα, 1994.

И.А. Седакова (Москва)

БАЛКАНСКИЕ СЛОВА-КОНЦЕПТЫ
(МЕРАК И ДР.) В БОЛГАРИИ:
ВЗГЛЯД ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ

Как, как? – С мерак.

Из диалога с продавщицей в софийском переходе. 2013 г.

Исследования в области неродного языка, «не своей» культуры изначально предполагает комплексное, многоуровневое восприятие и анализ чужих фактов «извне». Даже углубившись в «не свое», вобрав в себя множество разнородных знаний, приблизившись к положению «изнутри», внешняя оптика сохраняется. В докладе будет приниматься во внимание степень «отстраненности» наблюдателя-исследователя, который, не являясь носителем языка или культуры балканского языкового союза, проходит разные стадии лингвокультурной и коммуникативной компетенции, постепенно приближаясь к уровню «своего», «внутреннего», то есть носителя.

Эти положения в балканском контексте, как кажется, особенно релевантны. Балканское культурно-языковое пространство весьма специфично именно с точки зрения оппозиций «извне / изнутри», «свой / чужой», которые выводят на целое множество семиотически синонимичных противопоставлений и соответственно аксиологических суждений (Цивьян 1990: 6). При этом надо учитывать и в деталях рассматривать тот факт, что среди носителей балканских языков и культур с точки зрения оппозиций «внутренний / внешний», «свой / чужой», «понятный / непонятный» действует определенная модель, которая уже включает в себя категории субъективного и объективного восприятия окружающего мира. Так, «крупные» языки – члены балканского языкового союза и, соответственно, по Т.В. Цивьян, представители «балканской модели мира» могут рассматриваться и как «внешние», и как «внутренние» наблюдатели. Изоглоссы, изодоксы и изопрагмы (в терминологии Н.И. Толстого), связывающие разные балканские языки и культуры, весьма витиеваты, и во многом делят балканское пространство на «свое» и «чужое». Количество «своего», «внутреннего», «понятного» при сравнении коммуникации, скажем, албанцев и румын, греков и македонцев, болгар и македонцев, сербов и черногорцев разнится и ставит коммуни-

кантов в позицию «извне» или «изнутри» в зависимости от различных обстоятельств. (Замечу в скобках, что политические и идеологические моменты я здесь не учитываю.) Более дробное членение языка на диалекты также порождает оппозицию «извне / изнутри» и маркирует участника коммуникации как «своего» или «чужого».

Позиция внешнего наблюдателя, слушателя дает некоторые преимущества – она позволяет бросить свежий взгляд на то, что не впечатляет носителя языка, и увидеть специфичное, порой уникальное; сравнить услышанное с фактами родного языка. К такого рода исследователям относились многие советские ученые, выезд которых во многие балканские страны был долгие годы закрыт или ограничен. Социалистические страны Балкан были небольшим исключением (но и здесь была иерархия, ср., например, возможность поездки в Болгарию и Югославию). Железный занавес не позволял не только физически попасть в страну изучаемого языка, но и получать издания по изучаемым предметам. Доступность литературы специальной, лингвистической, фольклорно-этнографической из социалистических стран, правда, была более предсказуема, журналы поступали регулярно, работа по межбиблиотечному обмену и пр. была хорошо налажена, и, находясь вдали от изучаемой страны, можно было проникнуть вглубь языка и культуры. И все же при встрече двух координат «извне» и «изнутри», то есть при непосредственном физическом приближении к балканским странам, оптика ученого несколько меняется, фон обогащается, и некоторые акценты смещаются. Об этом и пойдет речь более подробно в докладе.

* * *

Добавим к этим проблемам внешнего и внутреннего восприятия и анализа балканских фактов еще один – это «чужая» лексика, пришедшая извне, ее семантика и прагматика. Насколько «чужая» лексика становится «своей» в языке-реципиенте, особенно ощущает, как кажется, исследователь извне.

Эпиграфом к этой статье послужил фрагмент моего микродиалога с продавщицей подарочных пакетов в подземном переходе в Софии. Я ее спросила, очевидно, не совсем точно по-болгарски: «Как мога да купя този пакет?». Я имела в виду, взять ли мне пакет из тех, что выложены на витрине или она мне достанет с полки новый. Ответом было: «Как, как! – С мерак!» и протянутый мне пакет «с выставки». Слово *мерак* и его производные встречались мне и до этого довольно часто в современной разговорной речи, в диалектах и в фольклоре. В качестве гипотезы я полагаю, что явный турцизм «извне» воспринимается как очень емкое,

выразительное понятие, которое невозможно передать славянскими по происхождению болгарскими синонимами «желание», «удовольствие». В этой оценке мы явно расходимся с исследователями – носителями болгарского языка (Стаменов 2011). Подобные случаи рассматривались ранее на примере слов-концептов *късмет* (*щастие, успех*) (Седакова 2013); *беля* (*нещастие, беда*) (Седакова 2013а) и др.

Мерак в болгарском и других балканских языках относятся к балканским турцизмам араб.-перс. происхождения (от араб. *mārāqī*), хорошо освоенным в языке и не выходящим из употребления, пусть не в литературном языке, но в разговорном и особенно в просторечии и диалектах. Даже краткий обзор общепалканской семантики этого слова дает довольно большой список значений, которые порой отстоят довольно далеко друг от друга, находясь при этом на координате эмоций. Любопытно, что иерархия значений в словарной статье каждого балканского языка может различаться, но как маргинальные – (уст.) или (диал.) даются те слова, которые в других языках занимают первые позиции. Менее релевантные значения, которые не присутствуют в словаре одного литературного языка, обнаруживаются в его диалектах. Из этого можно сделать вывод, что *мерак* вошел в балканские языки со всем спектром своих значений, только их распространение по языковому континууму неодинаково. Так, по самому большому словарю болгарского языка *мерак* имеет первым значением ‘желание’, ‘охота’, ‘любовная страсть’ (уст.), ‘озабоченность’ (уст.), ‘меланхолия’ (уст.), см. (РБЕ). В албанском же порядок значений иной: 1) беспокойство, тревога, волнение, забота; 2) горячее желание, страсть; 3) любовь; 4) боязнь, страх, сомнение; 5) сожаление (Маңџе 2007: 354). Больше примеров дают словари македонского, сербского, греческого языков.

Говоря о прагматике *мерак*, следует отметить, что «Болгарский словарь редких, устаревших и диалектных слов в литературе XIX–XX века» (РРОД) в свой словник *мерак* и его производные не включает, однако есть доказательства, что в XIX в. это слово использовалось в литературе разных стилей и жанров, вплоть до научного дискурса, см., например, у Ив. Шишманова: «Тоя мерак на Гриммовите ученици, да търсят и в най-невинната приказчица спомени от митологическите времена, мерак, който достигаше у някои от тях до полуда...» (Шишманов 1889: 1). Значит, в XIX в. *мерак* был нейтральным словом. Очевидно, авторы словаря не относят это заимствование к редким, устаревшим и диалектным словам. В настоящее время существительное *мерак* с точки зрения литературного языка все же маркировано в своем употреблении. Оно

возникает в речи говорящего для большей экспрессии в составе клише и паремий (болг. *от мерак се боледува, но не се умира; то без мерак нищо не става*) и чаще звучит в просторечии (*хващам мерак*) и диалектах. Интересно, что словообразования со значением лица *мераклия*, *мераклийка*, как кажется, встречаются значительно чаще, и, что еще интереснее, значения этого слова заметно различаются (от 'любитель', 'любительница'; 'умелец', 'умелица' до 'развратник', 'женщина легкого поведения'). Несколько реже, преимущественно в диалектах, встречаются глаголы *меракладисуем* 'желать' (Котова 2002: 121), *меракосвам* 'сердиться' (БД 8: 264).

В народных песнях *мерак* обозначает любовь и используется в контексте замужества, свадьбы. Брак без любви (*без мерак*) в народных представлениях заведомо считается несчастливым. *Мерак* в этом случае по своей аксиологии охватывает ось от положительного до отрицательного, в зависимости от ситуации. Различия в концентрации чувства, эмоции приводят к тому, что это слово может обозначать явления и состояния, которые на шкале оценки находятся на противоположных полюсах. Так, *мерак* может означать влюбленность, но может и соотноситься с тяжелой болезнью (и душевными страданиями), отсюда немало заговорных текстов, которые служат присушками (для взаимной любви) или, наоборот, отсушками (для того, чтобы загулявший муж вернулся к жене).

Слово *мерак* и его производные с развитием рекламы и расширением потребности в новых наименованиях было быстро подхвачено современным болгарским языком, ср. печенье «Мераклийки», эпитеты *мераклийски* к самым разным продуктам питания и блюдам.

Очевидно, что слово-концепт *мерак* и его производные не конкурируют с синонимичной славянской по происхождению лексикой, они занимают свою, очень важную нишу. То есть «внешнее» становится важным «внутренним», оно обогащает словарь, делает его более выразительным. При этом болгарская интеллигенция значительно различается по употреблению подобной лексики. Но даже те, кто объявляет себя пуристом и избегает заимствований (как этого требует языковая политика), без слов *мерак*, *късмет*, *беля* и им подобных обойтись не может. Это особенно заметно, если наблюдать за речью болгар именно «извне». В каждом идиолекте количество заимствованных слов-концептов различается. Чтобы проверить степень освоенности заимствования *мерак* и его словообразовательного гнезда, я провела ряд интервью с болгарскими представителями разных регионов, разного возраста и образовательного уровня. Результаты этого опроса будут проанализированы в докладе.

Принятые сокращения

- БД – Българска диалектология. Материали и проучвания. София, 1962–. Т. 1–. Котова 2002 – *Н.В. Котова*. Горно поле. Дупнишко. Речник. 1960–2000. София, 2002.
- РРОД – Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX–XX век». София, 1974.
- Седакова 2013 – *И.А. Седакова*. Балканските мотиви в езика и културата на българите: Раждане и съдба. София, 2013.
- Седакова 2013а – *И.А. Седакова*. Беля ('несчастье' и др.) в българском языке и фольклоре на общеполбанском фоне // *Slavica Svetlanica*. Язык и картина мира. К юбилею С.М. Толстой. М., 2013. С. 60–68.
- Стаменов 2011 – *М. Стаменов*. Съдбата на турцизмите в българския език и българската култура. София, 2011.
- Цивьян 1990 – *Т.В. Цивьян*. Лингвистические основы балканской картины мира. М., 1990.
- Шишманов 1889 – *Ив. Д. Шишманов*. Значението и задачата на нашата етнография // Сборник за народни умотворения. Т. 1. София, 1889.
- Манџе 2007 – *М. Манџе*. Fjalor shqip-rusisht: rreth 25 00 fjalë / Албанско-русский словарь: около 25 000 слов. Tiranë: EDFA, 2007.

М.Г. Обижаева (Москва)

СЛОВАРНЫЕ ЗАМЕТКИ
В СЕРБСКИХ «ДОВУКОВСКИХ» ГРАММАТИКАХ
КАК ВЗГЛЯД НА «СВОЙ» ЯЗЫК

В докладе мы обратимся к сербским грамматикам и грамматическим пособиям, составленным на территории Габсбургской монархии начиная с 60-х годов XVIII и до начала XIX века. Насчитывается более тридцати таких изданий, составленных сербами для сербов, причем каждое из них по-своему отражает языковедческие поиски и языковые образцы своего составителя. Общими для них можно считать эксплицитно или имплицитно декларируемые соотношенность с церковнославянским языком и понятность для всех сербов по обе стороны военной границы между Османской и Австрийской империями.

Особый раздел в этом списке составляют грамматические пособия, возникшие в рамках так называемой Саганской образовательной реформы, которая была разработана аббатом И.И. Фельбигером и с 1774 года проводилась среди всех народов, населявших «наследные земли австрийской короны». Помимо унифицированной системы школ Саганская реформа прописывала и обязательный набор учебников, в числе которых были «Anleitung zur deutschen Rechtschreibung. Zum Gebrauche der deutschen Schulen in den Kaiserlichen königlichen Staaten. ...» за авторством (по-видимому) Иоганна Игнатия Фельбигера (Felbiger, Johann Ignaz) и его же «Anleitung zur deutschen Sprachlehre. Zum Gebrauche der deutschen Schulen in den Kaiserlichen königlichen Staaten...»¹. Соединение немецкого образца с авторитетными пособиями по церковнославянскому языку, изданными до середины XVIII века и доступными сербам, привело к созданию вариативных императивных комплектов учебников для сербских школ: букварей «Руководство ко праволаголанію и правописанію» Стефана Вуяновского (переиздан в 1793 г.) и «Руководство къ славенскому правочтенію и правописанію» Аврама Мразовича (1792 г. и более поздние издания)², а также грамматик «Руководство къ славенстѣй грамматицѣ» (составлено Вуяновским в 1779 г.) и «Руководство къ славенской грам-

¹ Эти учебные пособия издавались несколько раз, в частности, в Вене в 1774, 1779.

² С высокой вероятностью можно утверждать, что оба букваря использовались в сербских школах и до своей публикации.

матіць» (написано Мразовичем в 1780 г., переиздавалось многократно). В сербских пособиях соотнесенность как с немецким источником, так и с церковнославянскими образцами нигде не упоминается.

Несколькими годами ранее обязательное требование светских властей в рамках Саганской системы образования к преподаванию в школе на «простом» родном языке и «простого» родного языка по модели немецкого вызвало бурю негодования среди сербской образованной и церковной элиты и, соответственно, письменные манифесты в защиту церковнославянского в качестве письменного языка [см. в Обижаева 2008, с. 95–130]. Тем не менее, учебные пособия Фельбигера были адаптированы к процессу преподавания в сербских школах. Так возникли две конкурирующие авторитетные учебные грамматики — Стефана Вуяновского и Аврама Мразовича, вызвавшие новую полемику при дворе духовного предстоятеля сербов в австрийских землях, которая привела к тому, что право принимать окончательное решение по вопросам языка и грамматики для сербов было возложено на митрополита Стефана (Стратимировича). Таким образом «Письменица» Вука Караджича в свое время нарушила именно это решение сербской диаспоры в Габсбургской монархии.

Применительно к славянской составляющей рассматриваемых пособий как опирающихся на предшествующие грамматики, в частности, Мелетия Смотрицкого, можно утверждать, что «грамматический подход к церковнославянскому языку <...> задал особое направление лексикографии: наряду со свободным сосуществованием в сборниках словарного и грамматического материала происходило введение словарного описания в границы грамматических текстов» [Запольская 2016, 153]. И наконец: «Являясь отражением духовного, исторического и эмпирического опыта носителей языка, кодифицированная грамматиками лексика формировала коллективную «когнитивную память» [там же, 157]. Помимо словарного свода как конволя грамматического описания, словарного свода как части грамматического описания и словарной статьи как части грамматического описания, сохранившийся список «Руководства к славенстей грамматике» Стефана Вуяновского содержит словарь, который нарушает пагинацию рукописи. Он составлен из славянской части «Лексикона трехязычного» Федора Поликарпова (1704) и по образцу подобного же тезауруса из пособия Фельбигера.

Обработанный лексический материал данных грамматических пособий в сравнении с результатами В. П. Гудкова [Гудков 1993] и архивными данными о сербской языковой полемике конца XVIII века позволяет реконструировать и представить несколько фрагментов сербской «когнитивной памяти».

Библиография

- Гудков 1993 – *В.П. Гудков*. Сербская лексикография XVIII века. М. 1993.
- Запольская 2016 – *Н.Н. Запольская*. «Скрытая» лексикография: кодификация лексики в церковнославянских грамматических сочинениях XVI— начала XVIII вв. // *El'Manuscript–2016. Rašytinis palikimas ir skaitmeninės technologijos: VI tarptautinė mokslinė konferencija, Vilnius, 2016 m. rugpjūčio 22–28 d. Pranešimai / ats. red. V. Baranovas, T. Timčenko*. Вильнюс, Ижевск, 2016.
- Обижајева 2008 – *М. Обижајева*. Онтологија првих српских граматика (црквено)словенског језика за Србе // *Зборник Матице српске за славистику*, 74, Нови-Сад, 2008.

О.В. Чёха (Москва)

СЛАВЯНИЗМЫ В ОБРЯДОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ДАРНАШСКИХ СЕЛ

Материал для настоящего доклада был собран в ходе фольклорно-диалектологических экспедиций 2015 и 2016 гг., организованных кафедрой новогреческой филологии МГУ в Дарнашские села (*Дарвакоχώρια* или *Νταρβακοχώρια*), которые расположены в центральной Македонии в районе Серрес недалеко от границы с Болгарией. Помимо новогреческих названий пяти деревень, составляющих Дарнашские села (Пентаполи, Агио-Пневма, Эммануил-Паппас, Нео-Сули, Хрисо), местные жители помнят и те названия, которые деревни носили до своего переименования в конце 20-х гг., а именно – Сармусакли, Везникьой, Довишта, Субаскьой, Тополяни. При этом даже они могут этимологизироваться как «греческие» или «латинские»; например, Довишта от *εδώ* ‘здесь’ + *vista* ‘вид’, т.е. местность с красивым видом (подробнее о названиях деревень и их жителей см. в статье К.А. Климовой в настоящем издании).

В исторической памяти современного греческого населения сохраняются воспоминания о том, что их деды переселились в Дарнашские села из Эпира во времена Али Паши, и что изначально на этих территориях проживали в том числе и славяне, которые впоследствии ушли или были убиты во время войны. Некоторые информанты помнят отдельные болгарские слова и счет, но в целом славянизмы воспринимаются – когда воспринимаются – не как заимствования из славянского языка, а как «чужие» слова вообще и в этом смысле могут интерпретироваться как турцизмы. Так, например, демонстрируя большую и маленькую косы (инструменты для косьбы), которые называются *κόσα* ‘kosa’ и *κοσοῦδι* ‘kosuđi’ (где *-οῦδι* – деминутив), наш гид высказал предположение о турецком происхождении слова *κόσα*.

Потому очень многие из примеров, которые будут рассмотрены в докладе, самими носителями традиции воспринимаются не как заимствования, а напротив, как «свои», дарнашские, которые потому и непонятны другим грекам. Цель доклада представляется не столько в том, чтобы выявить конкретные лексемы, сколько в том, чтобы проследить, какие именно терминологические группы оказываются наиболее открытыми для заимствований. К таким группам относятся главным образом

названия обрядовых блюд: *κούρκα* [kurka] ‘индейка, птица которую готовили на Новый год’, *μλίνες* [mlines] ‘пироги с рисом, которые пекли на Масленицу’, *κουκουρούζια* [kukuruzia] ‘шишки на рождественской пите’, *κλίκ* [klik], *κουλίк* [kulik] ‘калач с яйцом внутри, который дарили крестной матери в Страстную субботу’ и др., а также наименования участников обряда и демонологических персонажей: *ντοντολά* [dodola] ‘мужчина, на которого лили воду в ритуале вызывания дождя’, *μπρατίνια* [bratinija] ‘дружки жениха’ и (?) *διάβες* [diaves] ‘мифологические персонажи, обитающие в овраге за деревней’. В более редких случаях славянские заимствования встречаются в названиях отдельных обрядов: *νταρό* [daro] ‘обряд на определенном этапе строительства, когда дарили подарки мастерам’ или предметам, используемым в ритуале: *ζντράβλιτσο* [zdravlitso] ‘цветок анемон, которым украшали плащаницу, а потом приносили домой’.

Большинство из рассматриваемых примеров фиксируется на ограниченной территории, часто в одном селе, например, *μλίνες* в Эммануил Паппас в соседнем Агио-Пневма называются уже *ρίζόπιτες* ‘питы (на молоке) с рисом’. В то же время лексема *κλίκ* фиксируется и в других районах сев. Греции, но с другими значениями.

Helmut W. Schaller (Marburg)

TURKISH AND ITS INFLUENCE
ON BALKAN LANGUAGES: THE CASE OF BULGARIAN

In the past we find a considerable number of publications dealing with the question of Turkish influence on the Balkan languages, especially on Bulgarian and Macedonian, but there is no monograph considering Turkish loanwords and their role in former and modern Bulgarian other than Maksim Stamenov's "Sădbata na turcizmite v bălgarskija ezik i bălgarskata kultura" (Sofija 2010). It is evident that the Turkish rule, which lasted for many centuries on the Balkan peninsula including Bulgaria, must have left deep traces on the culture and languages of the people living there like in Bosnia, represented by Anna Plotnikova: "Slavjanskije ostrovnije arealy: archaika i innovcii" (Moskva 2016). But since the liberation from Turkish rule in all non-Turkish languages in the Balkans the number Turkish words actually used decreased tremendously. Since the end of World War I Turkish words were found in great numbers in regions with Turkish minorities or in the neighborhood of a Turkish majority. But there are used today a lot of Turkish loanwords by educated Bulgarians. Even humorous dictionaries of Turkish loanwords are to be found in the internet, where one can find instead of Bulgarian words lexemes with Turkish roots. Turkish expressions permeated the Slavic vernacular in all the towns from the Aegean Sea to the Danube, from the Black Sea to Belgrade and from there to the river Drina. Loanwords concerning trade, tools, measures, coins, metals, textiles, clothing, housing, food, drinks, cooking and so on, were more numerous in Thrace and Macedonia than in other areas where the number of borrowings slowly decreased in the northwestern direction of the river Drina. One form of linguistic interference, but not the only one, is represented by the so-called loanwords or lexical borrowings. The fact that isolated free morphemes are taken over with such readiness confirm what would be said about the unsystematic nature of the greater part of the vocabulary. But only the most concrete loanwords, such as designations for newly invented or imported objects, can be thought of as mere additions to the Bulgarian vocabulary.

Members of the so-called "open" lexical classes as there are nouns, verbs and adjectives are more readily borrowed than those of the so-called "closed" classes as there are pronouns, conjunctions or prepositions. This is also the case in Bulgarian. When I undertook to prepare a first study of the present

status of Turkisms in Bulgarian in 1972 I was not sure if I might be able to do full justice to such a topic because one should possess a sort of “Sprachgefühl” which results only from a good firsthand knowledge of Bulgarian, a claim unfortunately I could not make. Thus on the basis of my presumably representative collection of 1500 loanwords I could establish that 73% of this stock of Turkish loanwords are nouns, of which about 20% are abstract nouns. Nouns are the most frequently borrowed class everywhere, but this is of course hardly a surprise. I had further calculated a percentage of about 4% for adjectives and only 1,6% for verbs. The remaining lexical classes adverbs, interjections and conjunctions constituted about 4,6%. The Bulgarian linguist Kiril Mirčev pointed out in 1952 that some Turkish loanwords disappeared from the literary language particularly very early. Words like *belki*, *baja*, *baška*, *bile*, *sai*, *adžeba* have completely disappeared from contemporary literary Bulgarian, they are not to be found in dictionaries, only in Gustav Weigand’s Bulgarian-German dictionary, published in 1913 in Leipzig who called special attention to Turkish loanwords. They may be heard in dialects and colloquial speech, still used are *barem* = at least, *zer* = presumably, but with a specific stylistic value.

It has become commonplace by now to say that the Balkan languages including Bulgarian show great similarities with respect to Turkisms. It were largely sometimes the same Turkish elements that were borrowed into each Balkan language, e.g. *dolap* = cupboard, which is to be found in Modern Greek and even the individual Turkisms that have been by and large the same in all these languages of South-Eastern Europe, some Turkisms have disappeared, some have become well-anchored and virtually indispensable elements of a given language, others have acquired a pejorative, ironical or even vulgar connotation, and so on. But there are also many differences from one language to the other. Turkisms which may be part and parcel of the literary variety of one language may have been considerably lowered on the stylistic status of specific Turkisms in individual Balkan languages, so in Bulgarian.

From the end of the 14th century up to the liberation in 1878 Bulgaria was dominated by the Turkish militarily, politically and economically. Obviously the Turkish bondage of nearly five hundred years left a lasting imprint on Bulgarian culture and language. As late as in the 1930s, the Bulgarian author Ljudmil Stojanov could still write that there was no need to prove that Bulgaria became a semi-oriental state. The centuries-old rule of Bulgaria and his people had left permanent traces in geography, ethnography, language, popular customs, and even in the Bulgarian mentality. There were obviously four reasons for this strong Turkish influence in Bulgaria:

- 1.The presence of Turkish military and administrative personnel;
- 2.The colonization of certain areas of Bulgaria, mainly in Eastern Bulgaria and the Rhodopes by Turkish settlers who were transferred by the Ottoman authorities or came on their own initiative.
- 3.The Islamization of a part of the Bulgarian population, especially the influence of Turkish Muslim culture and Turkish language by the Pomaks mainly in the Rhodopes;
- 4.The prestige of Turkish as the official language of the Ottoman Empire. The attitude of the Bulgarians toward the language of their oppressors was undoubtedly more ambivalent. In his famous novel “Under the Yoke” the Bulgarian writer Ivan Vazov describes the hostility of the Bulgarians toward the Turkish language.

Concerning the qualitative aspect of Turkish loanwords in Bulgarian we find words for negative aspects of the human body, e.g. *k'osav* = beardless, *k'orav* = blind, *peltek* = stutter, *čolak* = with one arm, *čapkan*, *čapkanin* = galloot, scamp, with the adjective *čapkanest*,

apkanski = good for nothing, *divane*, *achmak* = blockhead. We also find words for colors, e.g. *morav* = blue, *pemben* = pink, *čakār* or *čakārest* = dove-colored. There are also some Turkish loanwords which are known by Bulgarians, but which are nowadays not actively used, e.g. *asker* = soldier, *bajrak* = flag, *bajraktar* = standard bearer, *kale* = fortress. But there are also Turkish loanwords belonging to daily language like *derebej* = gorge, *ištach* = appetite, *k'or-sokak* = blind allee, *čanta* = bag, *pazarska čanta* = shopping bag, *lovđijska čanta* = hunting bag, *učeničeska čanta* = school bag, *studentska čanta* = students bag and other word compositions.

A domain where the passage of the Turks through the Balkans has left deep traces is that of the names, both anthroponyms and toponyms. As far as personal names go, we are concerned only with family names, surnames. Given names are often of a rather ephemeral nature and tend to change its fashions and besides given names of Turkish origin are found almost exclusively among Moslems. On the other hand, we find a great number of surnames of Turkish origin even among the Christian population. As a rule such names consist of a Turkish root accompanied by one or more Bulgarian suffixes, e.g. *Terziev* (Turkish *terzi* = tailor), *Džambazov* (Turkish *cambaz* = acrobat, circus-rider, horsedealer). Some Bulgarian surnames were originally compounds whose first element is a Turkish word, by now very close to being a Balkan prefix like *hacı* = one who has made the pilgrimage to Mekka or also the Holy Land as in the case of Christians. But there are also Turkish place-names, which are normally the rather durable vestiges of Turkish influence or sometimes even witnesses of actual Turkish settlements.

Thus a Bulgarian village named *Rumlar* = Greeks in Turkish, is called today *Gărci* = Greeks in Bulgarian. The most common type of Turkish toponyms in Bulgarian is adjective + noun, e.g. *Kara tepe* = Black Hill, *Aks bunar* = White Spring, *Egri dere* = Sinuous river.

But Turkish influence in Bulgarian was not stopped. We have now to remember new formations like *kompjuterdžija*, perhaps to be understood with an ironical connotation. Thus after 1989 we find some new words derived with Turkish suffixes, e.g. *vipadžija* = VIP, very important person, *nisadžija* = member of the national executive council NIS, *čalgadžija*, *čalgadžijka* = singers of pop music “čalga”, we also find new compositions with the Turkish *pazar* = market, like *agropazar*, *evropazar*. Thus Turkish influence remains still alive in Bulgarian.

It could be shown that Turkish influence in the Bulgarian vocabulary was stopped long ago, but there remained a considerable number of words concerning daily life in Bulgaria. Also names, especially family names and geographical names are still remaining. Thus Turkish heritage in Bulgaria is still alive and can be an object for further linguistic and cultural observations.

С.А. Сиднева (Москва)

ФУНКЦИИ ТУРЦИЗМОВ В РОМАНЕ МАРЫ МЕЙМАРИДИ «КОЛДУНЬИ СМИРНЫ»

Роман Мары Меймариди «Колдуньи Смирны» («Μάγισσες της Σμύρνης»), изданный в 2001 году в Афинах издательским домом «Καστανιώτης», был первым литературным опытом автора, до этого занимавшегося исследованиями в области археологии и медицинской антропологии. Книга сразу же приобрела большую популярность в Греции, была переведена на несколько языков и даже экранизирована в виде многосерийного фильма. Стоит отметить и тот факт, что в социальной сети Facebook возникло целое сообщество поклонников книги и фильма, с энтузиазмом обсуждающих не столько художественные достоинства текста и его экранного воплощения, сколько реалии города Смирны (совр. Измир) на рубеже XIX–XX вв., а также магические практики персонажей. Успех книги довольно симптоматичен и показывает большой интерес современного общества к традиционной культуре, мифологии и магии¹.

Основной задачей данной работы является изучение языка греческого бестселлера, в котором обнаруживается немалое число турецких заимствований.

Действие романа разворачивается в двух временных и пространственных плоскостях: современные Афины и Смирна конца XIX – начала XX вв. Мария, героиня «современной части», от лица которой начинается повествование, получает в наследство сундук своей тетушки Катины, жившей в Смирне на рубеже веков. В сундуке обнаруживаются записи, представляющие собой смесь личного дневника с тетрадами магических рецептов и заклинаний. Эта находка наводит Марию на мысль написать историю жизни Катины. Таким образом, роман «Колдуньи Смирны» структурно представляет собой роман в романе или роман о написании романа, хотя реальность «смирнской части» постепенно вытесняет «афинскую».

¹ Об этом свидетельствует множество телепередач, посвященных паранормальным явлениям и магии, возросшая популярность таких жанров, как сказка или фэнтези, их переосмысление в поп-культуре и влияние на формирование различных субкультур, которые создают целые «фан-группы», например, юного волшебника Гарри Поттера, героя романов Джоан Роулинг.

Частота употребления турцизмов сразу же маркирует границы двух миров, воссоздаваемых в произведении.

Язык современного мира Афин – это стандартная новогреческая димотика, в которой турцизмы являются частью общеупотребительной лексики, стилистически нейтральны и едва ли воспринимаются как заимствования даже носителем языка (не-лингвистом), ср.: *η ντουλάπα* ‘шкаф для одежды’, *τα μπαχαρικά* ‘пряности, специи’, *ο μουςακάς* ‘мусака’².

Как только действие перемещается в мир Смирны, плотность и разнообразие заимствований увеличивается. Книга даже снабжена глоссарием, в который помещены слова и выражения, «характерные для языка Смирны». Помимо упрощения лингвистической задачи, глоссарий отчасти помогает понять, как создается колорит мультиэтничного и мультикультурного города и средиземноморского порта. В приложении к книге присутствуют не только турецкие, но и французские и итальянские заимствования, которые в контексте романа в какой-то мере определяют социально-культурные границы Смирны, а иногда даже создают иронически-комический эффект.

При анализе турцизмов в романе стоит отличать собственно заимствования в языке греков Смирны от случаев, когда персонажи просто переходят на турецкий язык (ср. целые фразы на турецком в греческой транслитерации). Билингвизм персонажей, наряду с указанием «точных дат» (Катина с матерью приезжает в Смирну из небольшой каппадокийской деревни в 1887 году), сообщает дополнительную «историческую достоверность» повествованию. Находившиеся под властью Османской империи греки говорили на турецком и греческом языках. Бывали и случаи, когда малоазийские греки, принимавшие мусульманство, переходили полностью на турецкий язык, сохраняя при этом греческое письмо. В свою очередь, по-гречески говорили и турки, проживавшие в городах, в которых преобладало греческое население. Кроме того, билингвизм объяснялся и смешанными семьями (главная героиня «романа о Смирне» – гречанка только по материнской линии). Однако на момент приезда героинь в город греческий язык являлся в нем, в сущности, койне и пользовался особым престижем: «*Αλλά στη Σμύρνη, για να επιζήσεις, έπρεπε να μιλάς ελληνικά. Εσύ και όλοι οι άλλοι. Τουρκοί, οβραίοι, κατόλικ, όλοι ελληνικά*» («Но в

² Последнее слово заимствовано в греческий язык из арабского через турецкий. С.Б. Бернштейн предлагает, независимо от этимологии, считать такие случаи турцизмами в балканских языках (Бернштейн 1982).

Смирне, чтобы выжить, тебе следовало говорить по-гречески. Кем бы ты ни был. Турки, евреи, католики – все изъяснялись по-гречески»³ (Μεϊμαρήδη 2001: 36). Ясно, что в таком «лингвистическом котле» происходило смешение языков, их взаимообмен элементами, особенно на уровне более гибкого и менее кодифицированного народного, разговорного языка.

Если говорить о собственно заимствованиях, в тексте романа можно встретить образующиеся по модели греческого языка глаголы с турецким корнем: *καραντιάζομαι* ‘почернеть’ (от тур. *kara* ‘черный’), *μπουγιουμπιάστηκε* ‘околдован’ (от тур. *büyüm* ‘магия’); имена, встроенные в греческую флективную систему: *οι μεϊμαρίδες* ‘строители’ (от тур. *timar* ‘архитектор, зодчий’, в греческом языке слово приобретает несколько «сниженное» значение), *η τσελιμπού* ‘женщина знатного происхождения, аристократка’ (тур. *çelebi* ‘человек благородного происхождения, просвещенный человек, умеющий читать, господин’). Подобные слова, как правило, имеют греческие аналоги и принадлежат общепотребительной лексике.

В плане семантики очень много турецких заимствований относится к лексике, обозначающей домашнюю утварь, одежду, блюда, характерные именно для турецкого или вообще восточного быта. Достаточное число заимствований принадлежит сфере административного управления, бюрократии, наименования должностей, иерархий при дворе султана: *τεσκερέ* ‘распоряжение визиря’ (*tezkere* ‘официальное письмо’), *ιμλάκι* ‘налог на землю’ (*imlaki* ‘предписание’), *βαλιντέ* ‘мать султана’ (*valide*), *ις ογλάν* ‘служки при дворце султана, дворцовая челядь’ (*iş* ‘внутри’, *oglan* ‘мальчик’).

Есть случаи эмоционально окрашенных турцизмов, междометия, инвективная, даже обценная, лексика: *φαχισέ* ‘шлюха’ (тур. *fahişe*).

Турцизмы ассоциируются, с одной стороны, с турецкими правящими верхами, напоминают, что Смирна, несмотря на доминирование греческого населения, все же остается частью Османской империи. С другой стороны заимствованиями пестрит язык бедных народных кварталов, для обозначения которых используется сложное слово, созданное на базе смешения греческо-турецких корней (*οι φτωχομαχαλάδες* ‘бедные (греч.) кварталы (тур.)’), портовых таверн и борделей. Это тот язык, которого «стыдился» и который старался очистить, прежде всего, от турцизмов греческий просветитель и создатель литературной кафаревусы Адамантиос Кораис, сам уроженец Смирны.

³ Перевод сделан С. Сидневой.

В более «престижных», «европеизированных» кварталах города преобладают галлицизмы и итальянские заимствования. По мере передвижения героинь вверх по социальной лестнице, которое сопровождается их переездом из «турецкого квартала» в «европейский», их лексикон пополняется, например, французскими словечками. Но за счет лексики турецкого происхождения создается магический колорит Востока.

В романе это также язык любовной магии. Так, например, большинство заклинаний написано по-турецки, различные типы оберегов и заговоренных предметов, действий также является турцизмами: *μπουγιούμι* ‘магия, оберег, заговор’, *μετζαρλίκια* ‘магические действия с могильной землей’ (*mezarlik* ‘могильная земля’), *ιλάτσι* ‘приворотное зелье’ (*ilaç* ‘лекарство, зелье’). Конечно, турецкий является «вторым родным» языком для колдуньи Катины и родным для ее наставницы, турчанки Аттарты, имя которой отсылает к богине Астарте (Иштар), но не для гипотетического греческого читателя книги, на которого должен влиять стереотип волшебного Востока, а также характерная для Балкан традиция обращаться к «инородцу» и «иноверцу» для большей эффективности некоторых магических практик.

Литература

- Берштейн 1982 – С.Б. Бернштейн. Тюркский языковой мир и балканистика // Балканские исследования / Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1982. (Вып. 7: Исторические и историко-культурные процессы на Балканах.) С. 254–264.
- Μεϊμαρήδη 2001 – Μ. Μεϊμαρήδη. Μάγισσες της Σμύρνης. Αθήνα, 2001.

Владислава Вардиц (Потсдам / Иена),
Кира Задоя (Дюссельдорф)

К ИЗУЧЕНИЮ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГОВОРАХ ЗАКАРПАТЬЯ¹

Представленное исследование немецких заимствований в восточнославянских говорах Закарпатья исходит из идеи «зыбкости границ» культурного пространства Балкан, развиваемой в трудах Т.В.Цивьян, ср.: «Языковые и фольклорные универсалии и фреквенталии находят воплощение в разных традициях, типологические и генетические сходства переплетаются: Балканы растягиваются до Балтии (балто-балканский ареал как своего рода единство), и речь может идти о родстве, о сближении как результате контактов – или о случайном совпадении...» (Цивьян 2008:9). Подобный подход подтверждается и самой историей Балкан: «их освоение, переселение народов, появление одних и уход/ исчезновение других, бурные исторические перипетии, в ходе которых оказывались перетасованными племена, этносы, языки, диалекты, религии, традиции, культуры и т.д., делает неизбежным вариативное членение *балканского пространства*: оно мобильно, оно особенно чувствительно к переменам» (Цивьян 1999: 14). Высказанные идеи справедливы и для менее изученного культурного пространства Карпат и Закарпатья, которое таким образом также оказывается включённым в культурный ареал, простирающийся от Балкан до Балтии.

Так же, как и для собственно балканского культурного пространства, для Карпат и Закарпатья оказывается актуальной – уже вследствие перманентной динамики их культурных, языковых, этнических, геополитических и т.д. границ – оппозиция *своей/ чужой*, которая является ключевой и в определении собственной идентичности. Рефлексия по поводу собственной идентичности предполагает, в свою очередь, и постоянную селекцию элементов *своей* и *чужой* культуры, в том числе и в языковом репертуаре «своих», пребывающих в состоянии культурного контакта с чередующимися «чужими».

¹ Статус говоров, бытующих на территории современной Закарпатской области Украины, остается спорным (одни исследователи считают их карпато-украинскими, другие – карпато-русинскими). Мы определяем их как восточнославянские говоры Закарпатья.

В силу ареальной локализации, а также геополитической истории карпатских и закарпатских регионов, для карпатских говоров в целом и для восточнославянских говоров Закарпатья в особенности отмечены интенсивные языковые и культурные контакты с различными языками. Подобные исторически обусловленные языковые контакты *in situ* (Stehl 2013: 2), противопоставленные динамическим контактам *in motu*, обусловленным как правило, миграцией носителей языка или диалекта, представляют собой целый комплекс языковых напластований, отражающих культурно-историческое развитие говора, диалекта или языка. Так, в восточнославянских говорах Закарпатья, которым посвящён наш доклад, отмечены явления языкового контакта с венгерским, румынским, чешским, словацким, идиш, польским и немецким языками, – как прямого, так и опосредованного, т.е. через язык-посредник, например, из немецкого через венгерский.

История влияния немецкого языка на исследуемые говоры выводится, с одной стороны, из истории региона их бытования, который также долгое время находился под властью Австро-Венгрии, т.е. в ситуации контакта с немецким как языком права и делопроизводства на аннексированной территории (точнее – австрийской разновидностью немецкого, Besters-Dilger 2006). Кроме того, восточнославянские говоры Закарпатья бытовали и бытуют до сих пор в тесном контакте с говорами немецких колонистов, которые переселялись в Карпаты, как правило, из Швабии по приглашению местной знати немецкого происхождения, в частности, для работы на лесоразработках. Таким образом, в случае с закарпатскими восточнославянскими говорами мы имеем дело по меньшей мере с двумя возможностями языкового и культурного контакта.

Вопрос о немецких заимствованиях в украинском языке неоднократно поднимался в диалектологии и лингвистике. Разные аспекты немецко-украинских языковых контактов рассматривались, в частности, в работах Ефименко (Ефименко 1859), Савченко (Савченко 1957, Савченко 1958), Онишкевича (Онишкевич 1970), Besters-Dilger (Besters-Dilger 2002, 2006), Вильперт (Вильперт 2003), Гвоздяк (Гвоздяк 2011) и др. Исследования проводились, главным образом, на материале юго-западных говоров Украины – бойковского, буковинского, волинского, поднестровского. Это объясняется, прежде всего, причинами исторического характера, поскольку отдельные территории современной Западной Украины на протяжении долгого времени находились в составе Австро-Венгерской империи. Материалами для вышеупомянутых исследований служили, как правило, словари соответствующих говоров.

В нашем докладе немецкие заимствования рассматриваются:

а) на материале восточнославянских говоров Закарпатья, которые до сих пор только факультативно привлекались к изучению контактов с немецким языком в Карпатском ареале, ср. обзор литературы в (Пиц 2013), б) на материале записей устной речи, а не на материале словарей, как в большинстве предыдущих исследований.

Корпус исследования составили аудиозаписи устной речи жителей Украинских Карпат, а именно: Львовской, Закарпатской и Ивано-Франковской областей, собранные в 1986–2015 гг. в процессе многочасовых бесед с информантами (метод т.н. качественных интервью и включённого наблюдения). Общий объём сделанных аудиозаписей составляет примерно 600 часов.

На основе проанализированного материала можно сделать вывод о том, что германизмы широко представлены, прежде всего, в следующих тематических группах диалектной лексики:

в профессиональной – строительной (напр., *бляха* ‘жесть, листовой металл’ < нем. *Blech*, *гоблик* ‘рубанок’ < нем. *Hobel*, *гобльовати* ‘строгать’ < нем. *hobeln*, *иутер* ‘щебень, гравий’ < нем. *Schotter*, *цангли* ‘клещи’ < нем. *Zange*), лесорубной и лесосплавной (напр., *кльоц* ‘кусок бревна’ < нем. *Klotz*, *иинтафля* ‘помост из круглых бревен, используемый при лесосплаве’ < нем. *Schwimmtafel*, *кльоц* ‘кусок колоды’ < нем. *Klotz*), военной (напр., *шанц* ‘окоп’ < нем. *Schanze*, *флінта* ‘ружье’ < нем. *Flinte*, *мана* ‘карта’ < нем. *Mappe*) –

и в бытовой – напр., наименования одежды: *анцуг* ‘мужской костюм’ < нем. *Anzug*, *штримфли* ‘носки’ < нем. *Strümpfe*, *шлаер* ‘фата’ < нем. *Schleier*, *мантля* ‘пальто’ < нем. *Mantel*; наименования предметов повседневного обихода: *фирганка* ‘занавеска’ < нем. *Vorhang*, *куффер* ‘чемодан’ < нем. *Koffer*, *ташка* ‘сумка’ < нем. *Tasche*; наименования, связанные с пищей: *гриз* ‘манная крупа’ < нем. *Grieß*, *нудли* ‘лапша, макароны’ < нем. *Nudeln*, *фриштик* ‘завтрак’ < нем. *Frühstück*, *фриштиковати* ‘завтракать’ < нем. *Frühstücken* и т.п.

Основные способы фонетической адаптации немецкоязычных лексических заимствований в восточнославянских говорах Закарпатья – утрата долготы/краткости, а также открытости/закрытости гласных звуков, (как правило) монофтонгизация дифтонгов, переход взрывного [g] во фрикативный; морфологическая адаптация осуществлялась, как правило, путем суффиксации и добавления флексий.

Помимо классификации германизмов, отмеченных в корпусе, сформулированы предварительные наблюдения социолингвистического плана. Они касаются в первую очередь употребления немецких заимствований в речи старшего и младшего поколений носителей закарпатских восточнославянских говоров.

Так, употребление немецких заимствований в исследованных говорах достаточно стабильно в речи старшего поколения информантов и слабее представлено в речи младшего.

К старшему поколению мы условно относим информантов 60–90 лет, которые соответствуют следующему социолингвистическому профилю:

1. Место рождения: закарпатские сёла (ср. выше);
2. Языковая компетентность: практически абсолютная моногlossия, т.е. владение только родным говором, ср. также 3);
3. Образование: от неграмотных до нескольких лет обучения в начальной чешской (язык обучения – чешский) и/или венгерской школе (язык обучения – венгерский), у более молодых информантов (приблизительно после 1938 г.р.) – в начальной школе с украинским языком обучения;
4. Владение литературным украинским языком (введен с 1946 г.): отсутствует или пассивное, позволяющее понимать язык официальных средств массовой информации.

К младшему поколению условно отнесены информанты младше сорока лет, отвечающие следующим социолингвистическим характеристикам:

1. Место рождения: закарпатские сёла;
2. Языковая компетентность: относительная (неполная) дигlossия, т.е. владение помимо родного диалекта так же и основами украинского литературного языка (в силу обучения в школе, а также влияния радио, телевидения и интернета);
3. Образование: среднее и среднее специальное;
4. Владение литературным украинским языком: ограниченная компетентность.

В ситуации дигlossии (родной диалект и литературный украинский) и развития двуязычности / двукодовости носителей диалекта под влиянием названных факторов в речи молодого поколения отмечаются явления вариативности в употреблении германизмов и частичное вытеснение их украинскими эквивалентами. Примечательно, что прогнозируемый переход на доминирующий язык окружения в речи молодого поколения намечается в том числе и за счёт утраты результатов языкового контакта, свойственных родному диалекту, например, при обозначении определённых бытовых реалий.

Отмеченная стабильность в употреблении германизмов в речи старшего поколения связана, вероятно, не только с его моногlossией (и практически полной изоляцией диалекта от воздействия литературного стандарта), но и с его положительными речевыми установками (*attitudes*) в отношении немцев и – как продолжение – немецкого языка. Роль речевых установок в сохранении или утрате результатов иноязычного воздействия в восточнославянских говорах Закарпаття также будет рассмотрена в докладе.

Литература

- Вільперт 2003 – *Х. Вільперт*. Німецькі запозичення в гуцульських говірках // Мова в часі та просторі. Львів, 2003. С. 282–290.
- Гвоздяк 2011 – *О.М. Гвоздяк*. Німецькі лексичні запозичення в українських закарпатських говірках // *Studia Linguistica*. Вип. 5. Ч. 1. Київ, 2011. С. 362–368.
- Горбач 1995 – *О. Горбач*. Німецькі позичені слова в українській мові: Текст доповіді. Окремий відбиток. Київ, 1995.
- Ефименко 1895 – *П. Ефименко*. Слова, вошедшія въ Малороссійскій языкъ изъ Нѣмецкого // Черниговскія губернскія вѣдомости. № 46, 1859. С. 339–340.
- Онишкевич 1970 – *М.Й. Онишкевич*. Германізми в бойківському діалекті // Іноземна філологія. Вип. 21. Київ, 1970. С. 38–45.
- Пиц 2013 – *Т.Б. Пиц*. До історії дослідження німецьких запозичених слів в українській мові // *Українська мова*. № 2, 2013. С. 205–208.
- Савченко 1957 – *З.Н. Савченко*. Немецкие лексические заимствования в украинских говорах на Буковине // Научный ежегодник Черновицкого ун-та. Т. 1. Вип. 2. Черновцы, 1957. С. 314–318.
- Савченко 1958 – *З.Н. Савченко*. К вопросу о звуковых изменениях немецких заимствований в буковинских говорах // ЧГУ Научный ежегодник за 1957 год. Черновцы, 1958. С. 270–272.
- Цивьян 1999 – *Т.В. Цивьян*. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М.: Индрик, 1999.
- Цивьян 2008 – *Т.В. Цивьян*. Язык: тема и вариации. Избранное в 2 тт. Том 1. М.: Наука, 2008.
- Besters-Dilger 2002 – *J. Besters-Dilger*. Deutsche lexikalische Entlehnungen im Ukrainischen: zur Frage der polnischen Vermittlung und heutigen Aktualität // *Crossroads of Cultures: Central Europe*. Brno, 2002. S. 25–51.
- Besters-Dilger 2006 – *J. Besters-Dilger*. Deutsch-galizische lexikalische Sprachbeziehungen (mit besonderer Berücksichtigung der Austriazismen) // *Ethnoslavica: Festschrift für Gerhard Neweklowsky zum 65. Geburtstag*. München, 2006. S. 29–42.
- Stehl 2013 – *T. Stehl*. Sprachkontakt, Sprachvariation, Migration: Ziele, Inhalte und Methodenfragen // Thomas Stehl, Claudia Schlaak, Lena Busse (Eds.). *Sprachkontakt, Sprachvariation, Migration: Methodenfragen und Prozessanalysen*. Frankfurt am Main, 2013: Peter Lang, 1–10 (= Sprachkontakte. Variation, Migration und Sprachdynamik, Bd. 2).

ИЗ ОПЫТА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

М.М. Макарицев (Москва)

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ИНФОРМАНТЫ:
КОНФЛИКТ ОЖИДАНИЙ
В ПОЛЕВОЙ РАБОТЕ В АЛБАНИИ

Летом 2014 года в селе Бобоштица (юго-восточная Албания, область Корчи) состоялось лингвистическое интервью, фрагмент которого я хотел бы здесь привести.

Участники: JL – Йоуко Линдстедт (Университет Хельсинки), ЕМ – Эльпи Манчо (род. в 1935 в Бобоштице, правосл., образование среднее специальное, работала учителем албанского языка и литературы в начальной школе, в данный момент на пенсии.)

1. ЕМ: Grrej <u>eden</u> rusin, studjusi rusin, Maksimi...	ЭМ: Приезжает и один русский, русский исследователь, Максим...
2. JL: Maksim, a, Maksim. Da-da-da.	ЙЛ: Максим, а, Максим. Да-да-да.
3. ЕМ: Go poznavjete? Go poznavjete!	ЭМ: Вы его знаете? Вы его знаете!
4. JL: Da, da, jas go poznavam, da.	ЙЛ: Да, да, я его знаю, да.
5. ЕМ: Toj ima stud... ima pisano <u>eden</u> student... studim za Boboštica. Toko ne gu ma bitisano toj studimo. Iти da izvadvi otkoga... soj mu interesojva svječkim, otkoga se zborvi soj jazik	ЭМ: Он изуч... написал исследование о Бобоштице. Только он не закончил это исследование. Он хочет узнать, с каких пор... это интересует всех, с каких пор используется этот язык.

(Линдстедт 2014)¹

Этот нарратив Э. Манчо важен для меня, потому что он представляет взгляд изнутри – как информант воспринимает то, чем я занимаюсь в поле. Конечно же, этот взгляд имеет мало общего с моим взглядом извне² – с тем, как я вижу свои научные задачи и задачи своей поле-

¹ Выражаю искреннюю благодарность Йоуко Линдстедту за возможность использовать записанные им материалы.

² Поле – исключительно важный элемент в моей исследовательской деятельности, но для меня оно всегда остается некоторым внешним и отчужденным локусом, к которому я не принадлежу ни по праву рождения, ни по приобретенной идентичности.

вой работы (во всяком случае, я не занимаюсь диахронией), однако это взгляд человека, сложившийся в результате длительного общения со мной и другими исследователями, это взгляд человека, обладающего собственным взглядом на свое сообщество и его место в мире, более того, это взгляд человека, чьи высказывания я как исследователь должен корректно отразить в своих публикациях, дав ему тем самым ‘рупор’ (если попробовать перевести так термин *public voice* – Agger 1991).

В настоящей статье я хотел бы остановиться на вопросе несовпадения и конфликта ожиданий исследователя и информанта, которые могут оказывать влияние на ход полевого исследования.

Мое изучение диалекта Бобоштицы началось в 2010 году со спонтанного визита в село во время поездки в Корчу, крупнейший городской центр юго-восточной Албании. Как и для многих коллег, занимающихся южнославянскими языками, Бобоштица всегда была для меня особенным местом, еще со студенческих времен и курсов по введению в славяноведение и в южнославянскую диалектологию: поэтому, узнав, что от центра Корчи до этого села всего семь километров, я решил отправиться туда. Весь материал о Бобоштице в нашей университетской программе восходил к еще довоенной монографии А. Мазона (Mazon 1936), что вместе с многочисленными свидетельствами о *зулумах* против славянского и православного населения и описанием ассимиляции славян албанцами в области албанско-славянского пограничья в конце XIX – начале XX века, почерпнутыми у А.М. Селищева (Селищев 1929/1981; 1931/1981) не оставляло у меня никаких надежд на то, что в Бобоштице я смогу найти славян. Я воспринимал свою поездку как своеобразный визит в место памяти.

Приехав в село и посмотрев его основные достопримечательности (церкви, монастырь св. Марии и шелковичные деревья), я решил зайти в таверну и спросить на всякий случай, не знают ли они кого-нибудь, кто говорит на славянском диалекте. «Конечно, – был ответ, – давай мы тебя к ним отведем».

Так я познакомился с Эльпи. Ее роль в сообществе сложно переоценить: она хранит память об истории села и его традициях, фольклоре и языке (в настоящий момент процесс смены языка почти полностью завершился: на славянском диалекте говорит только пять человек, все из которых старше 70 лет), поэтому во многом она является идеальным ключевым информантом, если использовать ставший традиционным в этнографии термин (Trembaly 1957). В течение семи лет после нашей первой встречи я записывал от Эльпи и других славяноговорящих жителей села, которых она мне представила, продолжительные нарративы

(воспоминания о семейной истории, об истории села, о его традициях и обрядах), работал по опросникам МДАБЯ (прежде всего по этнолингвистической и по синтаксической анкете), использовал другие опросники (например, «Frog where are you») – см. (Макарцев 2015; 2016). Бобоштица стала и удобной площадкой для полевой практики студентов³. У меня сложились уважительные отношения и с местным аромунским населением, хотя с ними я работал очень мало.

Неудивительно, что я привык к мысли, что я знаю село достаточно хорошо, и всё, что мне остается делать – это интенсивно работать с теми из информантов, кто пока еще помнит местный славянский диалект.

В 2015 г. я был в Бобоштице с участниками экспедиции Хельсинкской инициативы по ареальным и языковым исследованиям⁴. Мы шли по одной из улиц села вместе с Эльпи, участники экспедиции задавали ей вопросы на болгарском и македонском языке, а она отвечала на местном диалекте. В этот момент нас кто-то окликнул по-славянски из одного из палисадников. Оказалось, что в этом доме уже больше 30 лет живет македонка из Преспы, которая вышла замуж за одного из албаноговорящих жителей. Она застала многих носителей славянского диалекта, в течение нескольких десятилетий общалась с ними и местный диалект оказал некоторое влияние на ее речь⁵ (диалект Бобоштицы принадлежит к широкой юго-восточной (sic) зоне, которая захватывает восток, юг, и выдвигается далеко на юго-запад македонского диалектного континуума, а диалект Преспы относится к западномакедонскому наречию – Видоски 1998). Я был очень рад найти еще одного носителя славянского диалекта, пусть и не вполне аутентичного для села. В то же время, Эльпи постаралась подчеркнуть, что эта македонка не принадлежит к кругу *djemië e vajzat e Boboshticës* ‘сыновей и дочерей Бобоштицы’ – собственно, поэтому она и не представляла меня ей.

В 2012 г. я разговаривал в Корче с одним сербским преподавателем, который был там на летней школе, и он сказал мне, что ездил в Бобоштицу и встретил там пожилого человека по имени Илия, который говорил с ним по-сербски. Я сказал коллеге, что это, по всей видимости, был Ильо Кунешка (род. 1925), самый пожилой житель села и один из

³ В Бобоштицу регулярно приезжают студенты Международной летней школы по антропологии, этнографии и сопоставительному фольклору Балкан (о летней школе см. Nitsiakos et al. 2008); в 2012, 2014, 2015 и 2016 я сопровождал их во время посещения села.

⁴ Избранные материалы и информация об экспедиции опубликованы в (Makartsev, Wahlström 2016).

⁵ Степень этого влияния еще предстоит установить.

пяти носителей славянского диалекта, но тот настаивал, что разговор происходил именно на сербском языке. Конечно, то, как внешние посетители с Балкан определяют языковую принадлежность тех или иных идиомов – давний и часто больной вопрос, однако я решил уточнить эту информацию у Эльпи. Она заверила меня, что больше в селе никто не говорит на местном славянском диалекте, а тем более по-сербски, и что мой коллега, видимо, встретил Ильо Кунешку. Примерно такую же информацию я получил и от других носителей диалекта, на чем и решил остановиться.

К этой теме я решил вернуться зимой 2016 года, после того, как узнал о македонке. Мы были у Эльпи вместе с Сотиром Дамко, руководителем местного культурного объединения (алб. *shoqatë*) «Kajnas». Сотир не говорит на славянском диалекте, но воспринимает его как часть культурного наследия села; по его инициативе устав культурного объединения «Kajnas» был переведен последними носителями на диалект (Макарцев 2015), и он включил часть записей фольклора села, сделанных Эльпи на диалекте, в рукопись своей книги (Dhamko 2010). Я спросил, кто именно еще говорит в селе по-славянски. Эльпи назвала имена тех людей, с которыми я уже разговаривал. Вместе с Сотиром они вспомнили еще нескольких, к сожалению, уже покойных. Я спросил – а как же тот Илия, который говорит по-сербски? Да, подтвердил Сотир, был такой, сын югославского эмигранта и местной жительницы, который всю жизнь прожил в селе и умер в прошлом году. Значит, я как минимум пять лет мог записывать его воспоминания и мемораты на языке, который наверняка находился под влиянием местного славянского диалекта. Но мы так и не встретились с ним.

Эти два случая заставили меня вернуться к размышлениям о том, что именно я ожидаю от поля, и что именно информанты ожидают от меня. Очевидно, в этом случае я столкнулся с комбинацией двух тактик интерсубъективности (Bucholtz, Hall 2004). Первая из них – *отождествление* (М. Бухольц и К. Холл называют ее *adequation*, что является гибридом двух слов: *adequacy* + *equation*), при котором маркированность по одному из признаков (в данном случае, по общности происхождения) воспринимается как достаточный критерий для отнесения к группе⁶. В моем случае эта тактика скорее имеет положительный результат: так, Эльпи

⁶ М. Бухольц и К. Холл вслед за Дж. и К. Хилл (Hill & Hill 1986: 418) приводят пример языка мексикано (смешанный язык на основе испанского и ацтекского языка науатль): носители мексикано включают молодое поколение, которое уже не говорит на этом языке, в группу, определяемую как «свою».

познакомила меня в том числе и с теми жителями села, которые крайне ограниченно владеют диалектом, поэтому решение, чью именно речь я буду изучать, принадлежало мне. Однако ограничителем этой тактики служит *различение* (*distinction* – там же, 383–384), при котором одному из факторов (в данном случае также происхождению) придается статус эссенциалистского маркера культуры. Поскольку меня интересовал другой фактор – язык, а происхождение информантов имело второстепенное значение, в конфликте наших ожиданий сыграла важную роль именно тактика *различения*.

Литература

- Видоески 1998 – Б. Видоески. Дијалектите на македонскиот јазик. Том 1. Скопје: МАНУ, Фонд Трифун Костовски, 1998.
- Линдстедт 2014 – Ї. Линдстедт. Полевые материалы. Бобоштица, 2014. Видео. Из личного архива Ї. Линдстедта.
- Макарцев 2015 – М. *Makartsev*. On official texts in Slavic dialects in the County of Korcha, South-Eastern Albania // *Slavia Meridionalis*, Vol. 15 (2015). P. 149–165. DOI: 10.11649/sm.2015.013
- Макарцев 2016 – М. *Makartsev*. The Image of Russia and Europe among the Slavic Minority in Boboshtica (District of Korça, Albania) // *Colloquia Balkanica. The Image of Russia in the Balkans* / Ed. Jolanta Sujecka and Krzysztof Usakiewicz. Warszawa: PWN, 2016. P. 153–174.
- Селищев 1929/1981 – А.М. Селищев. Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии (с этнографической картой Полога). София: Македонский научный институт, 1929. (репринт: София: Наука и искусство, 1981).
- Селищев 1931/1981 – А.М. Селищев. Славянское население в Албании (с иллюстрациями в тексте и с картой Албании). София: Македонский научный институт, 1931 (репринт: София: Наука и искусство, 1981).
- Agger 1991 – В. Agger. Theorizing the decline of discourse or the decline of theoretical discourse? // Ph. Wexler (ed.). *Critical theory now*. London – New York – Philadelphia: The Falmer Press, 1991. P. 117–144.
- Bucholtz, Hall 2004 – М. Bucholtz, К. Hall. Chapter 16. Language and identity // А. Duranti (ed.). *A companion to linguistic anthropology*. Blackwell, Oxford, Carlton: Blackwell, 2004. P. 369–394. DOI: 10.1002/9780470996522.ch16.
- Dhamko 2010 – S.T. Dhamko. Boboshtica. Historie. (Nje variant.) Boboshtica, 2010 (рукопись).

- Hill & Hill 1986 – *J.H. Hill, K.C. Hill*. Speaking Mexicano: Dynamics of a Syncretic Language in Central Mexico. Tucson: University of Arizona Press, 1986.
- Makartsev, Wahlström 2016 – *M. Makartsev & M. Wahlström* (eds). In search of the center and periphery – linguistic attitudes, minorities, and landscapes in the Central Balkans. Helsinki: University of Helsinki, 2016. (*Slavica Hel-singiensa* 49.)
- Mazon 1936 – *A. Mazon*. Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du Sud. Paris, 1936. (Bibliothèque d’études Balkaniques – V)
- Nitsiakos et al. 2008 – *V. Nitsiakos, I. Manos, G. Agelopoulos, A. Angelidou & V. Dalkavoukis* (eds.). Balkan Border Crossings – First Annual of the Konitsa Summer School. Berlin: LIT Verlag, 2008.
- Tremblay 1957 – *M.A. Tremblay*. The key informant technique: A nonethnographic application // *American Anthropologist*, 1957, Vol. 59, Issue 4. P. 688–701. DOI: 10.1525/aa.1957.59.4.02a00100

М.С. Морозова (Санкт-Петербург)

ПАРАДОКС ИССЛЕДОВАТЕЛЯ НА БАЛКАНАХ:
ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ У БИЛИНГВАЛЬНЫХ
ИНФОРМАНТОВ
ПРИ ИНТЕРВЬЮИРОВАНИИ¹

Одна из основных проблем, с которыми сталкиваются в поле лингвисты, социолингвисты и антропологи, заключается в том, что, какую бы методику сбора полевого материала они ни применяли, в ситуации наблюдения и записи спонтанной речи говорящие склонны модифицировать свое речевое поведение, в результате чего оно становится менее естественным. У. Лабов, давший этому феномену название «парадокс наблюдателя» (“observer’s paradox”)², столкнулся с его проявлениями, исследуя языковую вариативность в монолингвальных сообществах (см. [Labov 1972] и др.).

Понятие «парадокса наблюдателя» применимо и к билингвальным сообществам, причем присутствие исследователя-«инсайдера», являющегося членом сообщества, способно влиять на речевое поведение испытуемых не менее существенным образом, чем присутствие «аутсайдера» [Milroy, Li Wei & Moffatt 1991; Li Wei 1994: 83–87]. Ситуация наблюдения определяет стратегию использования билингвальным носителем тех языков, которыми он владеет, в общении с исследователем или с другими лицами в присутствии исследователя. Один из типичных сценариев речевого поведения билингвов подразумевает попеременное использование обоих доступных им языковых кодов в зависимости от ряда социолингвистических и прагматических факторов. Вопрос о переключении кодов (ПК) в билингвальной коммуникации весьма подробно обсуждался в литературе последних десятилетий (см. [Li Wei 1994; Auer 1998] и мн. др.). Не затрагивая здесь всех аспектов этой обширной тематики, мы остановимся на проблеме использования разных кодов в билингвальной коммуникации в присутствии стороннего наблюдателя

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 14-18-01405 «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте».

² У. Лабов формулирует «парадокс наблюдателя» так: «Целью лингвистического исследования в сообществе должно быть изучение того, как люди говорят, когда за ними систематически не наблюдают; при этом получить такие данные мы можем только путем систематического наблюдения» [Labov 1972: 209].

(исследователя-«аутсайдера»). Вслед за А.Ю. Русаковым [2004: 69], мы будем понимать под ПК «переход с одного языка на другой в рамках одного дискурсивного единства».

Анализируемый нами материал был собран в билингвальном селе Веля-Горана (срб.-хрв. Велья Горана / Velja Gorana), которое расположено в сербохорватскоязычной краине Мрковичи на юге Черногории, между городами Баром и Улцинем. Население Веля-Гораны поддерживает брачные связи с соседними монолингвальными селами мрковичей и – в наибольшей степени – с близлежащими албаноязычными районами: краиной Ана-э-Малит и окрестностями Улциня с (частично) билингвальным населением, а также с пограничными районами Албании с монолингвальным населением. Большинство семей в селе являются этнически смешанными, что способствует развитию бытового двуязычия: дети обоего пола, как правило, усваивают албанский язык в раннем возрасте от бабушек и матерей-албанок; славянки из соседних сел после замужества усваивают в Веля-Горане албанский язык, а монолингвальные албанки выучивают в новом окружении сербохорватский.

Особенность сообщества Веля-Гораны состоит в том, что в нем «постоянно воспроизводится длительное состояние двуязычия достаточно больших групп людей, по каким-то причинам не приводящее к окончательной смене одного языка другим» [Соболев 2015: 542]. Подобные языковые общности редки для современных Балкан, однако в прошлом, как представляется, они могли играть важную роль в формировании конвергентной группы языков и диалектов, традиционно называемой балканским языковым союзом. Для контактологии моделирование ситуаций, приводящих к образованию языковых союзов (см. например многофакторную модель для различных контактных ситуаций, представленную в недавней работе П. Мэйскена [2013]), представляет определенную сложность, поскольку а) языковые союзы возникают в результате взаимодействия множества процессов, которые трудно разграничить; б) в существующие модели плохо укладываются ситуации с отсутствием языковой доминанции на уровне сообщества и его отдельных представителей, по-видимому, характерные для Балкан прошлого. Возможность наблюдать в реальном времени процессы, происходящие на микроуровне внутри сообществ, подобных Веля-Горане, позволяет получить ценный эмпирический материал, который может далее интерпретироваться в рамках теории языковых контактов, теории билингвизма и, в частности, ПК.

Приведем несколько примеров ситуаций с ПК, зафиксированных в ходе полевой работы в Веля-Горане осенью 2014 и весной 2015 гг., вы-

сказывая соображения о факторах, определяющих речевое поведение индивидов в присутствии исследователя в каждом конкретном случае.

1. Беседа исследователей Б и В с пожилой информанткой А родом из монолингвального села Мала-Гораны (в Веля-Горане живет более 50 лет; свободно пользуется вторым (албанским) языком в общении с домашними, например с невесткой-албанкой):

- (1) 1 А: *ne znam te lépo prevét, razúmeš li, ne znam te lépo prevét, sat to víše to... nĕmam taj dijalekt... na sýpski na tĕĕtje smo bili govóрили, pa máto znam, i to ne baš nájbole. a nĕmam taj dijalekt víše ja za to, što me ti mĕne pítáš, ne znam to...što je bíto, kut je bíto³.*
- 2 Б: *áli móžete da govóрите álbanski káo znáte vi...*
- 3 А: *ja te prítjám káo znam, ovoliko što znam.*
- 4 В: *po si u martúat?*
'А как Вы выходили замуж?'
- 5 А: *si martóhet... si tĕn... si martóni ju. várzat tĕĕ... kĕni dársmat tĕĕ martóni ju várzat. písóĕ áštú martóhet, e atĕr jam martú.*
'Как женятся... как все... как вы женитесь. Девушек, что... есть у вас свадьбы, выдаете девушек замуж. Так же, так женятся, и так я вышла замуж.'
- 6 В: *a e ke njóhur djálin pĕgrága?*
'А знала парня до [свадьбы]?'
- 7 А: *ja, ja, s e kam pĕ der'sá kam arĕ ktu pĕr mur, atĕr s ka ken áštú. nĕje bíto to, to je sámó nĕko ti prosío... nĕje káo sat što ĕedú, što se uzimaju zájedno ĕedú, pa po gódinava pa pó sto se rastáve, pa sastáve pa to je... to je nífta, se je u závodu.*
'Нет, нет, не видела его, пока не пришла сюда, в эти стены, тогда было не так.'

Обнаружив, что ее албанская речь становится объектом исследования, А вначале отказывается «переводить» на албанский, ссылаясь на недостаточно высокую компетенцию (реплика (1)). На запрос исследователя Б на сербохорватском (2) она вполне ожидаемо отвечает на том же языке (3), а вопросы исследователя В (4, 6), заданные по-албански, заставляют ее переключиться на албанский язык (5, 7). В конце реплики (7)

³ В примерах курсивом выделяются реплики на сербохорватском. Реплики на албанском снабжены переводом. Употребление термина 'сербохорватский' условно; вопросы, связанные с вариативностью славянского идиома представителей исследуемого сообщества, в работе подробно не обсуждаются.

А снова переходит на родной язык, по-видимому, чтобы лучше объяснить то, что ей трудно сформулировать по-албански.

Очевидным образом речевое поведение информантки отклоняется от «нормы», становясь объектом наблюдения; на выбор одного из двух языков, которыми она владеет, непосредственно влияет вначале речь спрашивающего, а затем сказывается сохранение доминанции родного языка (сербохорватского) над вторым языком, усвоенном в зрелом возрасте⁴. Вероятна и некоторая неполнота навыка монологической речи на втором языке: албанский используется в семье А регулярно, но его употребление явно ограничено бытовыми диалогами.

2. Групповое интервью, в котором участвуют трое мужчин-билингвов среднего и старшего возраста; две молодые албанки, одна из которых происходит из Албании и живет в Веля-Горане около пяти лет; пожилая албанка, проживающая в селе более 30 лет; трое детей-билингвов (девочка 12-ти лет, достаточно хорошо владеющая албанским, ее 10-летняя сестра и брат пяти лет, только начинающий говорить по-албански); исследователь, владеющий албанским и сербохорватским.

- (2) а) албанки беседуют на албанском языке со всеми, включая детей и исследователя; пожилая албанка говорит по-албански и по-сербохорватски – в зависимости от языкового кода, который в тот или иной момент используется в беседе;
- б) мужчины среднего возраста говорят с албанками по-албански; к старшему мужчине, к детям и к исследователю обращаются на сербохорватском;
- в) пожилой мужчина в присутствии исследователя говорит только на сербохорватском, демонстрируя при этом полное понимание обращенных к нему реплик на албанском. После окончания визита, когда исследователь «не слышит», он перекидывается несколькими албанскими словами с невесткой-албанкой и сыном;
- г) старшая девочка говорит по-албански с матерью и ее подругой из Албании, к остальным (мужчинам, пожилой албанке, исследователю, младшему брату и сестре) обращается на сербохорватском;
- д) младшие дети обращаются на албанском языке только к албанке из Албании, с остальными беседуют на сербохорватском.

⁴ Параметры языковой доминанции на индивидуальном уровне могут изменяться с возрастом. Некоторые пожилые албанки, проживающие в Веля-Горане более 30–40 лет, сохраняя высокую компетенцию в родном языке, чаще переключаются на сербохорватский, мотивируя это тем, что больше используют его в общении с домашними и начинают забывать албанский.

Как представляется, речевое поведение участников коммуникации можно интерпретировать следующим образом: 1) билингвальные мужчины-горанцы в присутствии стороннего наблюдателя склонны подчеркивать свою «горанскую» (славянскую, поскольку Горана является частью славяноязычной краины Мрковичи) идентичность; 2) для молодых мужчин важную роль, по-видимому, играет присутствие старшего родственника, поведение которого служит для них образцом; 3) несмотря на то, что молодая албанка из Албании, по утверждениям информантов, хорошо владеет сербохорватским, все окружающие, включая маленьких детей, предпочитают «облегчать» ей коммуникацию, изъясняясь на ее родном языке; 4) повышенная частотность переключения на сербохорватский у пожилой албанки связана с некоторой сменой языковой доминанции (см. сноску 4); 5) неполнота компетенции младших детей в албанском языке заставляет их выбрать сербохорватский в качестве основного языка коммуникации с большинством присутствующих, в то время как для взрослых говорящих, компетенция которых в обоих языках достаточно высока, в целом характерно частое переключение кодов. Таким образом, помимо ограничений, накладываемых присутствием наблюдателя, выбор языка определяется коммуникативными нормами, регулирующими общение между поколениями и внутри поколений, и различиями в компетенции говорящих (при «смене адресата»).

3. В примере (3) представлен фрагмент беседы с двумя пожилыми мужчинами-билингвами из Гораны. Информант А понимает и говорит по-албански, поскольку выучил язык в детстве в общении со сверстниками из соседних албанских сел, но предпочитает этого не демонстрировать; информант Б выучил албанский язык в детстве от бабки-албанки и довольно охотно беседует на нем с исследователем. Информанты отвечают на просьбу исследователя (В) рассказать о происхождении рода, к которому они принадлежат:

- (3) 1 **А:** *i dófli ovámo rádi ósvete o křvi.*
 2 **В:** *řtēip munt tə θóni?*
 ‘По-албански можете сказать?’
 3 **Б:** *řtēip po, pəp pun t dzákut.*
 ‘По-албански да, из-за кровной мести.’
 4 **А:** *ubíli su někoga támo i pobjégli.*
 5 **Б:** *kan vra dikán atjé éde kan ik. kan vra dikán... pej niřtēi bélda. əřt grahóva atý. pej atý doməθán. po əřt ni dža: řtēi na... na jéna muslimána, por prezímen e kéna pravoslářf. mírpo jo vétəm na, ktu ni i ke... i ke ən prej tivárit.*

‘Убили кого-то и бежали. Убили кого-то... из Никшича, наверное. Там Грахово. Оттуда, то есть. Но вот какая штука... мы мусульмане, но фамилия у нас православная. Но не только мы, тут... со стороны Тивара.’

6 А: kan ken pravostáf.

‘Были православными.’

7 Б: kta kan ken tan pravostáf. kur ka art túrku nérpər štēipni, áĭ ka hy ktu. ktu išt lyp me e n^ər:u fe:n. a m kuptón? išt lyp me e nr:u fe:n. e, miç, fe:n e kan nr:u, e miémrin...

‘Они были все православными. Когда турок пришел в Албанию, он пришел и сюда. Здесь хотел, чтобы поменяли веру. Понимаешь? Хотел, чтобы поменяли веру. Ладно, веру поменяли, но фамилию...’

8 А: ...s jan nr:u.

‘...не поменяли.’

9 Б: miémri ka met kovátševitē, a fe:n po. se ktu ke níkezitē, vútšitē, dábetšitē, metánovitē, isákovitē, kovátševitē. si n dobrovót, bóĭkovitē, ándritē. sva su to přezimena právoslávna.

‘Фамилия осталась «Ковачевич», а веру – да. Тут Никезич, Вучич, Дабечич, Метанович, Исакович, Ковачевич. Как в Добра-Воде, Бошкович, Андрич. <...>’

10 А: jéna tšartú.

‘Перемешались.’

11 Б: vjéra ménana, záto mi smo muslimáni.

Рассказ начинает информант А, который считается в местном сообществе знатоком истории и пользуется большим авторитетом. В реплике 4 он игнорирует просьбу исследователя говорить по-албански, поскольку при сторонних наблюдателях предпочитает говорить на сербохорватском. Информант Б поначалу выполняет роль «переводчика» информанта А (3), но вскоре и сам начинает давать объяснения на албанском (5). Тогда А модифицирует свое речевое поведение (в соответствии с данной ему установкой на использование албанского языка) и начинает вставлять в разговор фразы на албанском (6, 8 и 10), продолжая или комментируя высказывания Б. Что касается Б, в конце беседы, вероятно, затронув «сложный» для понимания вопрос, он предпочитает – вначале частично (9), затем полностью (11) – переключиться с албанского языка на сербохорватский и продублировать сказанное ранее, ср. пример (1) выше.

Рассмотрение этих и других примеров ПК в речи билингов Веля-Гораны, результаты которого будут представлены в докладе, позволит а)

интерпретировать анализируемые случаи ПК с прагматической точки зрения; б) оценить степень влияния, оказываемого присутствием наблюдателя, vs. степень соответствия поведения информантов в ситуации наблюдения их «нормальному» речевому поведению.

Литература

- Auer 1998 – P. Auer. *Bilingual Conversation Revisited* // P. Auer (ed.). *Code-Switching in Conversation: Language, Interaction and Identity*. London; New York, 1998, 1–24.
- Labov 1972 – W. Labov. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1972.
- Li Wei 1994 – Li Wei. *Three Generations, Two Languages, One Family: Language Choice and Language Shift in a Chinese Community in Britain*. Clevedon: Multilingual Matters, 1994.
- Milroy, Li Wei & Moffatt 1991 – L. Milroy, Li Wei, S. Moffatt. *Discourse patterns and fieldwork strategies in urban settings: Some methodological problems for researchers in bilingual communities* // *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 12 (4), 1991, 287–300.
- Muysken 2013 – P. Muysken. *Language contact outcomes as the result of bilingual optimization strategies* // *Bilingualism: Language and Cognition* 16 (4), 2013, 709–730.
- Русаков 2004 – А.Ю. Русаков. *Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе)*. Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2004.
- Соболев 2015 – А.Н. Соболев. *Мрковичи (и Горана): языки и диалекты черноморского Приморья в контексте новейших балканистических исследований* // В. Demiraj (hrsg.), *Sprache und Kultur der Albaner. Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung (5.-8. Juni 2014, Buçimas bei Pogradec, Albanien)*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2015, 533–556.

А.А. Новик (Санкт-Петербург)

АРБНЕШИ ЗАДАРА (ХОРВАТИЯ): ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ И ИЗВНЕ

Исследовательским полем балканистики давно являются диаспоры и полиэтничные регионы. Процессы глобализации и размывания этничности, оказывающие сильнейшее влияние на представителей балканских диаспор, должны стать в наши дни предметом особого внимания. Зачастую в исследованиях, равно как и в их результатах, огромную разницу представляют не сами методики и научные подходы, а точки зрения, подчас кардинально противоположные, которые определяются тем, как смотрят на проблему и какие ставят перед собой задачи ученые – работающие «изнутри» и «извне». Иначе говоря, анализ собранных научных материалов зачастую обусловлен подходами авторов исследования, что в свою очередь определяется средой их происхождения. Особый интерес в этом плане представляет этнолокальная группа албанцев – арбнешей Задара (Далмация).

Полевая работа у арбнешей Задара сопряжена со множеством трудностей, так как сообщество является исключительно замкнутым для исследователя «со стороны». Чтобы влиться в него и получить необходимую информацию, нужен проводник – человек (или люди), которые считаются авторитетными и *своими*. Экспедиция 2016 г. благодаря новой методике сбора материала (привлечение членов этнолокального сообщества для работы по конкретным программам и вопросникам) позволила автору совместно с коллегой А.Н. Соболевым зафиксировать новые данные по языку и традиционной культуре арбнешей.

К истории вопроса. В г. Задаре (хорв. *Zadar*, ит. *Zara*, лат. *Iadera*) (Далмация, Республика Хорватия) до настоящего времени сохраняется этнолокальная группа албанцев – *арбнѐши* (алб. *arbnëshë*, *-t*, хорв. *arbanáši*). Предки арбнешей, исповедовавшие католицизм, переселились из северных районов албаноязычного ареала (центром которых традиционно был город Шкодра) в первой половине XVIII в. Миграция была вызвана притеснениями христианского населения со стороны османской администрации. Основным местом поселения арбнешей стал квартал Арбанаси в приморской зоне Задара.

Материнским ареалом для предков арбнешей, переселившихся на север Далмации, были следующие поселения: Шестан (алб. *Shestan*), Бриск

(алб. *Brisk*) и Лярья (алб. *Larja*), находящиеся в районе Шкодранского (Скадарского) озера. Зона к северу от города Шкодры, населенная в основном албанцами-католиками и албанцами-мусульманами, в наше время поделена государственными границами между Албанией и Черногорией. К XVIII столетию все указанные земли входили в состав Османской империи. Первые десятилетия и даже века турецкого господства на западе Балканского полуострова (начиная с XIV–XV вв.) характеризовались относительной либеральностью центральных властей к покоренным народам – Порта усматривала большую целесообразность в извлечении экономической прибыли от присоединенных территорий. Со временем власть османов упрочилась, и местным властям было предоставлено больше полномочий в управлении землями и народами, входившими в состав империи. С населения, исповедовавшего христианство (равно как и иудаизм), собирались высокие налоги и подати (в том числе *джизье* – налог для немусульман, так называемая «плата за веру»), размер которых зачастую делал их невыполнимыми. Данную причину переселения предков арбнешей Задара (равно как и арбрешей Италии) указывают, с отсылкой на архивы, практически все историки [Stipčević 2012: 3]. Другой немаловажной причиной являлась эпидемия чумы, свирепствовавшей на территориях, управляемых турками. Страшная болезнь периодически накрывала разные страны мира, однако в Европе считали, что турецкие власти почти ничего не предпринимают для борьбы с эпидемиями. Подобные слухи способствовали критическим настроениям среди части христиан и подталкивали их к эмиграции. Третью причину, подтолкнувшую часть албанцев переселиться на север Далмации, указал К. Крстич: в Османской империи был объявлен военный призыв в связи с турецко-персидской войной 1722–1736 гг. Спасаясь от рекрутства (в других обстоятельствах христиан не призывали на военную службу), албанцы-католики поспешили переселиться из региона г. Шкодры в г. Зару, входившую в Венецианскую республику [Krstić 1987]. Венецианцы сделали все возможное, чтобы облегчить переселение единоверцев из магометанской Турции на север Далмации. Операция по переселению состояла из множества этапов и растянулась на целых семь лет – с 1726 по 1733 г. В транспортировке албанцев-католиков были задействованы венецианские суда.

В Зару прибыло 450 переселенцев из региона Шкодры. Власти предусмотрели выдачу земельных наделов всем бежавшим от османов. На окраине Зары, за городскими воротами, была выделена территория для возведения жилых домов. Важно, что жилье для прибывших было построено за счет венецианского бюджета. Вокруг каждого дома был предусмотрен небольшой земельный участок – для хозяйственных нужд.

Современная ситуация. К вопросу о статусе идиома. До настоящего времени сохраняется около 500 носителей арбнешского говора (информация Максимилианы Баранчич) [АМАЭ: Новик 2016]. Большая часть активных носителей идиома – пожилые люди 1940-х годов рождения и старше. В повседневном общении с родными (супругами, родителями, детьми), а также соседями и друзьями они использовали прежде и используют до настоящего времени арбнешский говор. При этом в их речи фиксируется постоянное переключение кодов – при беседе на темы, для которых лексический запас идиома недостаточен, они переходят на хорватский язык. Люди младшего (относительно упомянутого выше) возраста (начиная с 1960-х годов рождения) владеют говором в меньшей степени: как правило, их знания ограничены умением поддержать диалог на простые бытовые темы, а также способностью порождать несложные тексты. Люди среднего возраста и молодежь (1980-х годов рождения и младше) в большинстве случаев очень слабо владеют идиомом: обычно их знания ограничены умением понимать арбнешскую речь старших родственников и компатриотов, а также давать краткие ответы на обращения к ним и вопросы. При этом лексический запас родного идиома у арбнешей среднего и молодого возраста является исключительно ограниченным, во многих случаях они заменяют сохраняющиеся в речи старших арбнешские слова хорватской лексикой.

Практически не фиксируется арбнешская речь у детей: во всяком случае, в ходе экспедиционной работы 2016 г. нами не было зарегистрировано ни одного случая, когда по-арбнешски в семье или на улице с друзьями говорили подростки или маленькие дети¹.

Тем не менее ситуация в каждой арбнешской семье исключительно индивидуальна. Так, есть семьи, в которых на идиоме, по свидетельствам наших информантов, говорят постоянно, включая детей. Некоторые представители сообщества, которым около 40 лет, нередко демонстрируют высокую степень владения идиомом (здесь можно привести пример семьи Эди) [АМАЭ: Новик 2016].

В любом случае, как и в большинстве островных говоров, наблюдается значительная дифференциация владения идиомом – от почти свободного владения до практически полного незнания представителями этнолокального сообщества. Тем не менее в самом сообществе

¹ К примеру, у албанцев Украины, предки которых покинули родные края в Юго-Восточной Албании задолго до миграции предков арбнешей Задара, до настоящего времени часть родителей говорит с новорожденными по-албански – «чтобы родной язык знали и продолжали» [АМАЭ: Новик 2011].

оценка знания ~ незнания идиома носит весьма субъективный характер: нередко владение ограниченным набором лексических единиц и элементарное понимание арбнешской речи на бытовые темы оценивается как **знание** родного языка, автоматически приводящее к приобщению к своей группе.

Иначе обстоит дело с оценкой владения арбнешским говором представителями сообщества, фиксируемой у окружающего населения. Так, хорваты и представители других этносов, живущие в Далмации, нередко утверждают, что арбнешки «вовсе албанского не знают, используют хорватские слова, дают им только свои окончания», «а так ничего там албанского нет» [АМАЭ: Новик 2016]. Сами арбнешки знают такие оценочные суждения их языковой компетенции со стороны окружения, однако главными возражениями в подобных случаях являются следующие: «Мы очень давно здесь живем – многие наши слова забылись», «Когда наши предки сюда переехали, таких понятий не было, поэтому мы и используем хорватские слова», «все новые реалии мы называем по-хорватски, откуда нам взять албанские?» [АМАЭ: Новик 2016].

К вопросу идентичности. В период после Второй мировой войны исключительным образом оживился интерес к арбнешам Задара и их говору. В немалой степени этому способствовала научная деятельность таких исследователей, как лингвист Идриз Айети, археолог Александар Стипчевич и др. Научные работы, публикации в периодических изданиях и СМИ вызвали интерес со стороны представителей этнолокальной группы к своим корням, к своей исторической родине, к албанскому языку. Новый всплеск такого интереса фиксируется в последнее десятилетие у представителей разных поколений. В свете такого «возрождения этничности», у арбнешей, даже не владеющих говором, фиксируется исключительно устойчивое этнолокальное самосознание – причисление себя к данной группе албанской диаспоры (общее число около нескольких тысяч).

В последние годы отмечается и рост внимания к проблемам диаспор и национальных меньшинств со стороны властей: стимулируется изучение этнической истории, идиомов, традиционных культур. В свете такой политики в Арбанаси открыт культурный центр, в котором предполагается преподавание арбнешского говора всем желающим местными активистами и знатоками, а также проведение мероприятий, посвященных культуре арбнешей.

В г. Задаре активно работает «Общество задарских албанцев», которое характеризуется высокой активностью: им проводятся многочисленные культурные мероприятия, встречи, собрания и проч. Как и

в большинстве островных диаспоральных групп, среди арбнешей есть значительное число людей, которые целиком и полностью на декларативном уровне позиционируют свою принадлежность к этнолокальному сообществу. При этом владение идиомом не служит главным критерием такого «приобщения» – нередки случаи, когда одни из самых видных активистов группы вовсе не говорят на языке, являющимся главным символом и маркером своей этнической идентичности для других представителей группы.

Подводя итоги. Исследование исторической албанской диаспоры в Задаре требует тесной кооперации с хорватскими коллегами: именно такое сотрудничество обещает дать наиболее взвешенные и не ангажированные результаты исследования языка и культуры. Арбнеши представляют собой этнолокальную группу албанцев, изучение которой может пролить свет как на малоизвестные факты этнической истории балканских народов, так и на изучение процессов миграций и адаптации островных групп в иноэтничном окружении.

Библиография

- АМАЭ: Новик 2011 – *А.А. Новик*. Каракурт–2011. Традиционная культура албанцев, болгар и гагаузов Буджака. Полевая тетрадь. Ксерокопия. Апрель–май 2011 г. // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 2039.
- АМАЭ: Новик 2016 – *А.А. Новик*. Арбнеши Задара. Хорватия. Полевая тетрадь. Автограф. Сентябрь 2016 г. // Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. б/н.
- Krstić 1988 – *K. Krstić*. Doseljenje Arbanasa u Zadar. Zadar: Mjesna zajednica Arbanasi, 1988. Lib. 3.
- Stipčević 2012 – *A. Stipčević*. Kultura tradicionalne e Arbëneshëve të Zarës / përktheu nga kroatishtja S. Fetiu. Prishtinë: Instituti Albanologjik i Prishtinës, 2012.

А.С. Дугушина (Санкт-Петербург)

«ЖЕНСКИЕ» ТЕМЫ В ЭТНОГРАФИИ БАЛКАН:
НУЖНО ЛИ БЫТЬ «СВОИМ»,
ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ ОБ ИНТИМНОМ

Изучение традиционных женских субкультур на Балканах и связанных с ними сфер женского ритуального пространства неизбежно касается практик интимности. Вопросы фертильности, репродукции, родовспоможения, материнских практик, ухода за ребенком и т.п. традиционно относятся к кругу тем, о которых открыто, «вслух», не говорят. С одной стороны, по причине физиологичности темы, с другой – из-за ее сакральности, а уж тем более с иностранным и иноязычным исследователем, которого информант видит в жизни в первый раз.

На первый взгляд кажется, что для того, чтобы изучать «женские» темы, достаточно быть исследователем-женщиной. Во всяком случае, представляется, что в традиционном (сельском) балканском обществе информанты-женщины свободнее заговорят о том, как они рожали, в беседе с женщиной, а не с мужчиной. Тем не менее экспедиционный опыт работы с различными этноконфессиональными группами на Балканах и с диаспорами показывает, что не всегда принадлежность к одному гендеру является условием скорейшего налаживания контакта для проведения беседы, например, о родинной обрядности – классической темы в любом этнографическом и лингвистическом исследовании. В экспедиции к сербохорватскоязычному племени Мрковичи (2012–2015 гг., Черногория) молодые женщины (невестки) в одном из семейств, с которыми мы работали [Дугушина, Морозова 2014; Соболев 2015], согласились поговорить о своем опыте родов лишь на третий год нашего знакомства, после того, как мы много раз побывали у них в доме и записали интервью на разные темы с представителями старшего поколения. При первой встрече одна из невесток поинтересовалась, замужем ли я и моя напарница (участник экспедиции – М.С. Морозова), есть ли у нас дети. Услышав отрицательный ответ, она сказала, что тогда с нами говорить не о чем. В этой же экспедиции отсутствие общего «женского» опыта и причастности к материнству не стало помехой разговору о родах с женщинами того же возраста из соседнего села крайны Мрковичи. Отличием было лишь то, что село – билингвальное (славяно-албанское двуязычие), и в семьях практически все невестки – либо албанки, либо двуязычные славянки из

смешанных сел. Вероятно, возможность общаться на родном для албанок и на редком с точки зрения владения иностранцами албанском языке послужила причиной скорейшего обретения «свойскости», хотя полевая работа велась на обоих языках. Безусловно, наличие языка, сближающего исследователя и информанта, является серьезным фактором, определяющим тональность и степень доверительности в их общении. К примеру, в албаноязычных селах Буджака и Приазовья на юге Украины полевая работа (2007–2013 гг.) по сбору материалов о родинной обрядности в подавляющем числе случаев велась автором на русском языке, общем и взаимопонятном для информантов и исследователя. Участниками экспедиций на юге Украины были в основном студенты филологического факультета СПбГУ, у которых опыт, связанный с браком или рождением детей и прочими маркированными в традиционной культуре реалиями, практически отсутствовал. Однако это не помешало установить как просто контакт с желаемыми информантами, так и отношения высокой степени доверия и откровенности.

Очевидно, что стать «своим» в изучаемом женском сообществе, включиться в повседневную, бытовую, ритуальную жизнь обещает неожиданные результаты. Но, например, на женском пляже в г. Улцинь в Черногории (черног. *Женска плажа*, алб. *Plazhi i femrave*)¹ стать «своим» довольно легко: достаточно раздеться догола, позагорать, искупаться, выпить кофе с другими посетительницами. А вот в других сообществах, как, например, в консервативной женской субкультуре славян-мусульман Голо Бордо приходилось практически без отвлечения на собственные интересы жить жизнью местных женщин². Однако без этого погружения мы бы не узнали, что без присутствия мужчин женщины ведут себя иначе: танцуют, поют, дурачатся, что противоречит их повседневному поведенческому коду в мужском окружении. Открытием было и то, что во время больших празднований для женщин предусмотрено особое общее пространство в одном из домов, там они непринужденно шумно общаются, курят³, там оставляют на время застолья и танцев детей-младенцев на попечение старшему поколению (см. [Дугушина, Морозова 2013: 170–177]).

¹ Этнически и конфессионально смешанная площадка в субкультуре женского городского сообщества, центр женского паломничества к источнику, исцеляющему от бесплодия.

² Несмотря на условия высокой заинтересованности участников экспедиции погрузиться в изучаемое сообщество, иногда все же приходилось настаивать на своей инаковости (см. об этом [Соболев 2013: 7–17]).

³ При этом мужчины с уверенностью утверждают, что женщины в их обществе не курят вообще.

Применительно к полевым исследованиям мы часто говорим о достижении «свойскости» как о положительном результате взаимоотношений с информантом (например, [Воронкова, Чикадзе 2009]). Но нужно ли это на самом деле? Ведь подчас именно инаковость позволяет людям рассказать то, в чем они не могут довериться близким. Примером этому может послужить практика психотерапии, широко распространенная в западной цивилизации. Ориентируясь на психотерапевтический подход (в частности, подход, отталкивающийся от позиции «неведения» (англ. a *not-knowing* position) и распространенный в нарративной психотерапии [Anderson, Goolishian 1992])⁴, представляется, что собеседнику достаточно быть приятным информанту и компетентным в той плоскости знаний, в которой он выстраивает беседу, но одновременно чуждым тем установкам, которые определяют принадлежность человека к универсуму информанта. Применительно к балканским «женским» темам хотелось бы обратиться к уже упомянутой экспедиции в села племенной области Мрковичи в Черногории. В разговоре с албанской невесткой из одного семейства племени Мрковичи, с которой изначально легко удалось установить контакт, именно инаковость исследователей определила возможность увидеть, потрогать, сфотографировать предметы охранной магии, которые обычно не показывают окружающим из соображений сохранения силы амулета. Хорошо известно, что изготовленные имамом амулеты широко распространены у балканских мусульман (а также и в других конфессиональных сообществах) и используются женщинами в качестве защиты ребенка от сглаза и болезней. Подобные амулеты принято скрывать от посторонних глаз: их подкладывают в колыбель, подросшему ребенку – под подушку, вне дома – под рубашку или в карман.

Таким образом, подчас приходится признавать, что, находясь в положении «чужого», можно извлечь куда больше полезного, чем в положении «своего». По крайней мере инаковость позволяет в поле быть свободным в том, чтобы задавать вопросы, на которые есть всем известные ответы. Поэтому представляется, что психотерапевтический подход в определенном смысле адекватен этнографическому исследованию интимного: балансируя между категориями «своего» и «чужого», но оставаясь на позиции неангажированности, мы можем гораздо быстрее прийти к желаемому результату, не тратя усилия на достижение во многом иллюзорной «свойскости».

⁴ В методологической литературе роль исследователя нередко уподобляется роли психотерапевта [Белановский 2001: 57–140] и наоборот [Уорден 2005: 80–85].

Литература

- Белановский 2001 – *С.А. Белановский*. Глубокое интервью: Учебное пособие. М.: Никколо-Медиа, 2001.
- Воронкова, Чикадзе 2009 – Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле: Сб. ст. / Под ред. Виктора Воронкова и Елены Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009.
- Дугушина, Морозова 2013 – *А.С. Дугушина, М.С. Морозова*. Наблюдения над женской субкультурой // Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / Под ред. А.Н. Соболева, А.А. Новика. СПб.: Наука; München: Otto Sagner Verlag, 2013. С. 170–177.
- Дугушина, Морозова 2014 – *А.С. Дугушина, М.С. Морозова*. Культура семейного родства и родинной обрядности племени Мрковичи в условиях межэтнических и межъязыковых контактов с албанцами // XLIII Международная филологическая конференция: 11–16 марта 2014 г.: тез. докл. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ. 575 с. – С. 147.
- Соболев, Новик 2013 – *А.Н. Соболев, А.А. Новик*. Сведения об экспедиции и коллективной монографии: цели, программы, хроника работ, участники // Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН и СПбГУ 2008–2010 гг. / Под ред. А.Н. Соболева, А.А. Новика. СПб.: Наука; München: Otto Sagner Verlag, 2013. С. 7–17.
- Соболев 2015 – *А.Н. Соболев*. Мрковичи (и Горана): языки и диалекты черногорского Приморья в контексте новейших балканистических исследований // Sprache und Kultur der Albaner. Zeitliche und räumliche Dimensionen. Akten der 5. Deutsch-albanischen kulturwissenschaftlichen Tagung. (5.–8. Juni 2014, Buçimas bei Pogradec, Albanien) / Hrsg. von B. Demiraj. Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. S. 533–556.
- Уорден 2005 – *М. Уорден*. Основы семейной психотерапии. 4-е международное издание. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2005.
- Anderson, Goolishian 1992 – *H. Anderson, H. Goolishian*. The client is the expert: a not-knowing approach to therapy. In: S. McNamee & K. J. Gergen (Eds.). Therapy as social construction. Thousand Oaks, CA, US: Sage Publications, 1992. P. 25–39.

Д.В. Конёр (Санкт-Петербург)

NU, ŞI NU, ŞI NU, ŞI NU:
ОДИН «ЖЕНСКИЙ» ТЕКСТ ИЗ С. КАРАШЕВО¹

В лингвистике (особенно в славянской диалектологии) пожилые женщины без (высшего) образования часто считаются самыми «правильными» информантами, однако в антропологии их история, знания и опыт, рассказанные «от первого лица», были маргинализированы вплоть до 70-х гг. XX в. В статье, посвящённой полевой работе в румынских сёлах Воеводины, сербская исследовательница Б. Сикимич указывает на клишированность высказываний типа: *Dă, še pot io să ştii? Muiere!*² [Sikimić 2006: 190–191]. Во время экспедиций 2013 – 2017 гг. в микрорегион Карашево, расположенный в румынском Банате, мы встречались с похожей реакцией пожилых женщин на просьбу рассказать о традиционной карашевской свадьбе: *Şta ja znam? Ništa ne znam!*³

Специфику работы исследователя (лингвиста, этнографа, антрополога) в семи карашевских сёлах, самое крупное из которых – с. *Karaşevo/Caraşova*, во многом определяют следующие факторы:

- двуязычие: большинство карашевцев билингвальны, помимо родного идиома владеют также одной из форм румынской речи (старшее поколение – банатским диалектом румынского языка, младшее – его стандартным вариантом), причем для жителей одного из сёл – с. Ябалча – первым языком является румынский, владение карашевским в основном пассивно (см. [Конёр 2016]);
- изолированность и замкнутость: карашевцы – католики, говорящие на архаичном южнославянском диалекте⁴, веками проживают в окружении православных румын. До относительно недавнего времени сообщество оставалось достаточно замкнутым, экзогамные браки, за редким

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «От сепарации до симбиоза: языки и культуры Юго-Восточной Европы в контакте», № 14-18-01405).

² ‘Да откуда мне знать? Баба и есть баба’.

³ ‘Откуда мне знать? Ничего я не знаю!’

⁴ Карашевский идиом, который из-за некоторых отличий в говорах семи сёл также называют «группа карашевских говоров», восходит к косовско-ресавскому диалекту и обладает некоторыми чертами призренско-тимокских говоров [Радан 2004: 281].

исключением, не одобрялись [Radan Uscatu 2014: 60–61]. Некоторой изолированности от внешнего мира способствовали и особенности ландшафта: карашевские сёла расположены в гористой местности; – архаичность и консервативность, свойственные их идиому(-ам) и культуре [Влаховић 1999/2000: 76; Радан 2004: 211].

Вплоть до середины XX в. в микрорегионе сохранялся традиционный патриархальный уклад жизни [Radan Uscatu 2014: 60–61]. Браки редко заключались по любви; невест и женихов для своих детей выбирали родители, основываясь, главным образом, на имущественном статусе будущего супруга или супруги, а также на его или её трудовых умениях и навыках [Radan Uscatu 2014: 58–59]. Свадебная обрядность карашевцев содержит много элементов, указывающих на подчиненный статус женщины (кар. *žena – žene*) по отношению к мужчине (кар. *čovik – ljudi*)⁵. Так, по свидетельствам наших информанток, после того, как родственницы расчёсывали и заплетали волосы невесты в три пучка (кар. *ročići* – рум. *cornuri*), будущий муж должен был с помощью ветки, палки или ножа накрыть её голову платком (кар. *da stavi krpu* – рум. *să-i pună cârpa*), приговаривая: *Ja nožam ti postavljam krpu. Ako ti ne slušaš, ovej nož će biti gazda!*⁶ [Radan Uscatu 2014: 87]. После этого девушка окончательно приобретала статус замужней женщины.

Во время последней экспедиции в Карашево нами была записана история неудавшегося замужества, рассказанная М., пожилой женщиной 75 лет⁷. Когда ей было четырнадцать, родители нашли М. жениха. По её словам, они боялись, что в маленьком селе⁸ не найдется другого подходящего по возрасту парня, и поэтому не считались с сильным нежеланием дочери выходить за него замуж. Нарратив содержит отсылки к культурным и социальным реалиям в микрорегионе Карашево середины XX в., среди которых свидетельства о занятости местных жителей на

⁵ Подробнее о положении молодой жены в новом доме и её взаимоотношениях с семьёй мужа у южных славян см. [Виноградова 2001; Узенёва 2001].

⁶ ‘Я надеваю на тебя платок ножом. Если ты не будешь меня слушаться, этот нож станет хозяином!’

⁷ Данный текст, рассказанный по-румынски и содержащий переключения на карашевский (М. обладает высоким уровнем компетенции в обоих языках, так как она родилась в румыноязычном карашевском селе Ябалча, а после повторного замужества переехала в Карашево), интересен и с чисто лингвистической точки зрения, однако в рамках данной работы мы останавливаемся лишь на некоторых его экстралингвистических особенностях.

⁸ По данным переписи населения 1930 г., население Ябалчи составляло 344 человека, в 1977 г. – 316 человек (цит. по [Radan 2000:14–15]).

предприятиях г. Решица и г. Анина⁹ и описания сельского быта, ещё не затронутого модернизацией и индустриализацией.

Особенности верований карашевцев отражены в той части рассказа, где речь идет о знаках судьбы (хотя само слово «судьба» ни разу не звучит), которые помогли М. понять, что жених не станет её мужем, и утвердиться в своем решении пойти против воли родителей. Это и слова немки-гадалки из Решицы, и трёхкратное падение осла при выходе из дома, и предсказание на «счастливом билете» (“*biletul de la papagal*”)¹⁰.

После всех уговоров, «снятия порчи» и применения насилия, М. осталась после свадьбы у мужа, убедила родителей, в том, что устроит свою судьбу сама, добилась развода и повторно вышла замуж. Несмотря на то что девушка не нарушила главное табу и не отказалась выйти за найденного родителями жениха, ее поведение воспринималось как навлечение позора на семью. Каждое действие родителей М., направленное на сохранение статуса-кво, влекло за собой противодействие со стороны девушки, что превращает рассказ в своеобразное описание «антисвадьбы», далёкое от типичного нарратива, который может услышать исследователь языка и традиций от обычно достаточно сдержанных карашевцев на вопрос о свадебных обычаях в прошлом.

Считается, что риски, которые испытывают как исследователи, так и информанты при сборе полевых данных, делятся на три условные категории: физические, эмоциональные и профессиональные [Сикимих 2008: 85]. Безусловно, личные истории, содержащие рассказ о нарушении табу и несущие большую эмоциональную нагрузку, ведут к выходу за привычные рамки и увеличивают возможность обоюдных рисков. Тем не менее, их ценность для исследователя выражается как в получении новых данных о языке (более свободная, менее клишированная живая речь), так и в возможности увидеть новые, обычно скрытые от взгляда «аутсайдера» стороны традиционной культуры сообщества.

⁹ В середине XX века в Карашево не была проведена коллективизация. Мужчины вынуждены были отправляться на заработки в города, а женщины взяли на себя основную нагрузку, связанную с ведением хозяйства и работой в поле. Это способствовало включению карашевцев в глобальный процесс урбанизации и технологизации и усилило контакты сообщества с внешним миром [Радан 2004: 210–214; Конёр 2017].

¹⁰ Речь о развлечении, наиболее популярном в середине XX в. в Румынии, но сохранившемся и в наши дни. Часто уличное ремесло распространителя романтических предсказаний, которые доставал из коробки говорящий попугай, сочеталось с профессией шарманщика [URL: <https://deieri-deazi.blogspot.ru/2014/08/muzica-de-flasnet-a-si-bilete-de-papagal.html>; URL: <https://puntoimedia.wordpress.com/tag/bilet-papagal/>].

Библиография

- Radan 2000 – *M. Radan*. Graiurile caraşovene azi. Fonetica și fonologia. Timișoara, Editura Anthropos, 2000.
- Radan Uscatu 2014 – *M.-R. Radan Uscatu*. Botezul, nunta și funeraliile la carașoveni. Timișoara, Editura Universității de Vest, 2014.
- Sikimić 2006 – *B. Sikimić*. De la Torac la Clec. Informația minimală de teren // Sorescu-Marinković Annemarie (ed.). Caiete de teren. Torac – metodologia cercetării de teren. Novi Sad: Editura Fundației, Pančevo: Editura Libertatea 2006. Pp. 173–201.
- Влаховић 1999/2000 – *П. Влаховић*. Крашовани – Карашевци. Прилог етничкој историји // Рад Музеја Војводине 41–42. Нови Сад, 1999/2000. С. 75–84.
- Конёр 2016 – *Д.В. Конёр*. Феномен села Ябалча в регионе Карашево, Румыния // Тезисы XLV Международной филологической конференции. СПб, Издательство СПбГУ, 2016. С. 552–553.
- Конёр 2017 – *Д.В. Конёр*. Лексика свадебной обрядности в идиомах карашевцев, сербов и румын исторической области Банат (рукопись кандидатской диссертации). СПб, 2017.
- Радан 2004 – *М.Н. Радан*. У походе тајновитом Карашу. Темишвар, 2004.
- Виноградова 2001 – *Л.Н. Виноградова*. «Нова млада» в новой семье: послесвадебный сценарий // И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. (ред.). Номо Balcanicus. Поведенческие сценарии и культурные роли. Античность. Средневековье. Новое время. М., Институт славяноведения РАН, 2001. С. 104–108.
- Сикимић 2008 – *Б. Сикимић*. Етнолингвистички теренски рад: концептуализација ризика // Сликe културе некад и сад, Зборник радова Етнографског института САНУ. Београд, 2008. С. 81–93.
- Узенёва 2001 – *Е.С. Узенёва*. Персонаж «невеста» в сценарии болгарской свадьбы // И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. (ред.). Номо Balcanicus. Поведенческие сценарии и культурные роли. Античность. Средневековье. Новое время. М., Институт славяноведения РАН, 2001. С. 101–104.

Транскрипт

Ee, patrușpe ani m-am măritat, am avut mai un bărbat. Oaa, dacă ți-am spus istoria mea! [...] Noi am fost și am fost tot neamuri, că-i satu mic și io n-am avut alt copil să mă, numai ăă. [...] Și ai mei or fost oameni înstăriți. [...] Am fost bogat, nu ne-am dus la altu să lucrăm, altu o venit la noi, o lucrat. Și ei numa să mă duc, să mă duc, ăla, numai în sat. Și mie nu mi-o plăcut de el.

Și m-or făcut logodna. Și la logodnă nu se stă, nu se puine pe altul lângă el, stă fata lângă, și io n-am vrut să stau deloc! [...] Mama viñe și mă trage așa: de ce ți faci asta, că nu-i biñe... [...] De trei ori am dormit la el, cu el până la nuntă. Îi dzâc: mă curc cu tine, dar așa, parcă dormi cu mamă-ta sau cu tată-tău. Că nu s-o legat de miñe. [...] Atunci or spus că m-o vrăjit... [...] Și ăsta, am scos biletul ăla, de la papagalie. Și acolo, n-bilet, m-o scris, zice, tu, zice, o să te măriți cu unu, numa, zice, astă nu e, nu-i viitorul tău. Zice, la tine, ori ai un băiat peste drum, ori peste otar, peste un izvor. [...]

Și atuncea o fost nunta, până miercuri dimineața, nu m-am culcat cu el. [...] Nu, și nu, și nu, și nu! [...] Că io am ghindit nuntă să fug, ei, dar n-am avut unde să mă duc. La cine m-am apelat, nimeni n-a vrut să mă primească să nu fac nunta cu el, [...] că atunci n-a fost ca acuma că se umble fețele cu copii. [...] Am spus la mama și la tată: n-am

Ээ, я вышла замуж в четырнадцать лет, у меня был еще один муж. Оо, если я тебе расскажу мою историю! [...] Мы с ним были тоже родня, потому что это [Ябалча] – маленькое село, и не было другого парня, чтобы за него, только тот. [...] А мои родители были состоятельные люди. Мы были богаты, не ходили работать на кого-то, это к нам приходили работать. И всё мне: выходи за него да выходи за него, это, только в [нашем] селе. А мне он не нравился.

Ну и организовали мне помолвку. А на помолвке не сидят, не ставят другого около него, стоит девушка, а я вообще не хотела там стоять! [...] Приходит мама и меня тянет: зачем ты с ним так, нехорошо это. [...] Три ночи я спала у него, с ним до свадьбы. Я ему говорю: я с тобой сплю, но только так, как спят с мамой или папой. Чтобы он ко мне не привязался. [...] Тогда он сказал, что меня заколдовали. [...] И, это, я взяла этот счастливый билетик, у попугая. И там было написано: ты, говорит, выйдешь замуж за кое-кого, только, говорит, он не станет твоей судьбой. У тебя, говорит, будет или парень через дорогу, или из соседнего села, за речкой. [...]

И потом была свадьба, до утра среды, и я с ним не спала. [...] Нет, и нет, и нет, и нет! [...] Я даже думала сбежать со свадьбы, эх, но мне некуда было пойти. К кому бы я ни обращалась, никто не хотел меня принять, чтобы не выходить за него замуж [...], ведь тогда было не то, что сейчас, девушки не гуляли с

să stau cu el, și n-am să stau! [...] Unde văd ochii, acolo mă duc. Și am stat șase săptămâni la el. Si mama s-au spălat, asta ʒziua am fost, era iarna goală, așa, amarat, se spăla cu mâini, așa, nu s-a spălat, n-au fost mașini. Și a meu nicio cărpă nu mi-a luvat să-mi spele. Și io sara îi zic... că n-am avut motiv, știu, să fac un motiv, șeva, că nu pot să plec altfel. Zic: io mâne nu merg cu cine la sălaș, zic, io rămân să spel, că zic, uite, mama te-o spălat, pe toți vă spălat, pe mine nimic nu m-a. [...] Și am avut motiv. Și am rămas acasă să spăl... [...]

Io iau hainele ălea și le duc la mamă și m-am dus la mamă-me și am ʒzăs: Mamo. Mă primiți? “Păi cum să te prim...” “Așa. Uite. O spălat și nu m-o spălat nimic, și am fost la rátier toată ziua. Nu stau și nu stau cu el. Mă duc unde mă duc ochii și capul”. Tata era la sălaș, și măi unu era cu el acolo, unu măi sărăcuț. [...] Și... mă duc, dar nu m-am dus pe drumul unde mă duceam la sălașul lui, numa m-am dus pe alt drum, ca să nu mă vadă, că mă vede și i... M-am dus la sălaș.

Tata: “Ce-i, M., cu tine?”. Zic: “Tato, ce rog, am venit să văd, mă primești sau nu mă primești, io să stau, nu mai stau acolo”. A luvat pălăria din cap și

парнями. [...] Я сказала маме и папе: не останусь у него, не останусь ни за что! [...] Пойду куда глаза глядят. И жила я у него шесть недель. [Ego] мама устроила стирку, была зима без снега, темная, а стирали руками, так, не стирали в машине, не было машин. А у меня она ни одной тряпки не взяла постирать. И я вечером ей говорю... потому что у меня не было предлога, знаешь, нужно было придумать предлог, что-то такое, иначе я не могу уйти. Я и говорю: я завтра не пойду с тобой к шалашам², говорю, останусь постирать, смотри, говорю, мама тебе постирала, всем постирала, а мне ничего. [...] Пойду к своей маме, чтобы хоть одну тряпку постирать. Так у меня появился предлог. И я осталась дома стирать. [...]

Беру я одежду и несую ее к маме, прихожу к маме и говорю: «Мама. Вы меня возьмете обратно?» «Да как же мы тебя...» «А так. Смотри. Она стирала, а мне ничего не постирала, а я весь день ткала. Не останусь с ним, и все. Пойду куда глаза глядят и голова ведет». Папа был у шалашей, и еще один был с ним, победнее. [...] И... иду я, но не по той дороге, по которой я обычно ходила к его [мужа] шалашам, а по другой, чтобы он меня не увидел, а то он бы меня увидел и... Пришла я к шалашам.

Папа: «Что это с тобой, М.?» Я говорю: «Папа, прошу тебя, я пришла узнать, возьмете вы меня обратно или нет, чтобы я осталась, там я не

² Карашевское хозяйство до середины XX в. подразумевало дом в самом селе и т. н. *salaș/sălaș* за его пределами, на одном из близлежащих холмов. К «шалашам» выгоняли скот, там же производили и делили между односельчанами сыр и другие молочные продукты.

a lovit-o n-jos. "Păi se mi-s io, de răsul lumii, își baće lumea joc de mihe". [...]
"Dacă vrei, mă primești, dacă nu, vedz, zic, drumul 'lă spre pădure. Prân pădurea mă tot, și tot undeva am să gășesc să..." *Și atunci ăla care a fost cu el, s-or strigat Paito, prietenii numa, Paito: "...te-ți dumnedzău, Paito, păi cum să lași fata să se ducă-n lume?!*
Păi ce, dacă nu-i place și nu-i bine. Nu!" *Și s-o mai domolit. Și am rămas.*

Sara când a venit acasă, mama: "Haide, M., să ne ducem cu tine acolo, haide". "Nu mă duc, mamo, nu mă duc!" *Da până la nuntă m-am dus la Reșița la o vrăjitoare să-mi cauci [...], o nemțoaică, ăne-am dus acolo ș-aia tot o spus așa cum o spus ășcia, papagalii. [...]* *Și măgaru, când a trecut poarta, o căzut măgaru. Și, zice, că așa o fost făcut ca să cad io. [...]* *Și am plecat de la el [...], moți, cum avem ăstă aicea în mijloc, asta-i când se mărită fata, când am plecat de la el, ăstă l-am lăpădat [...]: "Nu măi vreu să port nici moțu de la el!"* *[...] Sara or venit toți. [...]* *A venit și K. bătrână și m-o descântat.*

Dimineața când m-am sculat. Ee, doamne! Io fac lucru, pistresc, aîșea era lampa, n-a fost bec. A venit mama. Mama d-o-parće, tata d-altă parće. [...] *El îmi de palmă de-ncoaș-ncoaș, io am țipat. Peste drum a fost așa, autobuzu de merg muncitorii. Și io am strigat, cât am putut, am strigat: „Ăăău, lume, veniți că mă baće tata pentru urātu Dăbăciuna, omorâți-mă, nu mă duc după el! [...]*

останусь». Он снял шляпу с головы и швырнул ее о землю. «Да кто я такой, чтобы надо мной смеялся народ, все надо мной насмежаются». [...] «Если захочешь, примешь меня, если нет, видишь, говорю, дорога в лес. Через лес пойду, и где-нибудь найду...» И тогда тот, который был с ним, а его [отца] звали Пайто, только друзья – Пайто: «... мать, Пайто, да как можно позволить дочери уйти неизвестно куда?! Ну и что, если ей не нравится и ей там нехорошо? Нет!». И он смягчился. И я осталась.

Вечером, когда он пришел домой, мама: «Давай, М., пойдём туда, давай». «Не пойду, мама!» А до свадьбы я съездила в Решицу, к гадалке [...], немке, мы поехали туда, и она сказала все то же, что было на счастливом билете. [...] И осел, когда проходил через ворота, упал. И она сказала, что так было сделано, чтобы упала я. [...] И я ушла от него [...], «рожки»³, как мы завязываем тут по середине, это когда выходит замуж девушка, когда я от него ушла, я их расплела [...]: «Даже «рожки» от него не хочу носить!». [...] Вечером пришли все. [...] Пришла и старуха К., снимала с меня порчу.

Утром, когда я встала. Ээ, боже! Я работаю, шью, здесь была лампа, электрических лампочек не было. Пришла мама. Мама с одной стороны, папа с другой. [...] Он меня ударил ладонью по лицу, туда-сюда, я закричала. Через дорогу стоял автобус, который отвозит рабочих. И я кричу, кричу изо всех сил: «Ээй, народ, помогите, меня папа бьет

³ Кар. ročící, рум. moți – прическа замужних женщин в карашевских селах.

Las că-mi gădesc io și mă mărit, că nu stau nemăritată, da nu mă duc după el!” [...] Și or făcut cum or făcut, și iar am făcut nunta. Și am probit. [...]

Și popa m-o cununat în biserică, și io n-am avut ani, că de la șaișpe ani o trebuit biserică a cununa, și ăsta m-o cununat. [...] Și când am venit aicea la Carașova, ăsta nu vrea să mă descunune. Și atuncea m-am dus la Timișoara, am făcut molba, cum se spune, am făcut rugare la biscup. [...] Or fost și marturi, care or știut, că am spus la toată lumea. [...] Și peste când am aflatu-l, n-am îndrăznit să mă duc sângură la tată și la mama. Numa a mers un unchi d-a meu. [...] O fi să de dumnezău să stăm noi amândoi. [...] Am fost tânără, da am fost a dracului! [...] Posi sam našla ovoga, i ovem sam živela pedeset i dve godine, i sam bila viđena, i svudi sam se šetala. [...]

из-за мерзкого Дзэбэчуны, я его женой не буду, хоть убейте, не буду! [...] Дай мне самой найти, я выйду замуж, не останусь в девках, но за него не пойду!» [...] Так и сделали, и опять была свадьба. И моя честь была восстановлена. [...]

[...] А священник нас обвенчал [с первым мужем], хотя я была слишком молодая, церковь с шестнадцати лет могла венчать, а этот меня обвенчал. [...] И когда я пришла сюда в Карашево, не хотел дать мне развод. И тогда я поехала в Тимишоару, подала прошение, как сказать, епископу. [...] Были и свидетели, которые знали, я всем рассказала. [...] И когда я нашла его [второго мужа], я не посмела сама пойти к маме и папе. Со мной пошел дядя. [...] Видимо, бог дал нам быть вместе. [...] Я была молодая, но та еще чертовка! [...] Я нашла его, и мы с ним прожили пятьдесят два года, и везде меня принимали, и всюду я ходила. [...]

К.А. Климова (Москва)

НАРРАТИВЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДАРНАШСКИХ СЕЛ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МЕСТНОГО ГРЕЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Работа основана на полевых материалах, собранных в 2015–2016 гг. экспедицией студентов и преподавателей МГУ им. М.В. Ломоносова в Греции в Дарнашских селах (*Дарнакоχώρια*): Эммануил-Папас (*Εμμανουήλ Παπάς*), Агио-Пневма (*Αγιο Πνεύμα*), Пентаполи (*Πεντάπολη*), Хрисо (*Χρυσό*) и Нео-Сули (*Νέο Σούλι*). Выбор пунктов для обследования был обусловлен многими причинами: интересной местной историко-культурной ситуацией, яркими особенностями местного говора и фольклорных традиций, а также готовностью местных органов оказать организационную и финансовую поддержку.

Все пять обследованных сел были переименованы после указов 1926–1927 гг. в ходе государственной программы по замене всех иноязычных и неблагозвучных названий населенных пунктов Северной Греции на греческие. Местные жители до настоящего времени используют в повседневной речи старые названия славянского и турецкого происхождения: вместо Эммануил-Папас – Довишта (*Δοβίστα*), Агио-Пневма – Везникьой (*Βεζνίκιοϊ*), Пентаполи – Сармусакли (*Σαρμουσακλί*), Хрисо – Тополяни (*Τοπόλιανι*) и Нео-Сули – Субаскьой (*Σουμπάσκιοϊ*).

Дарнашские села имеют преимущественно греческое население на фоне соседних сел региона, исторически богато заселенного другими этническими группами (болгары, влахи), что является подспорьем для создания этиологических легенд, в которых доказывается исконно греческое происхождение местных жителей и даются народно-этимологические версии происхождения старых названий сел и названия местного говора и этнической группы – дарнаков.

В Дарнашских селах говорят на специфическом «дарнакском» говоре, относящемся к македонской группе северных диалектов новогреческого языка, имеющем ряд фонологических, лексических и синтаксических отличительных черт (северный вокализм с редукцией и выпадением безударных гласных, несоблюдение закона трисиллабии, использование винительного падежа вместо родительного для обозначения косвенного объекта) [Δαρνάκικο γλωσσάρι 1995]. В условиях компактного

проживания всего местного населения (расстояния между селами составляют от 3 до 6 км), тесного общения между жителями (браки между представителями всех пяти сел, организация совместных праздников и общественных работ) существует поразительное разнообразие диалектных лексем для определения одного общего явления в сфере специфической лексики (свадебной, мифологической): они широко используются в одном селе и почти не известны в соседнем.

В легендах о происхождении Дарнашских сел фигурируют древние герои, с которыми связывают этимологию имени «дарнакас». Так, по одной из версий, предком дарнаков был сам персидский царь Дарий, который основал в этом месте первую деревню, оставив воинов персидской армии на поселение. По другой – название произошло от «Дарийского царства», якобы существовавшего в раннюю эллинистическую эпоху, или от названия народа «дерронов», проживавших в древности на этой территории [Οβήγος Λαογραφίας 2006: 184]. Версия славянской этимологии греческими исследователями не принимается, поскольку за ней сразу усматривают попытку болгар представить и весь дарнашский говор, и само население славянскими [Παλακυριάκος 1996: 107]. Наиболее популярна версия происхождения самоназвания дарнаков от греческого диалектного *δάρη* ‘сейчас’ [Παλακυριάκος 1996: 108].

Самая распространенная записанная в ходе экспедиции народная версия возникновения названия села Довиста – от латинского *do vista* ‘даю вид, перспективу’, связанная с легендой о римском военачальнике, который восхитился прекрасным видом, открывающимся с горы неподалеку от современного села Эммануил-Папас, и заложил деревню с таким названием.

Практически все зафиксированные народно-этимологические нарративы отражены в публикациях местных представителей интеллигенции и напечатаны в областных журналах и книгах, посвященных истории и культуре дарнаков, и сложно сказать, что было первичным в каждом случае – местная легенда вдохновила на написание статьи или информация из публикации стала для основой для распространения нарратива.

Таким образом, попытки найти подтверждение древнего происхождения Дарнашских сел не обязательно базируются на версии исконно греческого происхождения, а этимология местных топонимов в народном сознании легко возводится и к греческим, и к латинским, и даже к турецким корням, но не к славянским, поскольку по историческим причинам греческие жители этого региона не желают соотносить себя с болгарским населением. Записанные в ходе полевой работы рассказы

К.П. Трофимова (Москва)

ОТЧУЖДЕННЫЙ «СВОЙ»: ПОЗИЦИЯ
МАРГИНАЛЬНОГО НАБЛЮДАТЕЛЯ В СООБЩЕСТВЕ
ЦЫГАН-МУСУЛЬМАН МАКЕДОНИИ

Мусульмане в Скопье уважительно называют его «Учитель» или «баба». Учитель – пожилой мужчина примерно 60 лет, высокий и статный. Мы познакомились в Скопье: мой путь из кафедрального католического собора в цыганский городской квартал (махалля¹) лежал через старый город, где я собиралась пообщаться с владельцами магазинчиков и ремесленных мастерских, распросить их о католической часовне св. Иосифа и связанных с ней практиках паломничества мусульман, в том числе цыган-мусульман, к христианским святыням. Мой старый знакомый – торговец в чаршии (торговый квартал старого города) радушно меня встретил, немало удивился теме нашей беседы, но активно включился в нее. Мой интерес к локальной традиции посещения мусульманами церкви святого Иосифа заставил его задуматься и погрузиться на некоторое время в свои мысли. Затем он позвонил своему родственнику, задал ему несколько вопросов и радостно позвал меня за собой: «Мы спросим у Учителя. Он все знает! Он сейчас мало общается с людьми, но с тобой поговорит».

Местные отмечают, что Учитель с некоторых пор замкнулся в себе. Сам он рассказывает, что уже вышел на пенсию, что его дочери покинули дом и создали свои семьи, и теперь он чаще проводит освободившиеся от домашней суеты вечера в маленьких чайных, запряженных в переулках старой чаршии. Я замечаю, что в тесной чайной он постоянно окружен своими слушателями, собеседниками и, возможно, учениками – молодыми студентами или продавцами из соседних лавочек. Они заходят в чайную и задерживаются на некоторое время, чтобы поприветствовать Учителя, поинтересоваться его мнением или высказать сомнение в отношении интерпретаций того или иного вопроса вероучения, обсудить острые социальные и политические вопросы. Внимательно выслушав мой рассказ о своем исследовании и отвечая

¹ Махалля (мак. махала) – традиционное обозначение городского квартала, отсылающее к административному делению городского пространства в регионах, входивших в Османскую империю.

на мои вопросы, он воодушевленно восклицает: «Изучение их (культуры цыган-мусульман – прим. автора) яркое, яркое и интересное! Я в молодости тоже исследовал».

После распада Югославии в связи с остротой политических конфликтов между бывшими югославскими республиками основным трендом антропологических исследований мусульманских сообществ на Балканах является их политологический ракурс. Ислам рассматривается преимущественно как фактор этно-национальной политики, контекстуализируется вопросами социальной интеграции и дезинтеграции, формирования политической, этнической идентичности (Elbasani 2015). Исходя из этого ракурса, в поле зрения исследователей попадало, как правило, только то, что можно было бы обозначить как властные практики в макромасштабе государственной политики, в то время как вопросы микромасштаба – внутренней структуры исламских сообществ балканского региона, их религиозной повседневности и неформализованных властных практик – составляли периферию исследовательского интереса (Henig, Bielenin-Lenczowska 2013). В последние годы все чаще ставится вопрос о необходимости смены исследовательской оптики, проводятся конкретные антропологические исследования в области локализованной (в широком смысле) религиозной повседневности исламских сообществ (Henig, Bielenin-Lenczowska 2013; Elbasani 2015). Такая перспектива предполагает изучение разнообразных форм, которые принимают религиозные практики «на местах», обращение к частному, индивидуальному опыту веры, образованию и деятельности отдельных религиозных групп и соответственно установлению характера связей этого опыта с национальной, в том числе культурной и религиозной политикой, инициированной со стороны государственных институтов. В результате смещения фокуса исследования в центре внимания оказываются многочисленные локальные нарративы, которые отражают особенности построения и гибкость границ религиозной идентичности в пределах конкретных локализованных сообществ, намечают сложные пути сохранения и создания религиозных традиций в пестрой среде балканских мусульман. На данном этапе повседневная религиозная практика мусульман на Балканах повсеместно включает в себя полифонию интерпретаций, питающих актуальные дискуссии о религиозных нормах, содержании и границах исламских традиций. В ходе дискуссий, в столкновениях различных позиций создаются изменчивые образы «традиционного» ислама, ислама «своего», обладающего локальной спецификой, и «внешнего», «чуждого»; «ортодоксальных» и «неортодоксальных» практик и т.д. В этих сложных взаимосвязанных

индивидуальных и групповых процессах конструирования образов «своего», «другого», «чужого» каждый участник выступает активным наблюдателем, в разной степени вносящим свой вклад в содержание такого неоднородного культурного явления, каким предстает ислам на Балканах.

Я полагаю, что локализирующая оптика располагает к исследованию религиозной повседневности исламских сообществ как пространства пересечения и взаимодействия массы внутренних наблюдателей (индивидов, групп и институтов), оценивающих и интерпретирующих деятельность друг друга. Их обоюдный интерес обусловлен стремлением более точно обозначить собственную религиозную идентичность в пределах внутриконфессионального «рынка идей», очертить и закрепить сферу собственного влияния в постоянно становящейся и воспроизводящейся религиозной повседневности. Наиболее рельефно этот предмет открывается при изучении маргинализированных религиозных групп, например – суфийских объединений в цыганской среде. Деятельность этих объединений весьма активна в Македонии, Сербии, регионе Косово и включает в себя в том числе производство локальных нарративов, преследующих универсальную цель – вписать себя в историю ислама на Балканах, сформировать культурную память, изобрести (воспроизвести) традицию, которая позволит интегрироваться в пеструю структуру локальных мусульманских сообществ и обозначить в ней свою сферу влияния.

Очевидно, мое вхождение в исследуемую среду происходит с позиции стороннего внешнего наблюдателя, каковым меня и воспринимают мои информанты. Воздействие, оказываемое внешним наблюдателем на среду, не вызывает сомнений, по меньшей мере, потому что он поднимает волнующие сообщество вопросы, и констатация этого влияния может считаться общим местом современных антропологических наблюдений. Гораздо важнее, учитывая заданный ракурс, обратить пристальное внимание на наблюдателей, позиционирующихся и позиционируемых внутри сообщества. Классификация типов таких внутренних наблюдателей, продуцирующих нарративы, могла бы стать предметом отдельного разговора. Сейчас обозначу только, что среди массы «типичных» внутренних наблюдателей выделяется фигура Учителя, что и оправдывает мое пристальное внимание к ней. Учитель – авторитетный представитель «своей» среды, о котором говорят как об ученике одного из известных духовных лидеров. В то же время сам Учитель в своих суждениях о локальной религиозной повседневности и конструирующих ее нарративах выступает как нарочито «посторонний»: он использует нетипичный

язык и форму оценивания, критикует позиции и деятельность как официальных институций, так и отдельных неформальных лидеров, но не вмешивается в их взаимодействие непосредственно. Эта критическая и даже квази-академическая позиция «вне» и «сверху» роднит Учителя с позицией внешнего наблюдателя, выключенного из бурных перипетий внутренней борьбы за власть, его мотивация к наблюдению не опосредована стремлением повлиять на рисунок границ областей влияния. В то же время, он находится внутри сообщества, принимается им и признается его частью, а его язык явно обнаруживает конфессиональную ангажированность, отражает его позицию инсайдера. Эта двоякость превращает фигуру Учителя в исследовательскую проблему, которую коротко можно сформулировать так: каково воздействие, оказываемое маргинальным наблюдателем, на маргинализованное сообщество; какими предпосылками это воздействие обусловлено, к каким целям направлено и насколько эффективно в их достижении; каков характер связей, формируемых таким наблюдателем внутри сообщества, и насколько само сообщество оказывается заинтересовано в их сохранении и использовании.

Библиография

- Henig, Bielenin-Lenczowska 2013 – *D. Henig, K. Bielenin-Lenczowska. Recasting Anthropological Perspectives on Vernacular Islam in Southeast Europe // Anthropological Journal of European Cultures. 22 (2), 2013. P. 1–11.*
- Elbasani 2015 – *A. Elbasani. Introduction: Nation, state and faith in the post-communist era in the revival of islam in the Balkans. From identity to religiosity / Ed. by A. Elbasani and O. Roy. Palgrave Macmillan, 2013. P. 1–19.*

Н.Г. Голант (Санкт-Петербург)

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ РУМЫНСКОГО ЯЗЫКА
В ОБЩЕНИИ МЕЖДУ СУПРУГАМИ
В СМЕШАННОМ БРАКЕ
(ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ДИЛЕТАНТА)

В сентябре 2016 г. я вышла замуж за румына (влаха) из восточной Сербии¹. Мой муж – уроженец с. Шипиково общины Заечар, в прошлом жил и работал в Заечаре, в настоящее время, как и многие его земляки, периодически ездит на сезонную работу в Австрию. С. Шипиково расположено между городами Заечар и Неготин и в 400 м от границы с Болгарией. В период с 1878 по 1919 г. территория села входила в состав Болгарии. После подписания Неййского мирного договора Шипиково оказалось в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев. В 1941–1944 гг. Шипиково и другие населенные пункты на территории, переданной по Неййскому договору Королевству сербов, хорватов и словенцев и именуемой в болгарской историографии «Западните покрайнини» («Западные окраины»), были оккупированы Болгарией, а затем согласно Парижскому мирному договору 1947 г. были возвращены в состав Югославии. Речь жителей с. Шипиково относится к олтенским (согласно терминологии румынских лингвистов) говорам румынского (дакорумынского) языка, или царанским (согласно терминологии, которой пользуются сербские исследователи) говорам румынского (дакорумынского) языка [см. Panea, Bălosu, Obrocea 1996; Сикимић 2003: 85–96; Sorescu-Marinković 2011: 30–34]. В нем присутствует большое количество сербских и болгарских лексических заимствований.

Мы с мужем говорим между собой по-румынски. Изначально я предполагала, что это поможет мне «поддерживать в форме» свой разговорный румынский. Однако в какой-то момент я поняла, что начинаю забывать румынские слова, относящиеся к бытовой лексике, например, не могу вспомнить слово *lampă* («лампа»), т.к. мой муж и его родственники используют для обозначения лампы сербское слово *сијалица*. Чтобы

¹ Мое знакомство с традиционной культурой и языком румыноязычного населения восточной Сербии началось несколько раньше, полевые исследования в этом регионе я провожу с лета 2013 г.

не забыть литературный румынский, я стала в тех случаях, когда муж употребляет явно нерумынское слово, повторять сказанную им фразу, заменяя сербскую или болгарскую лексему на румынскую. При этом я не ставлю себе цели обучить мужа стандартному румынскому языку, поскольку не являюсь ни преподавателем румынского языка, ни филологом вообще. Мне интересны особенности говора, носителем которого он является, я стараюсь, как могу, их фиксировать. Целенаправленно исправлять речь мужа я позволяю себе только в тех случаях, когда он употребляет слова или словосочетания, которые могут показаться неприличными моим румынским друзьям и коллегам, с которыми мы периодически общаемся, или которые я сама воспринимаю как оскорбительные (имеются в виду отнюдь не ругательства). Это, например, слово *muiere*, изначальное значение которого – «женщина, жена» – сохранилось и у румын (влахов) восточной Сербии, и в речи сельских жителей в ряде районов Румынии, но в литературном румынском оно перешло в разряд стилистически сниженной лексики (наиболее адекватный перевод – «баба»)². Кроме того, в речи румын (влахов) восточной Сербии часто встречается явление, которое носители стандартного румынского языка обозначают термином *cacofonie*. Жители Румынии (во всяком случае, горожане) стараются не допускать, чтобы в их речи оказывались рядом слоги *ca* и *ca* либо *că* и *ca*. Детям с ранних лет объясняют, что это неприлично (подробнее об этом см., например [Zafiu 2002]). Влахам восточной Сербии это неизвестно, в их речи часто встречается, например, словосочетание *ca când* (примерный перевод на русский – «как если (бы)», «как будто») которое на слух омонимично деепричастию, обозначающему «справляя большую нужду»³.

Нужно отметить, что мой муж со своей стороны прикладывает усилия для того, чтобы мне было проще воспринимать его речь, и начинает использовать румынские слова, употребляемые мной, но нехарактерные для говора, носителем которого он является. Поскольку у меня далеко не идеальная дикция, это зачастую дает эффект испорченного телефона. Так, например, говоря о том, что в ближайшие дни он хочет

² Толковый словарь румынского языка приводит это слово в качестве синонима слов *femeie* и *soție*, сопровождая его пометкой *pop.* (нар.) [DEX 2009].

³ В 2006 г., еще до встречи с сербскими влахами, будучи на стажировке в университете Тимишоары в Румынии, я слушала лекцию профессора Отилии Хедешан для студентов-фольклористов, посвященную полевым исследованиям в сербской части долины реки Тимок, в которой она отметила данную особенность речи жителей этого региона, и предупредила, что не следует слишком бурно реагировать, услышав это словосочетание).

познакомить меня с одним из своих друзей, он несколько раз употребил словосочетание *am să-ți fac cunoștenț* (искаж. рум. *am să-ți fac cunoștință* – «я познакомлю тебя», букв. «я сделаю тебе знакомство»). Я уточнила, действительно ли у них в селе произносят слово «знакомство» именно так, и выяснилось, что он стал употреблять это слово вслед за мной – так, как слышал его, *cunoștenț* вместо *cunoștința*, в то время как в Шипиково в значении «знакомство» употребляется только сербское слово *upoznavanje*, и фраза «я познакомлю тебя» должна была звучать как *să-ți fac upoznavanje*.

В заключение должна сказать, что, разумеется, мне известно, что исправлять «неправильную» речь информанта для исследователя недопустимо. Однако, к сожалению, существует разница между тем, что лично я готова услышать от информанта в его доме или на нейтральной территории, а что от близкого человека на своей кухне. К тому же, как видно в том числе и из вышесказанного, влияние на речь собеседника может происходить и помимо нашего желания.

Литература

- Сикимић 2003 – Б. Сикимић. Полевые исследования «влахов» в северо-восточной Сербии // Актуальные вопросы балканского языкознания. СПб, 2003. С. 85–96.
- DEX 2009 – Dicționarul explicative al limbii române. Dicționarul explicative al limbii române (ediția a II-a revăzută și adăugită). București, 2009. (<https://dexonline.ro/intrare/muiere/69834/> Дата обращения – 22.01.2017).
- Panea, Bălosu, Obrocea 1996 – N. Panea, C. Bălosu, G. Obrocea. Folclorul românilor din Timocul bulgăresc. Craiova, 1996.
- Sorescu-Marinković 2011 – A. Sorescu-Marinković. Români din Timoc astăzi. Ființe mitologice. Cluj-Napoca, 2011.
- Zafiu 2002 – R. Zafiu. Obsesiile cacofoniei // România literară, nr. 50, 2002 (http://www.romlit.ro/obsesiile_cacofoniei). Дата обращения – 22.01.2017).

ТЕКСТ и СЛОВАРЬ
БАЛКАНСКОГО ГОРОДА

USE OF LETTERS IN SARAJEVO

This study focuses on letters in urban public spaces in Sarajevo, Bosnia-Herzegovina. The letters of text on official signs, commercials and unofficial writings on walls, lampposts and other surfaces is here in focus – not who wrote what and why, but which script they used. Most of the text analysed consists of short text items, such as names of streets and personal names. The larger framework for the analysis is linguistic landscape studies (Gorter 2014).

Bosnia-Herzegovina (from here onwards shortened BiH) is divided into two entities, the Federation of Bosnia and Herzegovina (FBiH) and Republika Srpska (RS). These entities currently use Bosnian, Croatian and Serbian (here presented in alphabetical order) as their official languages. Bosnian and Serbian by definition use both Latin and Cyrillic letters, whereas Croatian uses Latin letters. Both scripts are routinely seen in signage for BiH offices, but in FBiH Latin letters are much more prevalent, whereas in RS Cyrillic letters are favoured. There used to be a time when *Oslobođenje*, Sarajevo's renowned daily newspaper, was printed alternately in both letters, but that time is now in the past.

Two locations are analysed in this paper. A street in close vicinity to Vijećnica in the very city centre, in the Federation of Bosnia-Herzegovina, and a building facing the Eastern Sarajevo bus station in Republika Srpska. Linguistic landscapes as a sociolinguistic framework mostly studies written language in a chosen spot (Gorter 2014: 1), and thus essentially analyses what is there for anyone to see. Some studies also include a questionnaire or interviews with language speakers (Syrjälä 2016). This study, on the other hand, concentrates solely on what is there and not on who created these urban spaces. As I was asking passers-by for meanings for some of the more enigmatic or any of the text items or any of the non-official items, there seemed to be nothing they would see that I as a foreigner could not see – I received no further explanations on the texts this way, only condemnations of those writing the texts. This might be because I did not encounter many persons on my ventures in the areas, and, even more likely, because of my habitus: as a middle-aged female, obviously I do not look like I would regularly engage in creating unofficial writings on walls. So, the inside look of those who create the text items in urban space is lacking here; we are only seeing what it looks like from the outside, post factum.

In any case, the two locations analysed here are fairly similar, although they are situated in different parts of the Sarajevo landscape and in the two different BiH entities. The street chosen within the old town, the *Ulica Avdage Šahinagića* (Street of Avdaga Šahinagić) is situated across the Miljacka river from the legendary Vijećnica. However, this street is not a touristic spot but rather a quiet semiresidential street near the city centre. Some of the departments of the Institute for Public Health Canton Sarajevo are on this street, as well as some private medical centres and the Association for the blind in BiH, but most of the street is residential.

As the street is close to the city centre, there is a sign explaining the name of the street in the beginning and the end of the street, created apparently for touristic purposes, as seen in Figure 1. The street was named in 1909 after Avdaga Šahinagić, an influential local politician, and renamed during the socialist times after Dimitrije Tucović, a Serbian socialist ideologue who died in 1914. As Figure 1 shows, the return to older street name includes a rhetoric of authenticity of the older name, not translated into the English description of the street name. The text on the sign in Bosnian/Croatian/Serbian says that the *prvobitan naziv* of the street was returned – and *prvobitan naziv* could be translated original, primary as well as former name. Other, more neutral wordings would be less condemning of the socialist era name.

The surroundings of the building on *Ulica Srpskih vladara* ('Street of Serbian Rulers') chosen in Eastern Sarajevo, facing the bus station *Istočno Sarajevo*, are also mostly residential, with some shops and cafes and an office for the Health Insurance Fund of RS. The building is almost on the border between FBiH and RS, where street names change. This part of the larger Sarajevo area was urbanised during socialist times, and although more suburban, it is somehow a central point for travelling within the RS entity because of the bus station.

All the text items were photographed in June 2016. The texts found consist of official signage such as street name signs, signs of a more permanent nature such as shop names, printed advertisements and information sheets in shop and other displays, glued advertisements on diverse urban surfaces probably not authorised by anyone, and sprayed or written text of an unofficial nature. The only found stenciled items were numbers on electrical cabinets.

The abundance of sprayed on and written text makes exact calculations extremely questionable, but overall about one tenth of the text material consists of official or more permanent texts, and the rest of the text found is unofficial. Both locations present roughly the same amount of written language material. Occasionally the handwritten text is unreadable or incomprehensible, or otherwise difficult to categorise. An example is found

in Figure 2, where two chalked personal names from *Ulica Srpskih vladara* can be seen: *Milan* is obviously in Latin letters, but *Toma* or *Тома* (followed by a heart) could be in either of the two scripts, as the local Latin and Cyrillic scripts share a number of letters, and there is no substantial control on whether the writer has used capital or lower case letters. These writings do not form one item as they are distinct and not part of a list or other kind of unit, but on the other hand, they are both written with chalk, close to one another on the same wall. On the other hand, Figure 3 shows one clear unit, a list of nicknames or possibly other content, and should in my opinion be analysed as a whole. As many examples as this one arose, I slowly abandoned numerical classification, otherwise a hallmark of Linguistic landscapes (Gorter 2014, Syrjälä 2015 and Hämeen-Anttila & Laine 2016 are good examples of the framework). Thus this report will present the data in quality, not in quantity.

On *Ulica Avdage Šahinagića*, only Latin letters are used in all kinds of readable text. Some of the unreadable text might be Cyrillic, but it seems unlikely, as the city centre otherwise shows only the occasional sign and very little unofficial text in Cyrillic. (The only reoccurring Cyrillic unofficial writing I found at the time in the general area was the word *fiasco*, written *ФИАСКО*, with the letter *Я* not used in the local Cyrillic script. This word does not, however, occur on *Ulica Avdage Šahinagića*. See figure 4.)

On *Ulica Srpskih vladara*, Cyrillics are used exclusively in official signage such as street names, but commercial establishments and unofficial writing shows extensive use of Latin script. Figure 5 is a good example of this; here only the month is in Cyrillic script, and the rest is all in Latin letters. As a general observation advertisements belonging to the general area of the Orthodox Church or explicitly traditional Serbian themes were often occurring in Cyrillic letters, whereas general themes such as the hair-buying business in Figure 4 could use either Latin letters or both.

However, as Figure 6 shows, in RS Latin script is mandatory on traffic signs – so a truly monoscriptual Cyrillic environment is unattainable at present. The sticker on the traffic sign, with a picture of Gavriilo Princip and Sarajevo written in Cyrillic script, is thus interpretable as a statement for the use of Cyrillic, as is the choice of name and sign for the café *Ђурилица*, seen in Figure 7. However, as Ivković (Ивковић 2015: 78–79) states in his 2015 paper on the biscriptal linguistic landscape of Serbia, the *кафана* as in Figure 7 is a word used for traditional cafés with Serbian food, where customers listen to *ђурилица*, that is also a name for a kind of “traditional” music. Thus this name of the café should not be interpreted as a statement for the use of Cyrillics but as a statement for all things traditionally Serbian.

Thus, to conclude: This analysis shows that although official signs in Republika Srpska use exclusively Cyrillic script, commercial signage is not exclusively Cyrillic but uses also Latin letters, and the unofficial texts are predominately in Latin letters. In the Federation only Latin letters are used. So, in a world where as Bunčić (2016: 68) states a Serb who knows only Cyrillic or only Latin script is more or less semiliterate, the same goes for an inhabitant of *Ulica Srpskih vladara*. Whereas on *Ulica Avdage Šahinagića* Cyrillic script is not needed and being literate in only Latin letters equals being literate, at least for the requirements of the immediate surrounding urban space.

Figure 1. On Avdage Šahinagića – a street sign with the history of the street.

Figure 2. On *Ulica Srpskih vladara* – Milan and Toma or Toma?

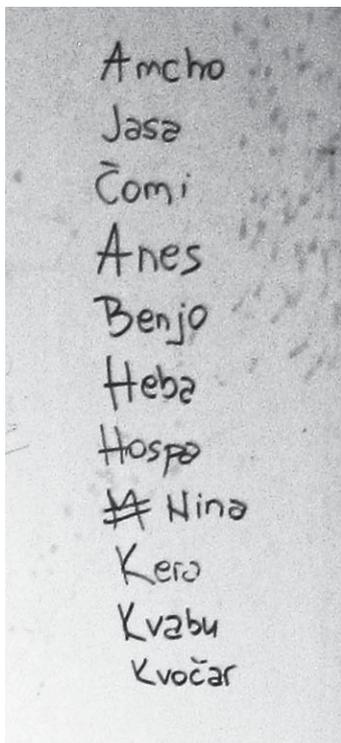

Figure 3. On *Ulica Avdage Šahinagića* – a list of words, some of them used as names, the rest of them could be nicknames or something of the kind. This kind of listings seems to be a genre in the unofficial writing in both entities, often with a date (here absent) attached.

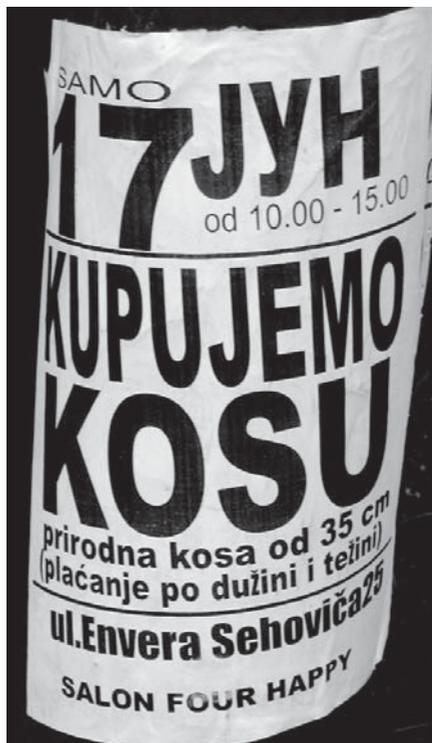

Figure 5. On *Ulica Srpskih vladara* this advertisement glued onto a lamppost has mostly Latin letters, only the month of the date is written in Cyrillic. This kind of advertising – paper glued onto a surface – is very common in both analysed spots. This specific advertisement was found three times in the area chosen on *Ulica Srpskih vladara*, with one additional reproduction for a similar event in April.

Figure 4. Example of Cyrillic usage in the centre of Sarajevo, on *Ulica Muhameda Kantardžića*, not included in the research area.

Figure 6. On *Ulica Srpskih vladara* – the official road sign is in Latin letters only, whereas the sticker picture (with Gavrilo Princip) says Sarajevo in Cyrillics.

Figure 7. On *Ulica Srpskih vladara* – the café *Ђуришица* (which means Cyrillic script as well as a musical genre), with a sign in Cyrillics. The majority of commercial signs (names of shops, pharmacies and other similar, as well as the advertising in the windows of these establishments) are in Latin letters.

Literature

- Bunčić, Daniel. 2016. *Biscriptality: A sociolinguistic typology*. Edited by Daniel Bunčić, Sandra L. Lippert, Achim Rabus. With contributions by Anastasia Antipova, Carmen Brandt, Ekaterina Kislova, Henning Klöter, Alexandra von Lieven, Sandra L. Lippert, Helma Pasch, Achim Rabus, Jürgen Spitzmüller, Constanze Weth. Heidelberg: Winter (Akademiekonferenzen 24).
- Gorter, Durk. 2014. Linguistic Landscapes. *Handbook of Pragmatics*, Volume 18, 1–34.
- Hämeen-Anttila, Paula; Laine, Antti Olavi. 2016. Linguistic landscapes in the Central Balkans: The main commercial streets in Struga and Ohrid. *In Search of the Center and Periphery: Linguistic Attitudes, Minorities, and Landscapes in the Central Balkans*. Ed. by Maxim Makartsev & Max Wahlström. (*Slavica Helsingiensia* 49) P. 89–102.
- Syrjälä, Väinö. 2015. Svenska i Helsingfors metro. *Svenska i Finland* 15, 360–365.
- Ивковић, Дејан. 2015. Језички крајолик Србије(други део):жанровска дијграфија исемиотизација писама. *Antropologia* sv. 3, 69–99.

Д.С. Ермолин (Санкт-Петербург)

КОМШИЛУК В ПРИШТИНЕ:
БАЛКАНСКОЕ СОСЕДСТВО И(Л)И
ЮГО-НОСТАЛЬГИЯ?

При анализе социальных процессов *insitu* антропологу нередко приходится отмечать, что оценки одной и той же ситуации или произошедшего события могут быть полярными среди представителей различных социальных, политических, религиозных сообществ, долгое время проживающих бок о бок, а дальнейшее восприятие физического пространства и вписанных в него межличностных отношений зачастую заканчивается созданием и поддержанием стереотипного образа «чужака», от которого нужно как можно скорее отмежеваться реальной или представляемой границей, отныне разделяющей данные сообщества на два (или более) враждующих лагеря, что становится еще более актуальным в условиях пережитого вооруженного конфликта.

В качестве кейса мною было выбрано городское пространство Приштины с акцентом на аспекты межэтнического взаимодействия. В ходе сбора полевого материала по данной проблематике одной из задач, стоявших передо мной, был поиск информантов, которые имеют опыт проживания в городе в различные периоды новой и новейшей истории Косово, включая войну 1998–1999 гг. и при этом являются представителями разных этнических сообществ и социальных классов – это условие было необходимо для достижения нужной аналитической стереоскопии и обеспечения как можно менее ангажированного подхода. Говоря более предметно, меня интересовали аспекты повседневной жизни и межэтнического взаимодействия в Приштине до и после войны, а также отношение жителей к своему городу, выраженное в воспоминаниях о былом и тревогах о будущем Приштины и Косово в целом. Кроме этого, мне было важно проследить за тем, какое место в их коллективной памяти занимает война в качестве фактора социальных трансформаций на микроуровне.

Для этой цели я выбрал *соседство* (сообщество соседей) как базовую единицу социального взаимодействия, поскольку в албанско-сербских отношениях на уровне повседневности именно соседство (как социальная категория) являлось первичным условием и источником взаимодействия, что способствовало взаимному узнаванию и кооперации, которые помогали

установить и укреплять чувство притяжения иной культуры и религии, а в некоторых случаях и партнерства как в мирное, так и в военное время.

Данные для анализа были получены в ходе экспедиций в Приштину (2010–2015 г.). Полевая работа включала наблюдение за повседневными практиками горожан, беседы с жителями отдельных кварталов, встречи с бывшими и нынешними представителями городской администрации, а также консультации с экспертами (архитекторами, историками, социологами) по интересовавшим меня вопросам городского развития и социальной ситуации в Приштине. Важные сведения о перцепции пространства Приштины и ее кварталов были получены от бывших жителей-сербов, которые покинули город в 1998–1999 гг. и в настоящее время проживают в Сербии (Белград, Ниш), иногда приезжая в родной город.

Поскольку данное исследование направлено на изучение балканского города, автор считает оправданным использовать локальный термин при описании и осмыслении понятия соседского сообщества. В подавляющем большинстве случаев балканское соседство и соответствующая ему территориальная и понятийная единица обозначается лексемой *комшилуk* (алб. *komshillëk*, серб., хорв., босн., черн. *komšiluk*; от тур. *komşuluk*; локальный вариант *kojshillëk / kojšiluk*). Ясно, что эта лексема и реалия в целом восходят к османскому прошлому Балканского полуострова и обозначают особую структурную единицу балканского населенного пункта со своеобразным набором социальных отношений. И специалисты, и сами горожане обычно рассматривают данный феномен в качестве нематериального культурного наследия Османской империи: полиэтничная, полифонная и мультиконфессиональная природа комшилука объясняется административной системой миллетов и ее реализацией в пространстве балканского города.

В современной социальной антропологии Балканского полуострова комшилуk зачастую описывается в качестве действенного механизма, способного если не предотвратить полностью, то содействовать снижению риска этнических чисток как радикального инструмента национализма и национальной политики в смешанных в культурном отношении регионах [Žunić 1998: 116–123; Maček 2000; Sorabji 2008: 97–112]. Несмотря на достаточно большую научную литературу по данной проблематике, обсуждение этого явления, его природы и социальных функций продолжается [Baskar 2009: 158–160].

Из бесед с информантами становится ясно, что, во-первых, соседское сообщество обладает четкой пространственной привязкой и ощущаемыми физическими границами, иными словами, это конкретная площадь городского пространства с определенным набором домов, разграни-

ченных несколькими улицами, и ориентиров (мечеть, булочная, лавка мясника, чайная и т.д.). Как правило, мои информанты сообщают, что считают своими соседями людей, живущих радиально в 3–4 домах от их собственного жилища. Данное восприятие городского пространства крайне важно для членов соседских сообществ, поскольку оно логичным образом формирует оппозицию между «своим» (освоенным, знакомым) и остальным пространством города, которое зачастую в нарративах информантов описывается в качестве транзитной зоны (особенно ярко эта оппозиция проявилась в период политического и социального кризиса в Косово, начиная с середины 1980-х гг.).

Во-вторых, комшилук также имеет четко выраженные социальные характеристики, поскольку он представляет собой локальное сообщество с более-менее стабильным составом акторов и развитой сетью общественных отношений. Иными словами, с одной стороны, комшилук в понимании его собственных жителей не мыслится, вне конкретного участка пространства, с другой стороны – мы несомненно имеем дело с городским социальным институтом. Чувство принадлежности к городскому соседскому сообществу и понимание физических границ собственного комшилука было и остается крайне важным для HomoBalkanicus. Это положение иллюстрирует, в частности, тот факт, что темы школьных сочинений «Мой комшилук» и «Мои соседи» являются весьма распространенными в балканских странах.

Кроме этого, старые горожане Приштины часто утверждают, что они чувствуют разницу между местным термином *койшиу* (алб. *kojshi*, -a/серб. *kojšija*¹, ‘сосед’, станд. алб. *komshi*, -a, станд. серб. *komšija* < тур. *komşu*) и соответствующими ему синонимами нетьюркского происхождения в албанском (*fəqinj*) и сербском (*sused*) языках. Они подчеркивают, что термин *койшиу* для них кажется более «местным» и «городским», и это влияет на использование синонимической пары: данная лексема используется при обозначении соседей, которых они знают достаточно продолжительное время и с которыми находятся в хороших отношениях. Зачастую данный термин фигурирует в нарративах о прошлой, довоенной жизни (особенно если речь идет о смешанных этнических сообществах соседей), в то время как лексемы *fəqinj* и *sused* часто используются по отношению к приезжим, которые стали их соседями совсем недавно, или же при описании актуальной ситуации (многие старожилы-албанцы во время и после войны вынуждены были перебраться из исторического центра в многоэтажки в другие райо-

¹ Эти формы также приводятся в Словаре косовско-метохийского диалекта, составленного Г. Элезовичем [Элезовић 1932: 301].

ны города, сербы же вовсе покинули Приштину). Мои наблюдения также показывают, что термин *койши* в качестве аппелятива, используется чаще чем соответствующие синонимы, упомянутые выше.

Данный пример служит иллюстрацией примечательного феномена: старожилы Приштины воспринимают заимствования из турецкого в качестве более привычных и даже «более своих», и это относится не только к конкретному слову *койши*, но к целому лексическому полю, описывающему жизнь балканского города и ее реалии (названия профессий и ремесел, кухня, административные институты, быт и устройство дома и др.).

* * *

Являясь по своей природе городским институтом, комшилук обладает рядом важных функций. Во-первых, будучи первичным условием и источником взаимодействия, взаимного узнавания и кооперации, соседское сообщество (комшилук) в сербско-албанских повседневных отношениях исторически служило установлению и поддержанию чувства межкультурного, межэтнического и религиозного приятия и даже партнерства как в мирное, так и в военное время, в особенности, между городскими старожилками.

Во-вторых, для переселенцев из сельской местности проживание в соседском сообществе предоставляло возможности знакомства с городскими моделями социального (в т.ч. межэтнического) взаимодействия и приобретения городской идентичности, особенно по отношению к более поздним мигрантам по оси село-город («я не приштинец, но горожанин Приштины»). Более престижной в рамках данного сообщества, естественно, является идентичность коренного жителя (алб. *prishtinali*, серб. *Приштевац*), однако горожане Приштины (алб. *qytetarëtePrishtinës*) ставят себя выше в сравнении с вновь прибывшими мигрантами из сельской местности.

В-третьих, по мнению самих информантов, это приятие всего «иногое» и всех «иных», живущих рядом, имеет социальные основы и может быть достигнуто адекватным образованием (в широком смысле слова) и опытом сосуществования – в случае тех людей, с которыми я работаю в поле, это, прежде всего, югославский опыт и определяющая его повседневность, при том, что, как было отмечено, феномен комшилука имеет османскую природу.

Наконец, как было сказано выше, нужно учитывать, что чувство собственной принадлежности к комшилуку является крайне важным для балканского человека – как с точки зрения спектра социальных связей и ролей и соответствующих им отношений, так и для встраивания себя в определенное пространство, социализации в пространственной среде и поддержания собственной локальной идентичности.

Как представляется, при строительстве гражданского общества в Косово необходимо руководствоваться не только идеей европейской интеграции (многие косовские сербы к этому проекту относятся все еще скептически и даже враждебно), но также опираться на общее прошлое – в настоящее время уровень ностальгии по жизни в Титовской Югославии довольно высок: сербы и албанцы охотно рассказывают о тех временах, когда они жили, учились и работали бок о бок, помогали друг другу в строительстве домов, вместе праздновали свадьбы и провожали в армию новобранцев, болели за одни и те же футбольные клубы – будь то ФК «Приштина» или столичная «Црвена Звезда», слушали записи югославских рок-групп.

Именно поэтому феномен комшилука является также мощным ресурсом коллективной памяти. Воспоминания об общем прошлом и мирном сосуществовании, опыт которого насчитывает многие столетия, в настоящее время порождают позитивные стереотипы на уровне обывателей. Хотя это прошлое в некоторых случаях может идеализироваться (что связано с конструированием позитивного образа «прошлого в настоящем»), тем не менее, оно может использоваться на разных уровнях (в том числе и академическом, см. [Pavlović et al. 2015]) в качестве платформы для выстраивания новых отношений – если не в виде дружбы, то хотя бы взаимного приятия, что, в конечном итоге, может привести к переосмыслению сербско-албанских отношений в целом.

Библиография

- Елезовић 1932 – Г. Елезовић. Речник косовско-метохишког дијалекта. Свеска прва. Београд: Планета, 1932.
- Baskar 2009 – B. Baskar. Komšilik: Imperialnadediščinaalimediteranskainstitucija? // Etnolog. 2009. Br. 19. S. 157–172.
- Maček 2000 – I. Maček. War within. Everyday Life in Sarajevo under Siege. Uppsala: Uppsala University, 2000.
- Pavlović 2015 – A. Pavlović et al. (eds.) Figura neprijatelja. Preosmišljavanje srpsko-albanskih odnosa. Beograd: Institut za filozofiju i društvenu teoriju, 2015.
- Sorabji 2008 – C. Sorabji. Bosnian Neighbourhoods Revisited: Tolerance, Commitment and Komšilik in Sarajevo 97 // On the Margins of Religion / Eds. J. de Pina-Cabral, F. Pine. New York, Oxford: Berghahn, 2008. P. 97–112.
- Žunić 1998 – D. Žunić. Neighbor and fellow citizen // Rasizam i ksenofobija. Prilozi za međunarodni skup 'Interkulturalnost versus rasizam i ksenofobija', Beograd, 17.–19. maj 1997 / Ured. B. Jakšić. Beograd: Forum za etničke odnose, 1998. S. 116–123.

А.А. Романова (Кишинев)

СМЕНА ГОДОНИМОВ /
СМЕНА КУЛЬТУРНЫХ ПАРАДИГМ:
КИШИНЕВ 1989–2017 гг.

Основную роль в топонимическом словаре города играют названия улиц – годонимы¹.

Годонимия как факт языковой жизни города, с одной стороны, стабильна, а с другой, всегда открыта к изменениям, в соответствии с тремя своими основополагающими функциями: 1) дифференцирующей – выделение объекта; 2) информативной (семантической) 3) семиотической – *быть знаком* изменений разного рода (в соответствии с контекстом времени, пространства, но, прежде всего, пожалуй, социальным). Годонимы являются важной составляющей *текста города*, смена годонимов влечет за собой семиотический сдвиг. Наши наблюдения касаются «перехода» от старой семиосферы к новой.

Кишинев пережил несколько волн переименований улиц.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

В 1812 году Бессарабия становится частью Российского государства, а Кишинев – ее столицей. Именно в XIX веке начинает официально оформляться его топонимика. На карте города 1860 г. находим Александровскую, Николаевскую, Подольскую, Фонтанную, Армянскую и Золотую улицы.

В 1918 году Бессарабия переходит в состав Румынии, что влечет за собой, в числе многих изменений, и смену годонимов. Появляются улицы, носящие имена румынских культурных деятелей и политиков: *strada Regele Ferdinand I*, *strada Arhiepiscop Gurie*, *strada Regele Carol I*, *strada Anton Pann*.

В 1940 году в результате пакта Молотова-Риббентропа Бессарабия входит в состав Советского Союза. Советизация затрагивает и годонимию. Однако начавшийся процесс прерывается войной.

Волна переименований захлестнет уже послевоенный Кишинев. Центральный проспект Ленина, улицы Энгельса, Маркса, бульвар Советской Армии – карта Кишинева почти неотличима от карты любого советского города.

¹ «Годоним (греч. «путь, дорога, улица, русло» + оним) – вид урбанонима, название линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская 1988: 52].

В 1989 году Молдова провозглашает независимость, и кишиневская годонимия переживает «бум» очередных переименований.

Показательной для Кишинева является история переименований улицы Пирогова. В начале XIX века улица называлась Ренийской (Рени – город в Одесской обл. Украины. В XIX веке входил в состав Бессарабской губернии). В конце века она получила имя русского хирурга Николая Ивановича Пирогова. В межвоенный период улица поначалу вернула название Ренийской, а чуть позже была переименована в честь Михая Когэлничану – румынского государственного и политического деятеля XX века, писателя и историка. После Второй Мировой Войны улица вернула себе имя Пирогова, а в 1989 г. вновь стала Когэлничану (strada M. Kogălniceanu).

См. таблицу «Динамика кишиневских годонимов»:

Царская Россия	Румыния (1918–1940)	СССР	Молдова
Теобашевская ул.	strada Al. Vlahuță	Теобашевская ул.	strada Al. Vlahuță
Антоновская ул.	strada Anton Pann	Антоновская ул.	strada Anton Pann
Остаповская ул.	strada Avram Iancu	Остаповская ул.	strada Avram Iancu
Ланкастерская ул.	strada Iacob Hâncu	Ланкастерская ул.	strada Iacob Hâncu
Иринопольская ул.	strada Sf. Vineri, Octavian Goga	Иринопольская ул.	strada Octavian Goga

Из существующих в Кишиневе на сегодняшний день около 700 улиц² в 90-х были переименованы более 500³. При всей хаотичности процесса представляется возможным сформулировать некие общие принципы переименований и выделить следующие основные группы.

² Более точную цифру сложно указать, так как последний официальный справочник, выпущенный в 2012 году, уже устарел: постоянно появляются новые районы с новыми годонимами.

³ Процесс переименований продолжается. Так, 2013 г. часть проспекта Национального Возрождения (bulevardul Renașterii Naționale, до 1989 г. – проспект Молодежи) стала strada Grigore Vieru (молдавский поэт, трагически погибший в 2009 г.), а в 2015 г. strada Cosmonauților (ул. Космонавтов, название сохранилось с советских времен) была переименована в strada Constantin Tănase (журналист, политический деятель, депутат Парламента Молдовы в 1991–1993 гг.).

1. Переименования-переводы

В 1989 году государственным языком был объявлен румынский, и часть названий улиц, достаточно многочисленная, была переведена с русского на румынский:

улица Промышленная → strada Industrială,

Роз → Trandafirilor,

Весны → Primăverii,

Строителей → Constructorilor и т.д.

В соответствии с румынской моделью определение (Adj) заменялось дополнением (Nom. Gen.):

улица Огородная → strada Grădinilor (Огородов, Садов),

Земледельческий пер. → Plugarilor (Землепашцев),

Проезжая → Călătorilor (Путников, Путешественников),

Кирпичная → Cărmidarilor (Кирпичников),

Заводская → Uzinelor (Заводов),

Вокзальная → Gării (Вокзала).

Влияние этой модели оказалось настолько сильным, что привело к анекдотичному случаю перевода антропонима – ул. Рыбчака, названная в честь Вельямина Рыбчака, кишиневского подпольщика 1941–1944 гг., стала strada Pescărușilor (Рыбаков, Рыбацкая).

2. Переименования-замены

Конечно, в первую очередь это коснулось политически окрашенных «советских» годонимов. С карты города исчезли улицы Октябрьская, Пролетарская, Коммунаров, Мира, Искры, бульвар Советской Армии и др. Вместо них появились strada Dacia (Дакия), Traian (Траян), Vucurești (Бухарест), Independenței (Независимости), Unirii (Объединения)⁴.

Если прежний годоним был меморативом, в большинстве случаев он меморативом и остается (проспект Ленина – главная улица города стал bulevardul Ștefan cel Mare⁵), но при этом происходит своего рода «люстрация» – советские политические и военные деятели заменяются молдавскими/румынскими деятелями культуры⁶:

ул. Щорса → strada Ion Vasilenco (литературный критик),

Кирова → Mihai Sadoveanu (писатель),

⁴ Имеется в виду объединение Румынии и Трансильвании в 1918 году.

⁵ Штефан чел Маре – Стефан Великий – правитель средневекового Молдавского княжества.

⁶ Здесь и далее молдавский / румынский использованы в зависимости государственной принадлежности лица.

Панфилова → Grigore Alexandrescu (писатель),
Котовского → Vasile Alexandri (писатель),
Чапаева → George Călinescu (писатель, публицист, литературный критик),
Дзержинского → Gheorghe Asachi (писатель),
Гайдара → Brâncuși (скульптор),
Калинина → Tudor Vladimirescu (герой народно-освободительного движения XIX в.).

При смене меморативов, не имеющих открытой идеологической окраски, сохраняется не только сам меморативный принцип номинации, но часто и область деятельности:

улица Дунаевского → strada George Enescu (композитор),
Мусоргского → Maria Lătărețu (певица),
Глинки → Ciprian Porumbescu (композитор),
Балакирева → Maria Tănase (певица),
Глазунова → Tamara Ciobanu (певица),
Бородина → Barbu Lautaru (певец и музыкант, настоящие имя и фамилия – Василе Барбу) (NB! *Barbu* (с рум.) – борода).

3. Объектно-географический принцип

Ул. Харьковская → strada Maramureș,

Костромская → Banatului,

Краснодонская → Cetatea Albă,

Херсонский пер. → Dobruja,

1-ый Охотский пер. → Constanța,

2-ой Охотский пер. → Galați,

Енисейская → Lărușnei,

Новые названия – румынские топонимы. Объектно-географический принцип номинации сохранен, изменен «вектор развития» – с восточного на западный.

Ср. еще:

улица Каспийская → strada Danubius (гидроним заменен на гидроним),
Невская → Rași (потерян гидроним, но сохранена «столичность»).

Ул. Киевская «переехала» из центра на периферию⁷. Остались: Софийская, Таллинская, Рижская, Варшавская, Белградская, Минская, Ашхабадская, Ташкентская (strada Sofia, Tallinn, Riga, Varșovia, Belgrad, Minsk, Așhabad, но! Tașkentului /Gen./). Не поменял свое название и Московский проспект (bulevardul Moscova).

⁷ Также «переехали» и улицы Матеевича, Александри, Эминеску, Крянгэ (румынские писатели-классики) – но наоборот, с периферии города в центр, тем самым повысив свой статус.

4. Ассоциативный принцип

Он предполагает семантический сдвиг.

Ул. Гросула (Я.С. Гросул – первый президент Академии наук Молдавии.) → strada Academiei. Произошла смена не только годонима (с сохранением области деятельности), но и принципа номинации меморативного на объектный (по классификации годонимов, предложенной Н.Ю. Забелиным [Забелин 2007]).

Ул. Лучафэрул⁸ → strada Veronica Micle. Оба годонима привязаны к жизни и творчеству М. Эминеску (Лучафэрул – герой одноименной поэмы Эминеску, Вероника Микле – возлюбленная поэта); см. к этому переименование: улица Болгарских ополченцев → strada Plevnei.

5. «Ономатопеический» принцип (созвучие нового и старого названия)

Ул. Миргородская → strada Mircea Eliade,

Антоновская → Anton Pann (прозаик, поэт, композитор и фольклорист),

Дальняя → Damian (L.Damian – поэт),

Резниченко (С.Ф. Резниченко – советский военный, участвовавший в освобождении Кишинева в 1944 г.) → Răzeșilor (Землепашцев),

Ангарская → Anderson,

Амурская → Aman (Т.Аман – художник, основатель и профессор Школы Искусств в Бухаресте),

Тимирязева → Timiș (уездный центр в Румынии)

Армейская → Arborilor (Деревьев)

Волкова⁹ → Voluntarilor (Добровольцев) и т.д.

Каков же статус новых годонимов в восприятии кишиневцев? Фактом исторического сознания они не стали. Новые наименования во многих случаях оказались для них далёкими. Даже возвращение «досоветских» годонимов большинство восприняло как введение в язык города новых имён.

Прежние годонимы продолжают существовать как теневые, неофициальные, но не забытые. Они звучат в устной речи горожан, на радио, встречаются в газетных текстах и блогах. Такую живучесть годонимов

⁸ В советское время румынские названия передавались кириллицей.

⁹ Улица была названа в 1971 году в честь лётчика-космонавта СССР Владислава Волкова, погибшего при посадке космического корабля «Союз-11» вместе с Георгием Добровольским и Виктором Пацаевым. Улицы Добровольского и Пацаева также существовали в Кишиневе до 1989 г.

можно объяснить не только цепкостью человеческой памяти, консервативностью языковых привычек, но и не всегда удачной языковой политикой (примеры см. выше).

Более подробно о параллельном существовании новых и старых топонимов будет рассказано в докладе.

Литература

- Аверьянов 2009 – *К.А. Аверьянов*. Из истории переименований московских улиц // Труды Института российской истории. Выпуск 8. М.: Наука, 2009. С. 337–354.
- Забелин 2007 – *Н.Ю. Забелин*. Московская городская топонимия, структурно-семантический анализ топонимической системы: Автореф. дис. ... к.филол. н. М., 2007.
- Подольская 1988 – *Н.В. Подольская*. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
- Рябова 2004 – *Л.Г. Рябова*. Имя улицы: прошлое и настоящее (из материала топонимов г. Иркутска) // Время в социальном, культурном и языковом измерении. Иркутск, 2004.
- Eremia 2012 – *A.Eremia*. Chişinău: Istorie și actualitate. Ghidul străzilor. Chişinău, 2012.

И.Е. Иванова (Москва)

«ТИШИНА» БАЛКАНСКОГО ДОМА И ГОРОДА В «ТРАВНИЦКОЙ ХРОНИКЕ» И. АНДРИЧА

В романе Иво Андрича «Травницкая хроника» представлен взгляд на боснийскую действительность первой четверти XIX века, с одной стороны, местных жителей и приезжих османских турок и, с другой, временно пребывающих в Травнике европейцев. Современному читателю, представителю европейско-христианского культурного ареала, ближе, понятнее отношение к этой дальней провинции Османской империи французского консула Жана Давиля, страдающего от того, что он называет дикостью и варварством. Даже для помощника консула Амеделя Шомета Дефоссе, стремящегося осмыслить и объяснить особенности течения жизни в боснийском городке, существование в этих местах тягостно из-за полной обособленности местного населения, его закрытости, того, что в романе выражено словом «тишина». Вот как об этом пишет И. Андрич: «... с тех пор, как младший консул покинул... Далмацию, он непрестанно соприкасался с балканской тишиной и постоянно боролся с ней. Он ощущал ее всюду вокруг себя. В архитектуре домов, фасадом выходящих во двор, а глухой стеной, словно кому-то назло, – на улицу; в одежде мужчин и женщин, в их взглядах... Дефоссе с ужасом ощущал, как тишина все сильнее разъедает и заражает его, проникает в поры, отчего спирает дыхание и холодеет кровь» [Андрич 1996: 12].

Отчаянию молодого француза, не имеющего возможности проникнуть за глухую стену восточного дома, противопоставлено то чувство наслаждения, которое дает своим обитателям традиционное ориентальное жилище, о котором мы читаем в описании резиденции визирия. Нельзя не почувствовать удовольствия от пребывания в таком доме, одной из функций которого было обеспечение непосредственной связи с природой: в помещении на втором этаже «две стены зала представляли собой сплошные окна; отсюда с одной стороны открывался вид на сады и крутые склоны с лесами, а с другой – на Лашву и базар за мостом... сквозь окна гость, сидя на подушке, мог видеть открытую веранду и на сосновой балке под крышей гнездо, откуда слышалось щебетание и торчала солома, и наблюдать, как быстро прилетает и улетает осторожная ласточка... тут всегда было много света, зелени, цветов, дул легкий ветерок, слышался шум воды, щебетание птиц, был и покой для отдыха, и тишина для размышлений или переговоров» [Андрич 1996: 26].

По мнению Х. Реджича, автора монографии «Искусство ислама», жилые сооружения на территории Сербии, Македонии и Боснии в период господства турок-османов возводились в соответствии с традицией, пришедшей из Малой Азии, хотя из-за различия климатических условий в разных областях они приобрели местные особенности [Redžić 1982: 36]. В XVIII веке османский тип жилого дома стал преобладающим в городской среде Балканского полуострова. В этот период жилища в Константинополе, Софии, Белграде, Пловдиве, Афинах мало отличались друг от друга [Коцић 2010: 261].

Традиционный турецкий дом представлял собой двухэтажное строение. На первом этаже размещалась летняя кухня, зимние жилые комнаты и кладовые, на втором этаже в центре располагалось главное помещение, предназначенное для сбора семьи и приема гостей, выходившее балконом во внутренний сад. Вокруг этого помещения находились жилые комнаты. Первый этаж строили из камня, с редкими маленькими окошками, на втором этаже окна были больше, располагались по нескольку в ряд [Милошевић 2005: 146].

До начала XVII века со стороны улицы окон не было, позднее их стали делать и в первом, и во втором этажах [Милошевић 2005: 146]. Первоначально дома строились в глубине сада, то есть вдали от внешнего мира. Со временем дом перемещается ближе к улице. В XIX веке жилые дома уже нависали над улицей, а их обитатели, скрытые деревянными решетками окон, могли наблюдать за жизнью города. Но все равно отсутствует понятие фасада как «наружной, лицевой части здания» [Redžić 1982: 105]. Картина узкой улицы с нависающими над ней домами возникает в романе во время первой поездки французского консула в резиденцию визиря: «...улица была узкая, по обеим сторонам нависали балконы... как только процессия поравнялась с первыми турецкими домами, послышались подозрительные возгласы, хлопанье ворот и деревянных решеток на окнах... подряд отворялись ворота, поднимались решетки на окнах и на мгновение высовывались лица...» [Андрич 1996: 22–23].

Сердце дома – его центральная часть, общее помещение, выходящее в сад (тур. *divanhane*, сербскохорв. *divanhana*), в русском переводе «Травницкой хроники» называемое «диваном». Черногорский архитектор Милан Злокович так описывает особенную атмосферу восточного дома: «одна из важнейших характеристик этого дома состоит в приятном уюте, излучаемом каждым помещением, каждым уголком его... Насколько мусульманский дом был закрыт от улицы и любопытных глаз прохожих, настолько он и его устройство были открыты, часто, можно сказать, распахнуты навстречу природе, небу, деревьям, цветам, воде,

ее журчанию»¹ [Милошевић 2005: 146]. Особое значение центрального помещения имеет исторические корни. Х. Реджич полагает, что турецкий дом представляет собой трансформацию более раннего жилища – юрты кочевников. Со временем возникает архитектурное сооружение – павильон, помещение с одной отсутствующей стеной, все еще непосредственно связанное с внешним миром. В дальнейшем функцию связи с природой берет на себя второй этаж дома, плывущий над землей, парящий в воздухе. Иллюзия парения усиливается большим объемом верхнего этажа: он выступает над первым целиком или с какой-либо стороны дома, той же цели служат живописные эркеры и балконы. Дом покрывает четырехскатная, далеко выступающая вперед крыша. Помещение на втором этаже делилось на две части – мужскую и женскую. В очень богатых домах они располагались в отдельных зданиях. Дома богатых турецких феодалов имели и два двора – мужской и женский. К мужскому примыкали хозяйственные постройки, помещения для гостей и слуг. В этот двор имели доступ крестьяне-арендаторы и все, кто не состоял в близких отношениях с семьей. Женский двор предназначался только для членов семьи. Здесь находился колодец или фонтанчик, его украшали цветы и деревья, невысокая ограда отделяла его от обширного сада [Redžić 1982: 88].

О некоторых особенностях организации ориентального балканского города И. Андрич говорит на первых страницах «Травницкой хроники»: «На дне узкого ущелья – Лашва, а по сторонам – узоры из родников, расселин и потоков... нет почти ни одной настоящей дороги, ни ровного места, где бы можно было ступить свободно, без опасений. Повсюду кручи и овраги, пересеченные, переплетенные, соединенные или разъединенные тропами, оградами, тупиками, садами, калитками, кладбищами и храмами» [Андрич 1996: 9]. Судя по описанию, это взгляд не местного жителя, а приезжего, перед которым город лежит в виде страниц раскрытой книги. Из этого фрагмента читатель получает представление об абсолютной бессистемности развития ориентального балканского города. В действительности речь идет о мнимой бессистемности. Архитектор Йован Крунич отмечает, что европейское представление о плановости, связанное с линейными построениями, делающими город похожим на шахматную доску, в ориентальном градостроительстве заменяется другой системой, во главе которой стоит стремление к изоляции жизни семьи. Поэтому дома не стоят строем вдоль улицы, а находятся в глубине земельного владения. По мере увеличения членов семьи появлялась необходимость прохода к

¹ Перевод наш – *И.И.*

владениям молодых хозяев на выделенном им участке, что должно было происходить в соответствии с той же тенденцией к уединению. Поэтому возникали тропинки, заканчивающиеся тупиками с несколькими калитками, которыми пользовались только соседи, часто бывшие вместе с тем и родственниками [Крунић 1996: 38].

Другим правилом, формировавшим городское пространство, была необходимость ориентации фасада дома на юго-восток, в сторону Мекки. Таким образом, в балканском городе ориентального типа улица не являлась инструментом регулирования жилых районов, она не играла важной роли в жизни города, а лишь обеспечивала возможность добраться до нужного места [Крунић 1996: 39].

В большей степени европейскому пониманию урбанистической организации пространства соответствовала торговая часть города (тур. *çarşı*, сербскохорв. *čaršija*). В боснийском городе чаршия формировалась вокруг крупного общественного строения, чаще всего мечети. Рядом с мечетью возникали мавзолеи и кладбища, мусульманские религиозные учреждения. На территории чаршии находились постоянные дворы, крытые рынки, караван-сарай, бесплатные общественные кухни для путешественников, часовые башни, фонтаны. Собственно торговая часть состояла из расположенных вокруг обширной площади улочек и переулков с магазинами и лавками ремесленников [Redžić 1982: 35–36].

Но и в чаршии не нарушается восточная «тишина». Достаточно вспомнить «неподвижные, суровые лица» по обе стороны рыночной улицы во время проезда французского консула, направлявшегося в Конак: «ни один человек не прекратил работы или курения, не поднял головы, чтобы хоть взглядом удостоить торжественную процессию» [Андрич 1996: 23].

Литература

- Андрич 1996 – *Андрич И.* Травницкая хроника. Консульские времена. М., 1996.
Злоковић 1940 – *Злоковић М.* Утицај истока на нашу фолклорну архитектуру // Уметнички преглед. № 10. Београд, 1940.
Коцић 2010 – *Коцић М.* Оријентализација материјалне културе на Балкану. Београд, 2010.
Крунић 1996 – *Крунић Ј.* Баштина градова средњег Балкана. Београд, 1996.
Милошевић 2005 – *Милошевић Г.* Становање у граду и на селу // Приватни живот у српским земљама у освит модерног доба. Београд, 2005.
Redžić 1982 – *Redžić Н.* Islamska umjetnost. Beograd-Zagreb, 1982.

VARIA BALCANICA

Н.С. Гусев (Москва)

РУССКИЕ ЖУРНАЛИСТЫ НА БАЛКАНАХ В 1912–1913 гг.:
В ПОПЫТКАХ РАЗГЛЯДЕТЬ СОВРЕМЕННЫЕ
ЕВРОПЕЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА

В 1912 г. связанные системой взаимных договоренностей Болгария, Сербия, Греция и Черногория объявили войну Османской империи. Православные балканские государства одерживали одну победу за другой, что вызывало в российском обществе ликование. Болгария и Сербия, как самые сильные члены Балканского союза, вызывали наибольший интерес, который подогревало к тому же три дополнительных фактора – они по этническому составу населения являлись славянскими, их свобода была куплена русской кровью, и большую помощь в становлении их как государств оказала Россия. В связи с этим успехи балканских славян воспринимались и как собственные успехи. Перед началом Первой балканской войны многие высказывали сомнения в способности союзников расправиться с османами. Война рассматривалась как экзамен на государственную зрелость. И как показалось российскому обществу, он был блестяще сдан. С восхищением говорил В.М. Бехтерев в Обществе славянского научного единения о Болгарии: «Это в полном смысле слова цветущая и цивилизованная страна, у которой не стыдно поучиться и старшим братьям, ее освободившим» (Бехтерев 1913: 17). Рассмотрим описание этих «цветущих и цивилизованных стран».

Большинство авторов и не задавалось вопросами о реальном государственном устройстве Болгарии и Сербии, в которых можно было заметить серьезные отличия. Они отмечали лишь внешнюю оболочку – конституционную монархию. Хотя при этом в прессе в случае с Сербией королю уделялся минимум внимания в отличие от его премьера, в случае с Болгарией центральной фигурой являлся царь. Причину этого один из корреспондентов видел в том, что сербский монарх был убежденным демократом и настолько щепетильно соблюдал конституцию, что иногда даже делал это избыточно, «не исчерпывая предоставленной ему законом власти» (Мартынов 1913: 25). Иные причины такому поведению видел Л.Д. Троцкий. По его мнению, правящая особа обладала честолюбивыми замыслами, жестоким характером, но Петр Карагеоргиевич помнил о трагической участи шести предшественников и, возможно, в силу возраста, «оказался безличностью» и вынужденно превратился в

покорное орудие старорадикальной партии (Троцкий 2011: 81–82). Но в реальности кардинальная разница между ними заключалась, так сказать, в факторе Пашича. Царь Фердинанд сумел избавиться от всесильного премьера С. Стамболова, хотя далеко и не сразу, а у короля Петра на это не было ни времени, ни желания, ни, вероятно, возможности. Что и сказалось на реальном функционировании демократий: в Сербии она была полупарламентарной, узаконившей фактическое единоправие Н. Пашича, а в Болгарии – дирижируемой монархом.

Российским журналистам Болгария и Сербия казались странами демократическими. Им хотелось видеть эти государства такими, и они делали далеко идущие выводы, опираясь лишь на отдельные внешние характеристики. Вас.И. Немирович-Данченко громко заявлял: «Болгария – конституционное государство, где все равны перед законом» (Немирович-Данченко 1913: 41). Е.И. Мартынов писал о Сербии: «Сербия страна строго демократическая: в ней нет сословий, а имеются лишь равноправные сербские граждане» (Мартынов 1913: 19).

Институционально так оно и было. В обоих государствах наличествовал парламент, цензура не существовала. Последнее поражало Е.Н. Чирикова: «Должен, однако, заметить, что говорят здесь в публичных местах поразительно свободно!». Но в то же время писатель сам рассказал, что одну из его пьес не поставили в театре, поскольку, как ему разъяснили: «...дирекция театра бывает иногда чрезмерно осторожной и дипломатичной». И тут он сам заметил разницу написанного на бумаге и реального исполнения законов: «Конституция прекрасна, но... директор дипломат...» (Чириков 1913: 43).

В Сербии журналисты отмечали крайний интерес населения к политике, кто-то называл это политиканством (Шевалье 1913: 98; Троцкий 2011: 52), а идеалисты считали увлечением, которое «развивает в широких народных массах сознательно отношение к государственным делам» (Мартынов 1913: 22–23).

Символом равенства и демократичности государства представлялась и армия. «Вообще, свободные нравы сербской армии весьма мало похожи на ту субординацию, которая признается необходимой в лучших европейских войсках», – считал Е.И. Мартынов (1913: 47). Равные взаимоотношения солдат и офицеров отмечались и в болгарской армии, из чего авторы делали категоричный вывод – в этих странах демократия повсеместна. Ближе к истине был социалист Ст. Вольский: «Личность не успела еще выделиться из коллектива, экономическое развитие не успело еще вырыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми» (Вольский 2006: 538).

«Демократичность» балканских славян в текстах корреспондентов усиливалась частым описанием внешнего вида солдат, в личную одежду, потому что «казенное добро недолго выдерживает непогоду» (Пиленко 1913: 128), в узорчатые шерстяные чулки (Сахаров 2006: 545), в опанки. О народном характере воинства говорит данное А.А. Пиленко описание болгарских войск на смотре под г. Чорлу. Солдат, для того, чтобы легче было нести ружье на плече, подложил объединенный початок кукурузы под погон, к орудию были привязаны большие часы с маятником, адъютант же «имеет вид бабы в шлафроке» (Пиленко 1913: 123–124). Но это не казалось корреспондентам нарушением правил: «Какой это полк? Не распознать! Погоны отстегнуты и висят изнанкой... Да и не все ли равно?» (Немирович-Данченко 1913: 164). Подобное несоблюдение правил представлялось им признаком демократичности, ее же они видели и в равенстве в общении между офицерами и солдатами.

В таком же ключе они отмечали официальный запрет на телесные наказания в армии, но оправдывали их применение в действительности, однако лишь в воспитательных целях. И более всего их восхищал уровень образования, выводы о котором журналисты делали на основании законов и заявлений официальных лиц, благодаря именно ему, считали они, армии Болгарии и Сербии состоят из «сознательных» солдат. «Отсутствие внешней дисциплины выкупается сознательным отношением к службе» – отметил русский доброволец капитан Самосеев в своем готовившемся к печати труде (Самосеев 1913: 55). Прямым проявлением сознательности корреспонденты считали развитую инициативу в армии. Восхищались, что «один едет и захватывает турецкие пушки, другой снимает с позиции целые роты неприятеля, озадаченного смелым и неожиданным появлением болгарского разъезда. Третий с таким же разъездом берет город» (Немирович-Данченко 1913: 117). Их это восхищало даже тогда, когда приводило к срыву стратегического плана (Немирович-Данченко 1913: 107–110). О какой же демократии или современном государстве писала русская пресса при таком очевидном пренебрежении к правовым нормам, будь то запрет на рукоприкладство или же приказ командующего? Внешнее равенство журналисты воспринимали чуть ли не как демократию британского образца.

Различных внешних атрибутов современных государств хватало, но они возвышались среди остатков чисто балканского архаичного пейзажа. Визуальным отображением этого были города. И тут ничего не ускользало от взора наблюдателей. «Парные экипажи, буйволы, ослики, трамвай, черномазые чистильщики сапог, готовые оторвать вам ноги, европейское платье и отрепье цыган», – писал Е.Н. Чириков о Пловдиве

(Чириков 1913: 136–137). Вас.И. Немирович-Данченко считал, что Старая Загора делается европейским городом: строятся большие дома, театр, достойный крупного русского университетского города, создаются просторные школы; «и рядом – старая, милая идиллия поэтического Востока»: кафе, где сидят, поджав ноги, турки, жарят «кебап» на углях, возвышаются купола турецкой бани (Немирович-Данченко 1913: 51). Однако когда корреспонденты смотрели на официальный фасад государственности, то все, что противоречило их идеализированному и романтизированному восприятию болгар и сербов, оказывалось в «слепых зонах». Исключением являлись Н.И. Гасфельд и социалисты Ст. Вольский, Л.Д. Троцкий. Последний очень точно подметил причину пестрой смеси старого и нового, охарактеризовав балканские страны как запоздалые: по его мнению, история не отвела странам Востока и России достаточно времени для нормального постепенного развития, и «она напаялила их имущим классам на головы лоснящиеся цилиндры – прежде чем в эти головы проникли европейские понятия; она осветила, наконец, центры городов великолепными калильными фонарями – прежде чем осушила на окраинах отвратительные лужи, очаги зловония и заразы» (Троцкий 2011: 158).

Очевидцы изображали Болгарию и Сербию стереотипно, происходило, по выражению Р.П. Гришиной, «спрямление нестандартных углов» (Гришина 2006: 126). Увидев наличие партий и парламента, дружеские отношения офицеров и солдат, журналисты с восхищением писали о демократии в Болгарии и Сербии; взглянув на данные статистики и законы об образовании – о просвещенности и грамотности народов. Единственное, в чем обвиняли балканские народы, было отсутствие сочувствия к собственным раненым солдатам. Корреспонденты сознательно или неосознанно не замечали имитационности успехов в государственном строительстве или же, по выражению Р.П. Гришиной и А.Л. Шемякина, фанерности. Это объясняется романтическим восприятием этих государств, казавшихся детищем русских усилий на Балканах. Поэтому корреспонденты обманываться были рады и с легкостью представляли читателю желаемую картину. Несмотря на значительные отличия балканских феноменов от их европейских образцов, журналисты громко заявляли о вхождении Болгарии и Сербии в семью современных государств западного мира.

Литература

- Бехтерев 1913 – *В.М. Бехтерев*. Значение единения родственных народов в общечеловеческой культуре и современные вопросы славянства // Славянский вопрос в его современном значении. СПб., 1913.
- Вольский 2006 – *Ст. Вольский*. Письма с Балкан // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006.
- Гришина 2006 – *Р.П. Гришина*. Конституционная монархия в Болгарии и ее подданные // Человек на Балканах. Государство и его институты. СПб., 2006.
- Мартынов 1913 – *Е.И. Мартынов*. Сербь в войне с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913.
- Немирович-Данченко 1913 – *Вас.И. Немирович-Данченко*. Собрание сочинений. Т. XIV. СПб., 1913.
- Пиленко 1913 – *А.А. Пиленко*. Около Болгарской войны. Дневник и сорок девять любительских фотографий. СПб., 1913.
- Самосеев 1913 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 555. Оп. 1. Ед. хр. 473.
- Сахаров 2006 – *М.В. Сахаров*. С сербами к Скутари (впечатления) // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006.
- Троцкий 2011 – *Л. Троцкий*. Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011.
- Чириков 1913 – *Е.Н. Чириков*. Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.
- Шевалье 1913 – *Н. Шевалье*. Правда о войне на Балканах. СПб., 1913.

Н.В. Злыднева (Москва)

СВОЕ–ЧУЖОЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЧУЖОГО–СВОЕГО В ТРАВЕЛОГЕ М. КРЛЕЖИ И ЕГО ПАРАЛЛЕЛИ

Хотя творчество выдающегося хорватского писателя Мирослава Крлежи (1893–1981) трудно отнести к балканской культуре в узком смысле, характерные признаки последней все же обнаруживаются в его путевых заметках, объединенных в эссе под названием «Поездка в Россию. 1925» (1926). В Советской России времени нэпа Крлежа провел 5 месяцев, сделав много пронизательных наблюдений над бытом, менталитетом, устремлениями людей. Увлеченный левыми политическими взглядами, писатель с энтузиазмом отнесся к «великому русскому эксперименту» (как в свое время назвала русский авангард американский искусствовед Камилла Грей), хотя многие его стороны воспринял критически. Эссе Крлежи отечественными литературоведами, как правило, рассматривается в ряду подобных очерков о советской действительности глазами зарубежных гостей новой власти – Ромена Роллана, Герберта Уэллса и других, при этом внимание акцентируется на описании реалий России, воспринятых глазами *чужого*. Между тем, сочинение Крлежи интересно с точки зрения и балканской действительности – воспоминаниями о ней, сопоставлениями пронизаны все впечатления путешествующего литератора. Балканы образуют постоянный фон, выступая в амбивалентной роли: порицая свою родину за косность политической жизни, Крлежа противопоставляет ее «прогрессивной» России, при этом не скрывая своей привязанности к родным пенатам и неприятия многого на чужбине. Пространство и время *своего* и *чужого* при этом постоянно переплетаются, одновременно меняются местами и оценочные знаки. В многоголосии кодов описания (зрительный, одористический, звуковой) и ключевой семантике, обращенной к архетипическим символам, проступает «голос» homo *balkanicus*. Задачей доклада является показать дихотомию *своего* и *чужого* в логике повествования, раскрыть скрытые смыслы двучленной композиционной структуры и выявить мифологическую подоснову мышления автора. Предполагается провести сравнение эссе Крлежи с мемуарами известного хорватского слависта Александра Флакера, которые он назвал «Автопогография» (2009). *Прошлое / настоящее* Крлежи в тексте Флакера замещено опозицией *здесь / там*, поскольку биография ученого спроецирована на

географическое пространство – европейские города, в которых он жил и работал. Выводы будут дополнены соображениями об особенностях авторепрезентации в культуре Балкан на примере изобразительного искусства, коснувшись проблематики автопортрета: в этом аспекте будет рассмотрена живопись Надежды Петрович, зачинателя сербского экспрессионизма – направления, во многом созвучного эстетическим устремлениям и самого Крлежи.

Zmago Šmitek (Ljubljana)

BALKANSKI JUNAK S TISOČ OBRAZI, KI NISO SAMO BALKANSKI

Južnoslovanski ljudski junak je protisloven, tako kot je zapletena in večplastna kulturna zgodovina Balkana. Organizator narodnoosvobodilnega boja (NOB) in kasnejši voditelj Jugoslavije, Josip Broz Tito (1892–1980) je s svojo mentaliteto in mitologizirano življenjsko zgodbo najboljši primer te vrste. Sin slovenske matere in hrvaškega očeta iz obmejne vasi Kumrovec se je povzpел od ključavničarja do maršala. Znal je fascinirati domačo in tudi tujo javnost in je skrbel, da bi bilo vse, kar je bilo vezano nanj, neponovljivo in izjemno (Djilas1980: 152).

Lik nacionalnega junaka pa se je v 20. stoletju že nekoliko diferenciral od ljudskega junaka. Folklorni Kraljevič Marko je bil preveč mednaroden in preveč grob (maščevalen, krvoločen, brezčuten), da bi v popolnosti utelešal srbski nacionalni ideal. Zato so se v tej vlogi uveljavili nekateri drugi junaki s superiornim viteškim, religioznim in duhovnim potencialom (Car Lazar, Sveti Sava, Miloš Obilić) (Čolović 2000: 79–80). Enake retuše so nastale tudi v Titovem primeru. Tito je poleg mita za »domačo uporabo« vzdrževal tudi mit, namenjen tujini: o uglajenem državniku, ki obvlada zahodne meščanske manire.

Glede na to se zdi paradoksalno, da se je v imenu proletariata »navznoter« propagirala mitologija, ki je bila v svojem bistvu ruralna in fevdalna ali celo še bolj arhaična. To je bilo mogoče zato, ker je bil jugoslovanski proletarijat po poreklu in mentaliteti izrazito ruralen. K temu je pripomoglo tudi dejstvo, da je balkanska junaška epika postavljala v središče zanimanja predvsem tiste pojave in procese, ki so vplivali na razvoj etnično-nacionalne (in s tem tudi politične) zavesti (Murtezani 2006: 138).

Vsebinsko in tipološko lahko razlikujemo med tradicionalnimi ljudskimi junaki z mitičnimi lastnostmi (ti so še zelo odvisni od bogov in drugih nadnaravnih sil) in med epskimi junaki, ki se že opirajo na svoje lastne (nad)človeške sposobnosti. Vendar se sestavine mita ter junaške in zgodovinske epopeje v praksi pogostokrat prepletajo. Epska in mitična biografija ljudskega junaka, kakršen je na Balkanu Kraljevič Marko, vsebuje elemente, kot so: čudežno rojstvo, preprosto družbeno poreklo, dojenje s strani vile, pridobitev nadnaravne moči, herojski podvigi in krizni momenti v zrelem obdobju, zaščita svojega ljudstva pred tujimi osvajalci, osnovanje mest in osvobajanje novih ozemelj, triumfalna smrt z upanjem na ponovno vrnitev ali spanje kot neka oblika nesmrtnosti.

Vsi ti elementi, ki z različno frekvenco in intenzivnostjo nastopajo v južnoslovanski folklori, predstavljajo nek ustaljeni model junakove pojavnosti, obnašanja in vrednot, ki se mu ni hotel ali mogel izogniti karizmatični Josip Broz Tito, še manj pa njegovi hagiografi. Vladimir Nazor, hrvaški književnik, je v pesmi *Naš vođa* (1943) o Titu zapisal: *I tako nas vodi. Mi ne znamo dal' je sin sadašnjih dana, lik iz drevne priče: mi kročimo za njim* (Dasović 2006: 269). Po drugem hrvaškem pisatelju, Miroslavu Krleži, pa je Tito ob smrti odšel *na daleke nedogledne poljane narodne pjesme, odakle kao da je i stigao* (Saračević 1980: 3).

Obstajata dva tipa tradicionalne junaške biografije: po prvi je junak (Kraljevič Marko) polbog, sin vile ali zmaja, po drugi pa navaden človek. Pogostokrat je junak sprva zapuščen otrok. Kraljevič Marko, Peter Klepec in albanski junak Mujo so bili vsi najprej pastirji, ki so dobili nenavadno moč šele v deški dobi od vilinskega mleka, torej z intervencijo nadnaravnih bitij.

Tito ni skrival svojega preprostega kmečkega porekla, čeprav je njegov življenjski stil že od mladeniških let odstopal od tega. Svojega otroštva ni olupševal, poudaril pa je nekatere prvine, ki so blizu idealu ljudskega junaka. Če si že ni mogel pripisati nadnaravnega prihoda na naš svet, pa je s svojimi spomini na mladost v Kumrovcu izoblikoval podobo o revnem, šibkem otroku, z občutkom za krivico in pravičnost, ki je od usode ali »višje sile« izbran za odrešitev svojega naroda.

Kralj Matjaž in Kraljevič Marko sta se v ljudski kolektivni spomin zapisala tudi kot fevdalca, ki sta vladala nad podložnimi kmeti iz svojih utrjenih gradov, obkrožena z dvorjani in služabniki. Tito je izkoristil že prvo priložnost, da ju je posnemal. Njegovi biografi niso prezrli dejstva, da si je takoj po osvoboditvi Beograda, oktobra 1944, ogledal nekdanje kraljeve dvorce na Dedinju, v elitnem predelu mesta. Vselil se je v Beli dvor kneza Pavla, Stari dvor kralja Aleksandra pa dal preurediti za sprejem visokih tujih gostov (Djilas 1980: 80–81).

Iz mnogih zapisov izročila o Kraljeviču Marku je razvidno, da je njegovo naravno okolje gora. Čeprav je ta polna nevarnosti, pa junaku vendarle daje zavetje, kar je razvidno še iz različnih balkanskih pripovedi o hajdukih, komitih in – na koncu – partizanih (Svetieva 1997: 219). Zgodnji zahodni popotniki po Balkanu so pogostokrat poročali, da so bili hribi in gozdovi domovanja hajdukov (Jezernik 2004). V balkanski folklori so bili hajduki prikazani kot borci, branitelji in maščevalci zoper tujo oblast (Čolović 2004: 259). Gora po ustni tradiciji ščiti pred premočnimi sovražniki tudi slovenskega ljudskega junaka Kralja Matjaža.

Gozd in nomadski način življenja sta bila marsikateremu udeležencu narodno-osvobodilnega boja (1941–1945) vsaj na začetku tuja. Terjala sta

nekaj fizične in še več psihološke pripravljenosti. Življenje, gledano iz gozda, je postavilo svet na glavo in je po vseh kriterijih pomenilo sestop na nižjo kulturno stopnjo. A ne le to: pridobitve civilizacije so nenadoma dobile sumljivo vrednost in so se lahko izrodile v nekaj ogrožujočega, če že ne kar naravnost sovražnega.

Trenutki stiske lahko dvignejo na površje zavesti izrazito animistično občutje stvarnosti. Naravno okolje se pokaže v svoji poosebljeni podobi, kot živ organizem, tako kot v verzih partizanske zborovske pesmi *Jutri gremo v napad: /.../Veter potepuh, podaj nam roko, mesec lenuh, hitreje za nami /.../ Sneg, naš beli brat, prelij se v temo/.../*. Pesem lahko razumemo kot vzpostavitev, vsaj za določen čas, pristnega pobratimstva z naravo.

Kraljevič Marko po nekaterih ljudskih razlagah v spopadu ubije »triglavo kačo« ali zmaja. Boj junaka z demonom podzemlja pomeni konflikt s kaotičnimi silami zla, mraka, smrti in vsega, kar je še povezano s tem. Te sile so bile v ljudskem izročilu Balkana poosebljene tudi v liku »Črnega Arabca« (*Crni Arapin*), tujega vsiljivca in junakovega izzivalca. V slovanskih jeziki je črna barva edina, ki velja za »temno«. Tako je v opoziciji z vsemi drugimi barvami (Libera 1987: 118). Boj med svetlobo in temo, življenjem in smrtjo, je v krščanski apokrifni književnosti identičen s spopadom nadangela Mihaela s Satanom ali z motivom svetega Jurija, ki ubije zmaja.

Črni barvi je bila nasprotna rdeča, ki je veljala za apotropejsko barvo, hkrati pa tudi za barvo krvi in novega življenja. Da bi odganjali zle duhove, ki so ponoči vdiral v kmečke domačije, so slovenski kmetje že od nekdaj risali rdeče pentagrame na skinje, otroške zibelke, pa tudi na podboje vrat in stropne tramove. Ta magični znak je seveda asociiral na rdečo zvezdo, simbol partizanskega odpora, kar je imenitno ubesedil Edvard Kocbek v pesmi *Pentagram* (citiramo zadnjo kitico):

*Naša zemlja, dragocena skrinja,
nosi rdeče vrezan pentagram.
To je naša magična svetinja,
z njo nam slehernik rešuje hram,
kadar bese z zvezdami zaklinja* (Kocbek 1977: 247).

Peterokraka zvezda ima čudežno moč tudi po besedah balkanskega ljudskega pevca:

*Tito nosi zvizdu petokraku,
što mu sjaje po noči i mraku,
petokraka od kamena draga* (Orahovac 1957: 67).

Triglavi Črni Arabec je demonsko bitje, ki ima številne indoevropske paralele. V balkanski ljudski epiki je več kot dostojen nasprotnik domačemu junaku in izhod boja dolgo ni odločen. Ko demon naposled obleži z razparanim drobovjem, se izkaže, da v njem prebiva ena ali več kač, ki so mu dajale moč. Med soočenjem na bojnem polju epski junak »prestaja svojo herojsko, nadosebno iniciacijo«, toliko bolj, ker je smrt (tu poosebljena v Črnem Arabcu) pomembna prehodna faza iniciacijskih obredov (Stojanović Lafazanovska 2009: 210).

Nemška okupacija Slovenije je bila v partizanskem pesništvu opisana kot vdor mongolskih hord: *S severa vdrl je Džingis – Kan...* (Paternu 1995: 135). To je bilo po eni strani povezano z dejstvom, da je Hitlerjeva Nemčija napadla Jugoslavijo brez vojne napovedi, v nasprotju z normami mednarodnega prava. Budilo pa je tudi spomin na ljudske pripovedi o psoglavcih, ljudem podobnih bitjih s pasjo glavo, ki so kot božja kazen pridrli nekje z obrobja našega sveta in morili kristjane. Motiv je star in mu lahko sledimo vse do zgodbe o Gogu in Magogu v *Svetem pismu stare zaveze* (Šmitek 2004: 291–292). V srednjeveški Evropi so s tem bibličnim imenom označevali različna konjeniška stepska ljudstva: Hune, Avare, Madžare, Mongole, Turke. Med drugo svetovno vojno je tudi angleški tisk enačil Nemce z Mongoli ali Huni, nemška propaganda pa je enako obravnavala sovjetske rdečearmejce.

Propagandisti vseh vojskujočih strani so nasprotnike prikazovali s pasjimi lastnostmi: pobesnele, podivjane in krvoločne. Ta tradicija sega na Slovenskem že vsaj v čase turških vpadov v 16. stoletju, kar kažejo imena kmečkih psov: Sultan, Aga, Paša ipd. V Reziji so takšnega popadljivega hišnega psa imenovali Turko (Matičeto 1968: 228). V našem kontekstu je konotacijo sovražnika in psa okrepilo še to, da so okupatorske nemške policijske enote pogostokrat uporabile vojaške sledilne pse, volčjake, in v partizanskih vrstah potencirale občutek preganjane divjadi, obkrožene z lovci.

Da bi lahko izpeljal težke podvige, ki so imeli v bistvu iniciacijski značaj, se je ljudski junak opiral na pomoč svojih živalskih tovarišev. Ta značilnost je univerzalna in sega vse do totemističnih mitov. Kot mnogi drugi junaki se je tudi južnoslovanski najbolj ponašal s svojim konjem. Vranec slovenskega Kralja Matjaža je namesto sena zobal pšenico in pil sladko vino, za povračilo pa ga rešil iz mnogih nevarnosti (Šmitek 2012: 232–234). Stalni spremljevalec balkanskega Kraljeviča Marka je bil njegov konj Šarec, ki je bil rojen istega dne kot njegov gospodar, znal pa je tudi govoriti, napovedati bodočnost, svetovati in leteti po zraku.

Ker junakov konj pozna skrivnosti »onega sveta«, mu pripadajo htonski atributi in tudi temna barva. Tak konj po premaganju vseh zaprek lahko ponese junaka v »novo življenje«, ki ga npr. obljublja poroka s kraljično. Prekaša ga

le še ideal solarnega belega konja, ki so ga poznale že stare kulture in se je obdržal skozi ves evropski srednji vek, s tem, da je postal jezdna žival velikih voditeljev, krščanskih svetnikov, kraljev in plemičev (Murtezani 2006: 219–226). V slovanski mitologiji je bil bel konj atribut ali personifikacija gromovnika Peruna (Kropej 1998: 153–167). Tudi biblična vizija soglaša, da takšen konj pripada božjemu izbrancu.

Tito se je pred gosti rad pohvalil, da je imel zvestega konja, ki mu je med vojno grel noge, da mu niso zmrznile. Dočakal je pozno starost, pokopan pa je bil v Karadorđevu, v parku Titove vile (Vukojev 2014). Ožjemu krogu Titovih sodelavcev je bila dobro znana njegova mitomanija, ki je včasih delovala naivno ali celo otročje. Sam je pomagal graditi mit o sebi s tem, da je svojo vlogo prikazoval kot izraz volje in igre višjih sil, svoje doživljanje pa kot nenavadne. Vendar to pretiravanje in izmišljanje ni bilo povsem fantazijsko, pač pa vezano na kakšen konkreten dogodek (Djilas 1980: 116).

Titov medvojni pomočnik je bil tudi pes Luks, ki je za ceno svojega življenja rešil gospodarja med nemškim letalskim napadom na Sutjeski, junija 1943. Tito je tega psa našel slabo leto prej, julija 1942, v osvojenem Prozoru. Bil je nemški ovčar, ki je verjetno pripadal kateremu od nemških oficirjev. To tudi pojasnjuje njegovo reakcijo v trenutkih nevarnosti. Nemški psi so bili za to posebej izšolani, vendar v naši javnosti to ni bilo znano in je ustvarjalo vtis, da se je maršalov Luks žrtvoval po nekem čudežnem daru predvidevanja.

Ljudski junak, kakršen je Kraljevič Marko je svojo junaško moč tudi izgubil tako iznenada, kot jo je dobil. V tem pogledu se je Josip Broz – Tito razlikoval od folklornega prototipa: zelo si je prizadeval, da bi bil še do zadnjega videti mladosten, barval si je lase, kasneje nosil lasuljo, obdan je bil z mladimi negovalkami in občudovalkami. Na koncu življenja se ljudski junak prostovoljno ali po božji volji umakne na počitek, ki pa ni razumljen kot smrt. Simbolična nesmrtnost Josipa Broza je bila zajeta v izreku *Posle Tita Tito* in v vsakoletnem ritualnem kroženju štafete še dolgo po telesnem preminutju. Značilna je bila tudi formulacija v *Ustavi socialistične federativne republike Jugoslavije* (člen 333), da Tito uživa mandat predsednika države, vendar ne do smrti in tudi ne doživljenjsko, temveč *brez omejitve trajanja mandata* (Ustava 1974: 171).

Ljudski junaki so večplastne in kontradiktorne osebnosti. Kiril Penušliski v razmišljanjih o liku Kraljeviča Marka ugotavlja, da so se v njegovi podobi utelesile najizrazitejše dobre in slabe poteze tedanjega družbenega okolja (Penušliski 1983: 14). Marko npr. rad pije, preklinja, laže, prelomi dano besedo, je zavisten in si celo omadežuje roke z nedolžno krvjo. Ker pa štiti ljudstvo pred Turki in drugimi nasilniki, mu je to pripravljeno odpustiti vse pomanjkljivosti.

Ob vsem tem se odpirajo vprašanja prepletanja mita in stvarnosti, zgodovinske distance in nivojev recepcije. Po Ernstu Cassirerju lahko jezik, mit, umetnost in znanost delujejo skupaj pri konstrukciji duhovne resničnosti, čeprav ima vsaka od teh sestavin svojo individualno nalogo (Cassirer 1946: 9). V odnosih med mitom in zgodovino se pojavlja mit kot nekaj absolutno primarnega, zgodovina pa kot nekaj sekundarnega in derivativnega. Ko človek v nevarnosti išče »tajno os središča«(Kocbek 1977: 205) se nemalokrat opre na kolektivni spomin prednikov. V kriznih razmerah se obudijo poniknjene stare predstave, tako da pesnik lahko zapiše: *Zagledal sem daljave/kako so vstale iz legende/in se milo zazrle vame* (Kocbek 1977: 260).

Literatura

- Cassirer 1946 – E. Cassirer, *Language and Myth* // Toronto: Harper and Brothers 1946.
- Čolović 2000 – I. Čolović, *Politika simbola. Ogledi o političkoj antropologiji* // Biblioteka XX vek, 110, 2. izd., Beograd 2000.
- Čolović 2004 – I. Čolović, *A Criminal-National Hero? But who else?* // M. Todorova *Balkan Identities: Nation and Memory*, (ed.), London : Hurst & Company 2004.
- Dasović 2006 – J. Dasović, *Kreiranje identiteta mjesta* // Nevena Škrbić Alempijević in Kirsti Mathiesen Hjemdahl (ur.), *O Titu kao mitu: Proslava Dana mladosti u Kumrovcu*, Zagreb: Filozofski fakultet 2006.
- Djilas 1980 – M. Djilas, *Druženje s Titom* // Harrow, Middlesex: Aleksa Djilas 1980.
- Jezernik 2004 – B. Jezernik, *Wild Europe: The Balkans in the Gaze of Western Travellers* // London: Saqi Books in association with The Bosnian Institute 2004.
- Kocbek 1977 – E. Kocbek, *Zbrane pesmi* // T. Pavček (ur.), Ljubljana: Cankarjeva založba.1977.
- Kropej 1998 – M. Kropej, *The Horse as a Cosmological Creature in the Slovene Mythopoetic Heritage* // *Studia mythologica Slavica* 1(1998).
- Libera 1987 – Z. Libera, *Semiotyka barw w polskiej kulturze ludowej i w innych kulturach slowianskich* // *Etnografia Polska* 31(1987).
- Matičevič 1968 – M. Matičevič, *Pregled ustnega slovstva Slovencev v Reziji* // *Slavistična revija* 16(1968).
- Murtezani 2006 – I. Murtezani, *Mitski elementi vo albanskiot i makedonskiot junački epos i balada*, // Posebna izdanja, knj. 64, Skopje: Institut za folklor »Marko Cepenkov« 2006.

- Orahovac 1957 – S. Orahovac, *Savremene narodne pjesme* // Sarajevo 1957.
- Paternu 1995 – Boris Paternu, s sodelovanjem Irene Novak-Popov // *Slovensko pesništvo upora 1941–1945*, knj. 2 // Novo mesto: Dolenjska založba 1995.
- Penušliski 1983 – K. Penušliski, *Marko Krale, legenda i stvarnost* // Skopje: Misa 1983.
- Saračević 1980 – *Bilo je časno živjeti s Titom* // S. Saračević (ur.), Zagreb : Vjesnik, Mladost, Prosvjeta 1980.
- Stojanović Lafazanovska 2009 – L. Stojanović Lafazanovska, *Heroes – Anti-Heroes* // K. Kulavkova (ed.), *Black Arab as a Figure of Memory, Interpretations*, Vol. 3, Skopje : UNESCO 2009.
- Svetieva 1997 – A. Svetieva, *Kralot Marko od aspekt na narodnata religija na Makedoncite* // V. Despodova etc. (ur.), *Kralot Marko vo istorijata i vo tradicijata*, Prilep: Institut za staroslovenska kultura 1997.
- Šmitek 2004 – Z. Šmitek, *Mitološko izročilo Slovencev: Svetinje preteklosti* // Ljubljana: Študentska založba 2004.
- Šmitek 2012 – Z. Šmitek, *Poetika in logika slovenskih mitov: Ključi kraljestva* // Ljubljana: Študentska založba 2012.
- Ustava 1974 – *Ustava Socialistične federativne republike Jugoslavije*, // Ljubljana: Časopisni zavod Uradni list 1974.
- Vukojev – 2014 S. Vukojev, *Sa Brežnjevim jedna duša*, *Večernje novosti online*, 18.4.2014, www.novosti.rs/dodatni_sadržaj/clanci.119html:488044-Sa-Breznjevim-jedna-dusa.

Ирина Антанасиевич (Белград)

БАЛКАНСКОЕ VS. СОВЕТСКОЕ: РУССКИЙ ВЗГЛЯД
(ЗАМЕТКИ НА ЮГОСЛАВСКИХ ПЛАКАТАХ
ПЕРИОДА ОККУПАЦИИ)

Русская эмиграция в Югославии как культурный и исторический феномен вызывала и вызывает самый пристальный интерес. И хотя по «югославской» эмиграции существует обширная историография, однако до настоящего времени нет труда, рассматривающего русскую эмиграцию в Югославии как целостное культурное явление, которое породило особый культурный тип. С одной стороны, русские эмигранты стремились сохранить прежнюю модель мира в условиях, когда этот мир уже перестал существовать как реальность и бытовал лишь в социальной памяти, религиозных ценностях, культурных традициях, литературных произведениях, языке (таким образом сохранялось понятие «русский»). С другой же стороны русская эмиграция была вынуждена активно интегрироваться не только в быт, но и культурологическую модель нового мира (таким образом создавалась понятие «балканскости», «балканства» как этнической принадлежности и территориального маркера), которое могло иногда выступать как оппозиция по отношению к понятию «русский»). Еще одна важная сторона – это выстраивание модели восприятия Советской России (что создавало понятие «советский», которое прежде всего выступало как оппозиция к понятию «русский» и, опосредовано, как оппозиция к «балканский»).

Исследование делает попытку показать генезис и взаимоотношения всех трех понятий, используя в качестве иллюстрации форму балканского пропагандного плаката периода Второй мировой войны, где обыгрывается антитеза „балканское-советское“.

В качестве иллюстрации используются плакаты Белградской антимасонской выставки (22 октября 1941 года) При анализе иллюстраций особое внимание уделяется позиции авторов плаката – русских эмигрантов, художников Константина Кузнецова и Алексея Ранхнера. Созданный ими пропагандистский визуальный ряд рассматривается как некий особый текст, где понятия «балканское» и «советское» представляют собой своеобразную метафору и несомненно находятся под влиянием понятия «русское», которое появляется, хоть и опосредовано (поскольку речь идет о русских художниках), но несомненно влияет на визуальное решение представленных в плакатах образов

Поскольку задачи создания пропагандистского образа «балканское» осуществляли русские художники, то они создавали новый визуальный образ, который, несомненно, опирался и на их реальное восприятие Балкан (критическая модель) и на их личную желаемую модель развития Балкан (идеальная модель), и на внутреннее сопоставление исчезнувшей России и Балкан (сравнительная модель), и на ту пропагандистскую задачу, которая была поставлена перед ними (суггестивная модель).

Попробуем рассмотреть все модели на примере пропагандных материалов художника Константина Кузнецова в период оккупации¹.

Его восприятие местного населения связано с процессом бытовой межкультурной трансформации, т. е. процессом всегда достаточно болезненным, связанным с интеграцией в чуждую культурную среду и с выработкой новых маркеров идентичности. Таким образом складывалась критическая модель.

А русская эмиграция в Югославии – пусть и в дружески настроенной и славянской стране – все же не избежала конфликтов с местным населением.

Например, в 1932 году в газете «Jugoslovenska politika» появился «ряд материалов публициста Д. Павичевича, в которых он, намеренно сгущая краски, пытался резко противопоставить роскошь русских прозябанию югославов. Об этом свидетельствовали такие заголовки статей, как «Русские наслаждаются – наши голодают», «Русские нас давят», «Русские взбесились» (Косик 2007: 21). А позже, в 1936 году, сербское государственное радио запустило цикл передач под названием «Сережа» – которые являлись язвительными зарисовками о русских в Югославии². (Маевский, 1966) Хотя ныне, анализируя передачи радио, оставшиеся в виде печатных буклетов (Костич 1937) нужно сказать, что передачи скорее описывали различия культурологического характера,

¹ Во время войны он сотрудничал в журналах, которые финансировала фашистская Германия (например, поддерживающий правительство Недича журнал «Коло» и «Бодликаво прасе»), а также числился в пропагандистском отделении «S», которое действовало на территории оккупированной Сербии

² В феврале 1937 года ряд сербских деятелей посетил директора «Радио А. Д.» генерала Калафатовича и заявил следующее: «...Мы, сербы, в своем же доме позволяем себе оскорблять русских, – тех русских, которые в европейскую войну защищали Белград и погибли на Салоникском фронте... Но не говоря уже о мертвых, просто недостойно для сербов оскорблять тех братьев-русских, которые теперь в беде, потеряв свою родину, мучаются и страдают по всему свету... Есть две нации без отечества: это – русские и евреи. Однако, почему-то нападают только на русских»

поскольку сербов удивляли и масленичные обычаи, и другие русские традиции, и ресторанная жизнь; их уязвляло и высокомерие эмигрантов, которые, защищаясь от действительности, иногда слишком агрессивно вспоминали «красоты» своей прошлой жизни, сетуя на то, что они оказались в такой сельской провинциальной Европе³.

Но целям пропаганды культурологическая оппозиция «русское»–«балканское» (критическая модель) не соответствует, и Кузнецов начинает активно сближать понятия «балканское» и «русское», противопоставляя последнему «советское» (т.е. создает идеальную модель, используя сравнение). Для него, русского, выбравшего путь сотрудничества с немцами, важно было доказать, что советские – не русские. Для этого он начинает активно создавать образ «балканскости», но он не опирается на реальную картину тогдашней балканской реальности, а представляет некий желаемый русский взгляд на эту территорию.

Рис. 1. Кадры из комикса «Конек-горбунок»

³ Вообще, трения между русскими эмигрантами и местным населением характерны не для первых лет эмиграции, а для тридцатых годов, т. е. времени после гибели в Марселе поддерживавшего русскую эмиграцию короля Александра Первого Карагеоргиевича.

В пропагандистских плакатах того периода Кузнецов сознательно выбирает образы, которые делают сербов не совсем чужими, приближает их к русским.

С другой стороны, он сближает Балканы с Европой, опять же для того, чтобы подчеркнуть чуждость образа «советский». Поэтому в самом скандальном комиксе-аллегории, вышедшем из-под его карандаша – «История о несчастном короле» («Прича о несрећном краљу»), Сербия будет представлена в виде условного европейского королевства.

Рис. 2. Кадр из комикса «История о несчастном короле»

дать анализ всех заключенных в нем символических смыслов. Наличие же особой авторской интонации дает возможность рассматривать анализируемые военные плакаты как особые тексты, которые включают в себя: традицию, стереотипы, общие нормы и ценности и на основании этого создают универсальные модели. Такой военный плакат обладает способностью активировать старые символы, а также перенимать чужую символику и, перекодируя, включать ее в свой фонд. Т.е. можно говорить о наличии коммуникативных структур, ответственных за сохранение традиций, причем структуры эти обладают способностью к самовоспроизводству. В исследовании феномена текста плаката огром-

Таким образом, уравниваются Россия, Балканы и Европа, а оппозицию им составляет понятие «Советов», которые Кузнецов воплощает в образах антирусских, антибалканских, т.е. антиславянских и антиевропейских.

Выступление также будет включать в себя анализ карикатуры / плаката, его структуры и содержания. Плакат как особый вид текста исследуется на разных уровнях, что позволяет

7-Стаљин за писањим столом, кроз прозор се види рат (божање большевичких војника). Текст: Стаљин спрема књигу успомена под насловом "Ниса никада био Славен...зашто не оптужују?"

15-Џивил, селџк (српски) и радник на раскроници. Две табле: С.С.С.Р.В (большевиџем) и С.С.С.С.С. (Семо слога Србина спасево) –у даљини Оплепац (они иду озим правцем (док их изв бусије вребеју неке несимпатична лица.

Рис. 3. Выдержка из протокола регистра идей. Из коллекции автора статьи.

ную роль играет исследование не просто символа, а именно авторского символа, что в результате дает возможность проанализировать процесс считывания культурных кодов, описать функционирование и механизм пропагандного воздействия как на самого автора визуального текста, так и на систему визуальных символов, в которые автором включались новые символы, создавая дополнительные смыслы.

Литература

- Косик 2007 – *В.И. Косик*. Что мне до вас, мостовые Белграда?: Очерки о русской эмиграции в Белграде (1920–1950-е годы). Ч. 1. Москва: Институт славяноведения РАН, 2007.
- Костић 1937 – *Т. Костић*. Серџожа / издавач Т. Костић. Београд, 1937.
- Маевский 1966 – *В. Маевский*. Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966. С. 70–72

Victor A. Friedman (Chicago)

SELF AND OTHER (СВОЙ И ЧУЖОЙ)
IN THE MACEDONIAN 'BOMBS' OF 2015

This article takes its inspiration from the work of Tat'jana Vladimirovna Civ'jan, who has contributed so much to our understanding of both the Balkan Linguistic League and the Balkan Model of the World (see, e.g., Цивьян 1965, 1979, 1990, 1999, 2001, 2005, 2008, among her c. 500 publications). As Цивьян (1999: 13) observes: «Оппозиции *свой / чужой, похожий / непохожий*, которые par excellence определяют индивидуацию личности, как единичной, так и многонародной, сразу оказываются включеными в круг пространственно-временных оппозиций.» She writes that this is especially characteristic of the Balkan situation (ibid.). Civ'jan's analyses have for the most part been based on folklore and literature (which two categories overlap in any case). Here I wish to look at the problem of 'self / other' in a Balkan text that is strictly oral in its origin, and, moreover, unified by an overarching theme, namely "Вистината за Македонија" ('The Truth about Macedonia') popularly referred to as the *Бомби* ('Bombs') in the Macedonian press. This article has the following organization: 1) a brief description of the text and its place in the study of Macedonian and Balkan linguistics, 2) an analysis of the units *svoj* and *tugj* (this latter being the Macedonian etymon corresponding to Russian *чужой*) as they appear in the text, 3) a discussion of the use of *naš* 'our' and *niv(e) n-* 'theirs' as markers of the *svoj / tugj* opposition, 4) an investigation of the various terms for the 'Other' (e.g. *komunjari* 'commies') as well as terms that occupy a space that can be characterized as shifting between the two poles of the opposition (e.g. *indijanci* 'Indians'), 5) a concluding discussion of the *svoj / tugj* opposition in which the point is made that the 'self' in the *Bombi* has a variety of nuances, of which the core is Gruevski's immediate political circle. In terms of the *Bombi* as a Balkan text, I argue that the 'self' is deracinated while the 'other' is Balkan.

1. The Truth About Macedonia (The "Bombs")

In 2008, Kosovo became independent, Greece blocked Macedonia's accession to NATO, and a coalition of right-wing nationalist Macedonian and Albanian political parties (VMRO-DPMNE [henceforth simply VMRO] and DUI/BDI, respectively) subsequently took control of the government and

the state.¹ From 2008–2015, the Macedonian government, headed by Prime Minister and VMRO party leader Nikola Gruevski, illegally wire-tapped the telephones of 20,000 citizens, including everyone in the government itself except the Prime Minister's direct line to his first cousin, who was head of the Administration for Security and Counter-Intelligence (UBK), i.e. the secret police.² In 2015, the main opposition party, SDSM, led by Zoran Zaev, obtained the sound files and published selections of conversations held by members of the Prime Minister's government in a series of press releases entitled *Vistinata za Makedonija* 'The Truth about Macedonia' but referred to in the press as the *Bombi* 'Bombs' (Bombi 2015).³ In addition to documenting a truly breath-taking level of corruption – including violations of land use laws, election fraud, interference in the judiciary, the media, and a variety of workplaces, bribery, theft, entrapment, rape, and extra-judicial killing (on the general effects of Gruevski's despotic rule on Macedonian society see Mattioli 2016) – the transcripts provide a fascinating insight into modern colloquial Macedonian as used by educated elites in Skopje today.⁴ As such, these transcripts constitute a type of unified text where the self / other opposition is deeply implicated.

Between 9 February and 16 June 2015, SDSM held a total of 38 *Bombi* press conferences. Of these, the first was the revelation of the illegal wiretap-

¹ VMRO-DPMNE = *Vnatrešna Makedonska Revolucionerna Organizacija-Demokratska Partija za Makedonsko Narodno Edinstvo* 'Internal Macedonian Revolutionary Organization-Democratic Party for Macedonian National Unity'. The original VMRO was an Ottoman era revolutionary (or terrorist, depending on the viewpoint) organization whose name was co-opted by various Macedonian nationalist political parties after the beginning of multi-party politics in 1990. DUI/BDI = *Demokratska Unija za Integracija* [Macedonian] / *Bashkimi Demokratik për Integrimin* [Albanian] 'Democratic Party for Integration' an Albanian nationalist party that grew out of the UÇK (*Ushtria Çlirimtare Kombëtare* 'National Liberation Army') that led the 2001 Albanian insurgency in north-western Macedonia. The abbreviation is the same as that of the *Ushtria Çlirimtare e Kosovës* 'Kosovo Liberation Army' that first announced its existence by claiming responsibility for the bombing of Serbian refugee camps in Kosovo in February 1996 (OMRI Daily Digest No. 35, Part II, 19 February 1996).

² UBK = *Uprava za Bezbednost i Kontrarazuznavanje* 'Department of Security and Counterintelligence'.

³ SDSM = *Socijaldemokratski Sojuz na Makedonija* 'Social Democratic Union of Macedonia'.

⁴ The *Bombi* resulted in the resignation of Gruevski's government, the appointment of a special prosecutor, and early elections. As of this writing, the Office of the Special Prosecutor has issued 2 indictments, a warrant, and is conducting 12 investigations related to the *Bombi* (the investigations are entitled *Титаник, Тортура, Тврдина, ТНТ, Транспорт, Трезор, Таргет, Топлик, Тендери, Тарифа Тенк, and Труст*).

ping conducted 2008–2015 and the announcement that material from these wiretaps would be published. The 37th press conference provided members of the press and the NGO communities with proof that their phones had been tapped, and that documentation was given only to the affected parties and not published. The 38th press conference presented material in Albanian from the DUI allies of the ruling party. There were thus a total of 35 Macedonian-language *Bombi* made available to the public, posted on YouTube, and transcribed for various websites (Prizma 2015). This material contains almost 26 hours of conversation, totalling close to 130,000 words or almost 300 pages, from more than 80 adult speakers, of whom 14 were women and the rest men. The speakers in the published *Bombi* were all connected in some way with the ruling party, and most were educated in Skopje. As indicated above, the self / other opposition figures significantly in the “Bombs”. Moreover, the transcripts published as *Vistinata za Makedonija* constitute a thematically unified vernacular document, insofar as the speakers are all part of a particular community and the topics are all connected with the workings of government. In these senses, the *Bombi* constitute a kind of oral literature, albeit not in the ordinary sense. We have here the raw material out of which narratives can be made. Nonetheless, the *Bombi* can be said to constitute a *text* that is rich in possibilities for analysis, among which is the opposition self / other.

2. Svoj and Tugj in the *Bombi*

The occurrences of the lexical roots denoting self (one’s own) and other (someone else’s) are actually quite rare in the *Bombi*. Here is it worth noting the Balkan linguistic situation concerning *svoj*. Macedonian and some of the dialects adjacent to it show unique developments vis-à-vis the rest of Slavic, namely the limitation of *svoj* to emphatic contexts in most of Macedonian and the complete loss of *svoj* in peripheries in contact with Tosk Albanian and Greek, i.e. Boboshtica, Nestram, the Lower Vardar dialects, Thrace and much of the Rhodopes. Complete loss of the reflex of inherited Indo-European **s(e)we/o-* (*[i] vet*) is also characteristic of Tosk Albanian. While the ε in Modern Greek $\varepsilon\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ ‘[one]self’, represents the reflex of **s(e)we/o-*, Greek basically uses (mostly lexical) reflexives only as emphatics or disambiguators, a development already underway in Ancient times. On the other hand, Balkan Romance is unique in preserving traces of the Latin 3rd person/reflexive *l-/s-* pronominal opposition, but these are indeed merely traces. All of Indic replaced the reflex of **s(e)we/o-* with reflexes of *ātman* (Prakrit *atta / appa*) ‘soul, self’, and the usage of the Romani reflex, *p-*, reflects that of major contact languages, and so in Macedonia is like in

Macedonian. We can thus say that the limitation of *svoj* in Macedonian, atypical for Slavic, is a Balkanism.⁵

Turning now to the *Bombi*, in keeping with the relatively restricted use of *svoj* in Macedonian, it is quite rare in the *Bombi*: only 9 occurrences. Forms of *tugj* are even rarer: only 3 occurrences. Rarity aside, it is also interesting to look at the contexts in which these lexemes occur. In examples (1) – (4), *svoj* is purely grammatical and does not enter into the basic self / other opposition that motivates the actors in the *Bombi*. In (1), Mile is scolding an unidentified interlocutor about a Facebook “like” for an opposition politician. In (2) Zoran is complaining to Gordana about a disobedient functionary, but the use of *svoj* here is quotative and purely grammatical. In (3) Gruevski is scolding a subordinate, but the usage is basically grammatical. In (4) the referent is the topic rather than the subject of the sentence, i.e. it is the characteristics (of the items to be purchased) that constitute the topic of the sentence. Such usage occurred in the ancient Indo-European languages (Watkins 1979: 209–310), and was still present in Old Church Slavonic (e.g., *слаголаша ему ученици свои*, Mark 14: 12, Vaillant 1964: 172–173).

- (1) Изгледа многу е скапо да си отвори **свој** Фејсбук (7e.3).⁶
- (2) вика не се секирај ќе средиме сè да си дојде на **своје** место (22b.13).
- (3) Добро нејкеш да прифатиш дека и ти имаш **своја** вина, не е битно, односно не е вина, слабост е тоа, ќе се корегира тоа, не е некорегирачка слабост (34.2).
- (4) Епа они си знаат што се бара бре Кире, они треба да си видат во податоците да си ги знаат **своите** карактеристики (31.7).

In examples (5)–(9) *svoj* actually refers to the “other”. In (5) Zoran is complaining to Gordana about the behaviour of judges whom they are trying to control. In (6) Gordana is describing the actions of a doctor at the Public Hospital whom the speakers expect to control. In (7), Vančo is referring to someone whom VMRO expects to control who is not behaving as desired. In (8), Dragan is **expressing concern that someone else (their DUI allies) will get out of their control. The usage in (9) is a classic usage of *svoj*, but the referent is the Greeks as a population that needs to be manipulated by their own politicians.**

⁵ See Friedman 2012 for additional details. Note especially the example *јас сум уште кај мене на работа* (31.8).

⁶ References after examples refer to the number of the *Bomba*, if followed by a letter, the letter refers to the folder (*папка*), and the number after the period refers to the number of the conversation within the given *Bomba* or *папка*.

- (5) Да, пошто тера по **свое** (12с.5).
- (6) ...сеа пак си бута **свои** кој му текне вака непотистички... (20.12).
- (7) некако поинаку ја сватија моќта, како да ти кажам, значи сакаат се да стават под **своја** контрола, ме разбираш (22а.4).
- (8) Оти ако иде секој по **свое** нема да ја постигнеме (26.6).
- (9) Ние сме сепак независна и суверена држава и прави одредена политичка дистинкција и има уште една компонента која е географска и ја прави дистинкцијата на којашто тие инсистираат. Значи, сложено име, посложено здравје, ќе може некако да го продаде кај **своите** дома (33.2).

The lexeme *tugj* is even less frequent than *svoj*: only 3 occurrences. Each of the usages also has a different semiotic value. In (10) *tugj* refers to a generalized ‘other’ which, by the nature of its otherness, is unreliable. In (11), *tugj* refers specifically to the ‘others’ vis-à-vis the ruling party. In (12), however, the speaker is using *tugj* to refer to his own work, which is being taken advantage of by someone else. This usage is, in effect, quotative, but still here *tugj* has the value of *moj*.

- (10) СМ: Ај кога ќе. Слушај, кога ќе дојдам, да не го збориме ова, пошто сега сум ја у **туѓа** мрежа. Не знам кој ме слуша, надвор сум ја (8а.5).
- (11) ЖЛ: Па го терам уше од прошлата недела, си го терам истово што го зборевме на јавување луѓе само што не можам да ги носам ја на овакво... Не можам да дојдам да пратам луѓе... Од секое од нив имаше само од нашите кои се лоцирани и кои се **туѓи** да се сугерира дека отпуштањето на луѓе ќе бидат отпуштени ако не гласаат сега (8с.5).
- (12) ЗС: Не бива вака, земи сработи си го па кажи што сакаш да кажеш и ако се договориш, ама немој бе на **туѓ** труд (22b.13).

From these examples it emerges that as an emphatic, *svoj* is actually often used in the *Bombi* for the othering of people whom the speakers seek to control. The *Bombi* thus present *svoj* as a characteristic of outsiders versus the party’s insiders. Moreover, the semiotic antonym of *svoj*, i.e. *tugj*, is both rare, and, on occasion, is even deployed to refer to the speaker. We return to this problem in §5.

3. Ours and Theirs in the *Bombi*

In the Balkan and Macedonian context, where *svoj* has undergone significant restrictions, the quintessential expression of the collective self is *naš*. This

is seen, for example, in such pre-national names for Macedonian as *našinski* and *našta* (cf. Lindstedt 2011).⁷ In the *Bombi*, *naš* occurs a total of 205 times, of which 118 are definite and 87 are indefinite. A more detailed breakdown, however reveals some interesting patterns. Among the indefinites, the plural is the most frequent (31 times), followed fairly closely by the feminine (22 times) and masculine (21 times) with the neuter trailing significantly (12 times). It would appear that this is because *naš* in the *Bombi* most frequently refers to people related in some way to VMRO. Differences among the definite forms of *naš* are even more striking. Of the definite forms, only 39 were neutral, 79 were proximal, and none were distal. For the neutral, the plural (*našite*) accounted for 27 of the total, while for the proximal, 59 of the 79 were plural (*našive*). These data point to the affective use of *naš* in the *Bombi* as defining the group represented by the speakers in the *Bombi*, i.e. the highest levels of VMRO and, to a lesser extent, their interlocutors, against the rest, a variety of “others” (to be discussed in §4).

Examples (13)-(17) are all typical of the use of *naš* to indicate allies of the ruling elite. The people so described, however, are not actually a part of that elite. Rather, they are expected by that elite to do their bidding. Example (14) is noteworthy in its temporal reference, which is otherwise not common in the self/other distinction in the *Bombi*.

- (13) Љупка Арсениевска, претседателка на Апелација. Таа ептен **наша** е (12a.1).
- (14) Колку имаме вработено во **наше** време, во време на Тодоровиќ, во образование? (7e.3).
- (15) има и еден **наш**, тој е сопруг на директорката на затворот (11.7).
- (16) Да да ама на Жоглев му реков некни, викам не е **наша** таа.
- (17) Некои на пример од **нашиве**, Сител или Канал 5 ќе ја пушти на Иво изјавата. овој **нашиов** човек е.

Examples (18)-(20) illustrate the fact that *naš* as used in the *Bombi* is not so much a fellow group member as a subordinate group member, one who must be disciplined or otherwise manipulated.⁸ Examples (21) and (22) show the attitude of the elites to the rank-and-file, characterizing them as ‘morons’ and ‘semi-literatures’. In (23), a member of the elite is referring to policies that he is carrying out, also in disapproving terms. Example (24) is unique in that *naš* here actually does refer to Macedonians in general, but it is in the context of

⁷ See especially Herson-Finn 1996 on the deployment of *naš* as a language marker.

⁸ See also example (50).

the party elite being mistreated like other Macedonians at the Greek border. The one other ethnic reference for ‘ours’ is actually made by a DUI member in Albanian, but the usage is identical to the Macedonian translation (25).

- (18) ако се **наши** ќе ги притиснине (8a.6).
(19) Мислам они се сите **наши** и се ќе направат, ама добро е некој да ги истретира (18.8).
(20) плус и за **нашиве** да им го држат стравот (8b.3).
(21) Ја им реков абе **нашиве** се морони мислам ја не можам се да им работам (32.11).
(22) овие **нашиве** полуписмениве (24.11).
(23) Види, мене не ми се допаѓа тоа **нашето**, искрено да кажам (8a.12).
(24) СМ: Има многу ред?
ЕС: Па има, да го ебам, има странци, срби ваму таму, **наши**...сеа грциве ги пуштаат сите, **ние** други и србиве чекаме онака, разбираш, као морончиња
СМ: Срби и македонци чекаат а грци проаѓаат?
ЕС: Грци проаѓаат, и срби ги пуштаат, **нас** македонци нај на крај разбираш, у друга лента не лепат (24.30).
(25) МЦ: А **наш** ли е овој?
ББ: Турчин е (12c.2).

In both grammatical and semiotic terms, *niv(e)n-* could be expected to function as the designation of ‘other’ in opposition to *naš*. (Cf. such idiomatic English expressions as *It’s us or them*.) In fact, however, while *niv(e)n-* does have primarily this function when it occurs, it is significantly less frequent than *naš*: there are only 60 occurrences, of which the forms *nivniot* (16 times) and *nivni* (12 times) account for almost half. The remainder, in order of frequency, are *nivna* (11 times), *nivno* (7 times), *nivnata* (5 times), *nivnite* (4 times), *nivnoto and nivnava* (2 each), and *nivnive* (1 time). Other grammatical forms do not occur. Although some examples of *niv(e)n-* are purely grammatical, as in (26), the overwhelming majority refer to a political “other”. Examples (27)-(29) are typical in their use of *niv(e)n-* to refer to SDSM and their sympathizers. It is worth noting that the coarse verb *popizdele* ‘they have complained’ in example (29) is indicative of a reason why *nivna* and *nivno* have among the higher frequencies: a number of expressions referring to SDSM used by the speakers employ *majka* and *mame* ‘mother’, e.g. *mameto nivno* in (30), *mameto [...] nivno* in (31), and *Majkata [...] nivna komunistička* in (32). Examples (33) and (34) display the betwixt-and-between nature of the VMRO alliance with DUI.

- (26) Види, двајца ни требаат многу во Охрид, на место каде што имаме добар резултат, а со **нивна** помош ќе напраиме уште по-добар и ќе ни покрие некаде каде што послабо може да помине, знаеш (21.11).
- (27) Значи **нашиве** искачаат и **нивни** искачаат (21.13).
- (28) Ќе претрча некој ја не знам како им е нив составот дали се сите од СДСМ или има и од другиве партии **нивни**... (9с.3).
- (29) Попизделе комуњариве, на нетови, **нивниве** новинари (9а.2).
- (30) Тоа што ни го наместија овие, мамето **нивно** (9а.1).
- (31) Тие фаците што се фолираа сите до еден, гомнојадците, тие треба да им ги испозаториме сите кафичи, мамето да им го ебам јас **нивно** (17.8).
- (32) Ако не објават до понеделник, кажи му дека он, жената, децата, све у ендек ќе ги најдат... Мајката да им ја ебам јас **нивна** комунистичка **нивна**... педерска... (7h.12).
- (33) Премиерот бевме, а од **нивна** страна беа Абдулаќим и Муса, и Али (25.3).
- (34) Ќе се распрашам и лево-десно по пратенициве **нивни** (25.6, ref. DUI).

We can conclude this section by noting that while *naš* is clearly a marker of a kind of *svoj*, it is not exactly a collective that includes the speakers. Rather, it is a collective that, on most occasions, the speakers consider themselves above and entitled to manipulate. The only time they include themselves is when they are forced to be part of the Macedonian collective by the Greeks. On the other hand, *niv(e)n-* is always some sort of ‘other’, although it may be an allied ‘other’. The co-occurrence of vulgar language in connection with *niv(e)n-*, however, makes it clear that the speakers bear an enmity to the ‘other’ comparable to Robert Kaplan’s concept of “ethnic hatred”, only without the ethnicity (see especially example 32). This brings us to part 4.

4. Ethnonyms in the *Bombi*

In the context of the *Bombi*, ethnolinguistic and ethnonational labels frequently enter into the self / other opposition, but, as with *svoj* and *naš*, the ethnonym *makedon-* can denote a kind of ‘other’ as well as a kind of ‘self’.⁹ Before

⁹ In Macedonian, nouns denoting ethnic groups are capitalized and adjectives are not. Moreover, in some instances the bare stem can function as the masculine substantive, e.g. *Rom* but in others it must be suffixed, e.g. *Albanec*. In some instances the adjective is formed by simple suffixation, e.g. *romski*, while in others there is

turning to the ethnonyms that do occur in the *Bombi*, it is worth commenting on those that do not. It is striking, for example, that not a single reference to religion occurs in the entire text. There are no terms referring to Christians, Muslims, or Jews, including groups defined by the intersection of language and religion such as *Torbeš* or languages identified in religious terms such as *Džudezmo*. Of the titular nationalities of the Balkan nation-states (including all of ex-Yugoslavia), Slovene, Montenegrin, Bosnian/Bosniac, and Romanian do not occur. Likewise, smaller groups such as the Balkan Egyptians (*Egipkžani* and *Aškali*) and Juruks are absent. It is also worth noting that the pejorative terms *čifut-* and *cincar-* are completely absent.¹⁰ Given the crude usage of *šiptar-* and *cigan-*, as well as the literally hundreds of occurrences of the three basic Slavic obscene roots (*eb-*, *pizd-*, *kur-*), these absences are significant in terms of modern Macedonian vulgar usage. The roots *čifut-* and *cincar-* both have offensive metaphorical usages in Macedonian, but it would appear that *čifut-* has become archaic, and *cincar-* was irrelevant for the *Bombi*.

Turning now to the ethnonyms that do occur, the most common are references to Albanians (40 times) and Roms (35 times). For both these groups, there are polite and impolite terms: *alban-* (11 times) versus *šiptar-* (23 times) and *rom-* (9 times) versus *cigan-* (26 times), respectively. Moreover, the protagonists of the *Bombi* also use the term *Indijanci* to refer to Albanians (5 times), but this term is polyvalent, and can also be used for Macedonians (twice). The term *kosovarizacija* (1) also occurs in reference to Macedonian Albanians.

In general *alban-* is used in contexts where Albanian political actors are in some way useful to the speakers either as allies (35)-(36) or as a political tool (37), or as part of a larger project (38).

(35) Ахмети констатираше дека после 108 години **Албанците** го имаат Одбрана (18.2).

(36) нема шанси без **Албанци** да се победи таму (8a.8).

(37) Ќе им пуштиме муабет дека СДСМ ако добие власт, дека на **албанец** ќе го дадат Министерството (7b.1).

(38) три споменика ќе ставеле на, како се вика...на овој у Чаир. Еден македонски војвода, еден турски, еден **албански** (26.5).

morphophonemic alternation, e.g. *Grk*, *grčki*. For purposes of citation, I do not capitalize, I place a hyphen after the stem, and I use the underlying final consonant (in parentheses if it is omitted in some forms), e.g. *grk-* but *tur(k)-*.

¹⁰ Note that *cincar-* in Serbian is used neutrally for Aromanians (and *vlah-* is used for certain Romanian speakers in eastern Serbia). This is a significant difference between Macedonian and Serbian usage.

As indicated above, *šiptar-* occurs twice as often as *alban-*. In the *Bombi*, the term *šiptar-* is used for Albanians in general (39) or when defining nationality (40). Example (41) occurs in the same conversation as (38), but in (41) the speaker is speaking informally. Example (42) uses the augmentative pejorative (proximal definite) *Шиптариштатава* to refer to VMRO's DUI allies, a usage that occurs in two different conversations in the *Bombi*. The form *шипците* in (43) is a pejorative diminutive referring to rank-and-file Albanian voters on a level with Roms (and Turks).

- (39) Затворине се полни со **Шиптари**.
- (40) Ама не се **Шиптари** тие бе (28.20).
- (41) Кој приметува споменик, дали е **шиптарски**, така ли? (26.5)
- (42) **Шиптариштатава** многу ме нервираат. (32.14)
- (43) Тој, тој ги знае сите таму. Он **шипците** ќе ги собере, турците и циганите.

The use of *rom-* is limited to two expressions: *kaj romite* (6) and *romsko[to] maalo* (3). The root *cigan-* occurs with *maalo* 6 times, and otherwise most frequently in contexts where Roms are treated as voters to be manipulated (44). The root *cigan-* also occurs in offensive expressions (45)-(46). There is one occurrence of *ciganarijata* (11.10) and the word *ciganče* (47) is used in a proposal for a criminal activity (homosexual rape, 32.9)

- (44) за уши **циган** по **циган** ќе ги вадиме (7h.9 & 11.9)
- (45) Као **циган** лаже, лаже као **циган** (11.7)
- (46) **циганска** работа (6.3)
- (47) обавезно да е у келија со неко **циганче** што има хомосексуални склоности. (32.9)

One other term that belongs in this section although it is not an ethnonym is *komunjar-* ‘commie’, used for members of SDSM. As a pejorative, slang group identification, it is, in certain respects, similar to *šiptar-* only referring to a significant group of Macedonians. The stem *komunjar-* occurs 48 times, of which 37 are plural, including the pejorative plural *комуњаришта*. The similarity to *šiptar-* is increased by the fact that *komunjar-* and *šiptar-* are the only two stems in the *Bombi* that occur with pejorative plurals. It is also interesting to note that the normal term *komunist* occurs only twice, and only in obscenities in which the form *комунистичка* modifies ‘mother’ as the direct object of Macedonian’s principal obscene verb (48)-(49).

(48) Мајката да им ја ебам јас нивна **комунистичка** нивна... педерска (7h.12).

(49) Дај боже у пичку... мора да победеме 3–0 мајку да им ебем у пичка ја **комунистичка** (24.25).

As noted above *Indijanci* occurs 7 times in the *Bombi*, all as part of a single conversation. It is clear from the context that five occurrences refer to VMRO's Albanian allies while the other two refer to Macedonian allies that must be controlled (50). The usage is obviously pejorative.

(50) Со индијанциве све е во ред. Е сега со македонските [...] Со нашите македонски **индијанци**... (18.18).

Of the remaining ethnolinguistic groups, *bugarin-* and *hrvat-* (both twice, masculine singular definite) both refer to individuals who happen to be involved in business dealings with VMRO. Similarly, of the 7 occurrences of *srb-* 3 are concerned with various specific negotiations, while the other four all occur in a single passage about the abuse of Macedonians at the Greek border (example 24). The term *vlav-* occurs once, in a reference to the Kruševo Republic, referenced by Ali Ahmeti in example (10) and given here as example (51):

(51) НГ: Епа во Крушевската република на Албанец била доверена одбраната [...] А на Влав финансии (18.2).

The term *grk-* occurs 19 times in a total of four segments. One segment (24.30, 5 occurrences) is the mistreatment of Macedonians at the border (example 24), almost the only time when *makedon-* refers to a collective identity that includes the main actors of the *Bombi*. Another (25.4, 9 occurrences), involves an incident at the Macedonian-Greek border where the son of a Macedonian official on his way back to Macedonia was caught by Greek customs with cocaine, not because the Greeks were out to get him (the amount was small), but because it so happened they were cooperating with Macedonian border guards to try to intercept a large shipment and the official's son just happened to be crossing that border at that time. The third set of occurrences (33.2, 4 occurrences) is in the context of back-channel negotiations concerning the so-called name dispute in which prime minister Nikola Gruevski, his first cousin and head of the Secret Police Sašo Mijalkov, and Minister for Foreign Affairs Antonio Milošoski are discussing an upcoming meeting with two Greek representatives. As seen in example (52), Milošoski distinguishes between an *асли Грк* and someone who is *малку мешавина*. The other eth-

nicity is not specified, but the following qualifying sentence Ама, и тој е на исто мислење... could be interpreted as referring to a *grkoman*, who would be potentially more problematic than a “real” Greek.

- (52) Претпоставувам кој е, тој што е асли **Грк**, овој овој другиов е малку мешавина. Ама, и тој е на исто мислење со тој. И тој сака да биде работава. (33.2)

The one other occurrence of *grk-* is in reference to professional cooperation between security services (28.18).

The term *tur(k)-* occurs 10 times: in the collocation *турско мало* (7b.2), the usages in examples (25), (38) and (43), the exchange in (53), and four occurrences of *турчинот* as an identifier of a party member or business partner in a specific situation.

- (53) СН: [...] И сега некој Шиптар, таму не знам, може Вие да го знаете. ...
СМ: Турчин.
СН: Па Игор се вика, Игор, Македонци се. И малце сеа, Шиптари, онде на Водно, [...]
СМ: Ама не се Шиптари тие бе.
СН: Турци бе, не знам [...]
СМ: [...] Каков Шиптар, какви бакрачи. (28.20)

We have left *makedon-* for last, as its status in the *Bombi* is the most complex. It is the only ethnonational term where the speakers in the *Bombi* identify with the term, albeit on only 2 occasions (examples 24 and 52) out of a total of 28 occurrences. The examples cited above and below illustrate the main usages of *makedon-*: (1) as a group of political subordinates or as an ethnopolitical identifier (38, 50, 54 below, and most other occurrences in the text), (2) as a technical or general identifier (53 and a few other places), or, (3), as noted above, on two occasions, as a collective to which the speakers belong (24 and 55 below). In example (54) the *Македонец* is a potential political candidate (type 2) while in (55) the context is the same as (52), and here, the same speaker (Antonio) explicitly refers to himself as part of the Macedonian national collective (type 3).

- (54) Никогаш не може **Македонец**, ептен ако нема еден ултраслаб кандидат (8a.9)
(55) Значи, ако јас имам два избори: едната да биде Горна Република Македонија или на англиски Апер Репаблик оф Маседониа, и

втората да биде Индипендент Рипаблик од Маседониа во заграда Апер, јас како **Македонец**, гледано вака долгорочно би одел на втората. (33.2)

5. Conclusion

Framing this investigation in terms of concept of *модель мира* about which T.V. Civ'jan has provided so many insightful analyses, the world model of the *Bombi* in terms of the opposition *свој / чужој* is both large and small. It is large in that it has affected the fate of an entire country and millions of people (see especially Mattioli 2016), and the main actors do identify with that country and its majority ethnolinguistic group on rare occasion. It is noteworthy that both occasions that use *makedon-* as a solidarity marker are in the contexts of dealing with the Greeks. For the most part, however, *svoj, naš, and makedon-* do not refer to the speakers themselves but people to which they have some, usually superior, connection. The various terms for 'other' are even more distanced. Here it is interesting to observe that the main 'other' actors are Albanian, Romani, and "commie". These represent the people VMRO must cooperate with, the most vulnerable ethnolinguistic group whom VMRO manipulates, and the main opposition party. All three are referred to using abusive language. The other ethnolinguistic groups are basically peripheral (aside from the role of the Greeks noted above) or completely absent. Also worthy of note is the complete absence of any references to religion. It would seem that religion is not relevant to the world of the *Bombi*. That world is small in that it is controlled by a handful of people. As one of the speakers puts it:

(56) [...] ама види ние сме тие 5–6 души, озбилно ти кажувам, ја и на Мартин му викам 10 души е цел тим, [...] толку пари отидоа вработувања, привилегии, патувања по странство, [...] па 10 души... (7f.3)

As Civ'jan has pointed out, the Balkan World Model is part of a larger World Model that is in its essence a human artifact. The *Bombi* can be said to reflect the broader general World Model of any corrupt elite anywhere. At the same time, however, the *Bombi* are firmly embedded in their Balkan ethnic context. The specific linguistic usages of the aforementioned elite reveal how the uses of language both reflect and construct a model of the world in the Balkans.

Literature

- Цивьян Т.В. 1965. *Имя существительное в балканских языках: К структурно-типологической характеристике балканского языкового союза*. Москва: Наука.
- Цивьян Т.В. 1979. *Синтаксическая структура балканского языкового союза*. Москва: Наука.
- Цивьян Т.В. 1990. *Лингвистические основы балканской модели мира*. Москва: Наука.
- Цивьян Т.В. 1999. *Движение и путь в балканской модели мира*. Москва: Индрик.
- Цивьян Т.В. 2001. *Семиотические путешествия*. СПб.: Иван Лимбах.
- Цивьян Т.В. 2005. *Модель мира и её лингвистические основы*. Москва: УРСС.
- Цивьян Т.В. 2008. *Язык: Тема и вариации. Избранное*. Москва: Наука.
- Bombi. 2015. <http://prizma.mk/kompleten-materijal-od-site-bombi-na-opozitsijata/> 17 January 2017.
- Friedman, Victor A. 2012. Balkan Reflexivity: Albanian and the Balkan Linguistic League. *Studimet për nder të Rexhep Ismajlit me rastin e 65-vjetorit të lindjes*, ed. by Bardh Rugova, 275–284. Prishtina: Academy of Arts and Sciences of Kosova.
- Herson-Finn, Viktoria S. 1996. “What is Naš: Toward a Theory of Ethnolect in the South Slavic Dialect Continuum.” Ph.D. dissertation, The Ohio State University.
- Lindstedt, Jouko. 2011. Review of *Le nashta: Description d'un parler slave de Grèce en voie de disparition* by Evangelia Adamou. *Journal of Slavic Linguistics* 19.339–345.
- Mattioli, Fabio. 2016. “Losing Values: Illiquidity, Personhood, and the Return of Authoritarianism in Skopje, Macedonia.” Ph. D. Dissertation, City University of New York.
- Vaillant, André. 1964. *Manuel du vieux slave*. Paris: Institut d'Études slaves.
- Watkins, Calvert. 1976. Towards Proto-Indo-European Syntax: Problems and Pseudo-Problems. *Papers from the Parasession on Diachronic Syntax: Chicago Linguistic Society*, ed. by Sanford B. Steever, Carol A. Walker, and Salikoko S. Mufwene, 305–329. Chicago: Chicago Linguistic Society.

ACKNOWLEDGEMENT

The basic research for this article was conducted while I was an honorary visitor at the Center for Research on Language Diversity, La Trobe University.

Т.А. Михайлова, М.П. Одесский (Москва)

ЗАЛЕСЬЕ И СИНЕГОРИЯ: ОБРАЗ БАЛКАН В ТВОРЧЕСТВЕ БРЭМА СТОКЕРА

Брэм Стокер считается автором «одной книги». Действительно, его роман не только получил признание сразу после публикации в 1897 г., но и был переведен затем на множество других языков, продолжает переиздаваться, исследоваться и был неоднократно экранизирован.

Однако роман «Дракула» – не единственный роман Стокера, хотя остальные даже отдаленно не могут приблизиться по своему литературному уровню и по умению держать читателя в постоянном напряжении к «Дракуле». До этого Стокер уже выпустил сборник сказок «Перед заходом солнца» (1882), действие которого происходит в вымышленной Стране-на-Закате, романы «Тропа змей» (1890), ряд рассказов и публикаций о театре. Но успехом они не пользовались, к сожалению – заслуженно. Возможно, высокий повествовательный уровень «Дракулы» был обусловлен некой иррациональной вспышкой гениальности, которые история культуры знает достаточно. На уровне рациональном, как нам кажется, успех романа был вызван, с одной стороны, тем, что его автор уже имел некий литературный опыт. С другой, роман писался очень долго, почти семь лет, и явился плодом тщательной подготовительной работы. С третьей стороны, видимо, удачным оказался примененный Стокером прием – текст складывается из псевдо-объективных свидетельств: писем, дневниковых записей, даже телеграмм, что в целом создает полиаспектный фокус изображаемого и полифоническое звучание повествования. И это создает одновременно впечатление объективности и правдоподобия в сочетании с остраненной наивностью.

Основное действие «Дракулы» происходит в Англии. В начале в прибрежном городке Уитби, где Стокер провел лето 1890 г. и где он и начал работу над романом, затем – в Лондоне. Но как рамочная конструкция в повествование вставлены «балканские главы»: его монстр, порождение мира природы, попадает в мир цивилизации, которая при помощи открытий в области психологии, медицины и техники, а также – научного осознания феномена «вампиризма», исторгает его из себя как инородный элемент. Покинув Балканы, Дракула оказывается обреченным на поражение, но и в своей «природной» среде он уже разоблачен: представители «цивилизации» вторгаются в его мир и – добивают.

Прием противопоставления природы – цивилизации предстает одновременно и как уже испробованный (например, в образе дикаря философских повестей), и как новаторский (в том, что касается расстановки приоритетов). Так, в повести А.К. Толстого «Семья вурдалака» также изображено противопоставление природы (народные обычаи и суеверия Балкан) и культуры/цивилизации (сочетание либертинизма, храбрости и религиозности французского офицера), но основное действие в нем не выходит за пределы неопределенной территории, находящейся под властью «молдавского господаря», которую по необъясненным автором причинам Горча и другие вурдалаки покинуть не могут¹.

Столкновение природы и культуры описано и в романе, который для Стокера может быть назван прецедентным, хотя сюжетно он с «Дракулой» не имеет ничего общего². Это роман Шеридана Ле Фаню «Кармила» (1871). На этот раз ареной развития сюжета оказывается Штирия – лиминальная зона между цивилизованной Западной Европой и дикой – Восточной. Оппозиция дана уже на первых страницах книги: «Люди мы вовсе не знатные, но в Штирии жили во дворце, а вернее сказать в замке. Жизнь тут недорогая. И здесь в *зброшенных, пустынных краях*,³ где все так сказочно дешево, я даже и не понимаю, зачем нам были бы еще деньги и что бы мы на них купили» (Ле Фаню 1993: 7). Именно там, согласно первоначальному плану и должно было происходить действие задуманного Стокером романа «Граф Вампир». Но под воздействием романтического слова Transilvania он решил перенести героя в эту страну-за-лесом и затем как-то соотнести его с подобием местных исторических достопримечательностей.

В «Кармилле» английской цивилизации противостоит не только натуральное хозяйство местных деревень и их суеверия. В повести противником живых людей оказывается графиня Карнштейн – последний представитель знатного рода, якобы умершая в 1698 году. То есть – возникает оппозиция: настоящее – прошлое, причем развалины замка предстают как лиминальная зона между эпохами. Аналогичное

¹ Повесть А. Толстого Стокер читать не мог, так как, написанная по-французски в 1839 г., она впервые увидела свет в русском переводе только в 1884 (перевод Б. Маркевича, «Русский вестник»). Французский оригинал был опубликован только в 1950 г. Однако ряд сюжетных параллелей предполагает «носящиеся в воздухе» мотивы.

² Естественно, Стокер в своей работе опирался на уже достаточно богатую и разветвленную литературу «вампиризма», писать о которой подробно мы не имеем возможности. См. об этом в (Михайлова 2012) и (Одесский 2005).

³ Курсив наш.

противопоставление мы находим и в «Дракуле»: валахский господарь Дракула, якобы погибший в бою с турками в конце XV в., не только оказывается «не мертвым» – его замок⁴ это лиминальная зона между современным миром и миром истории, но той истории, которую хотел видеть английский читатель.

Самое важное, что Стокер ничего не знал о репутации Дракулы как Влада Прокальвателя. Пользуясь в качестве основного источника книгой У. Вилкинсона «Описание господарей Валахии и Молдавии», вышедшей в 1820 г. (Wilkinson 1820), Брэм Стокер видел в Дракуле лишь героического борца с турками (правда, его имя переведено как «дьявол»).

Другой интересной чертой изображения Балкан в «Дракуле» оказывается полное нежелание следовать исторической, географической, этнографической и этнической реальности. Балканы предстают как плавильный котел этнических групп – валахи, потомки даков, мадьяры и секлеры, потомки гуннов, саксонцы, призванные из-за Рейна, а также словаки и цыгане, изображенные как кочевники и находящиеся с Дракулой в странном союзе. Роман в целом, как пишет один из исследователей (Lucendo 2009: 121–122) пропитан духом превосходства англо-саксонской расы, что в целом может быть объяснено не только личным взглядом Стокера (кстати – ирландца), сколько горизонтом ожидания его аудитории (кроме Вилкинсона, см. также, например тенденциозное описание населения Балкан в (Johnson 1885)).

И уж совсем незначительными предстают гастрономические детали: румыны в Залесье едят паприкаш и пьют токай.

Совершенно иным предстает мир Балкан в романе «Леди в саване» (1909), где действие происходит в вымышленной стране Синегории, помещенной на Адриатическом побережье Балканского полуострова – по пути «из Триеста в Дураццо».

«Леди в саване» – тоже вампирический роман, в котором автор вновь обращается к отработанному приему смешения писем, дневников и проч. Однако Стокер явно желал избежать самоповторов: в «Дракуле» вампир – кошмарный враг, в «Леди в саване» – союзник; в «Дракуле» вампиры – сверхъестественная реальность, в «Леди в саване» – объект политической мистификации; в «Дракуле» Западный мир ответил на вампирическую угрозу белой магией, в «Леди в саване» – наукой (неординарно понятой).

Главный герой – англичанин Руперт Сент Леджер – вместе с представителями местной элиты возглавляет национально-освободительную

⁴ В реальности – никогда не существовавший.

борьбу против турок, становится счастливым отцом, коронуется монархом благодарной страны, перед лицом австро-венгерской опасности («Австрия – у наших ворот») и при осторожном невмешательстве России (но с помощью Англии и в присутствии английского короля) инициирует Балку – конфедерацию Балканских стран. Последнее событие (которое завершает роман) датировано 1 июля 1909 г., т.е. близким политическим будущим.

Таким образом, если в «Дракуле» борцы с вампиром защищают цивилизацию от вторжения пугающей природы, то теперь они вторгаются в «природный» мир Балкан и преобразуют его. Оно и понятно. В начале XX в. народы Македонии и Албании активизировали борьбу против османского владычества, а кроме того, сформировались глобальные военные блоки Германия / Австро-Венгрия и Россия / Франция, причем Великобритания неуклонно дрейфовала ко второму. Новое соотношение сил обнаружилось в балканском кризисе 1908–1909 гг. (когда собственно происходит действие в романе). В июне 1908 г. Россия и Англия совместно попытались добиться от Османской империи автономии для Македонии: в Ревеле состоялась эпохальная встреча Николая II и Эдуарда VII, которые выработали общую линию по македонскому вопросу⁵. Вскоре ситуация усложнилась. В июле 1908 г. нажим великих держав и полемика о вестернизации спровоцировала революцию младотурков и свержение султана. Воспользовавшись турецкой смутой, австрийский министр иностранных дел А. фон Эренталь 7 октября 1908 г. объявил об аннексии ранее оккупированной территории Боснии и Герцеговины. В общем, Балканы стали основной новостной темой.

Во втором вампирическом романе Стокера Балканы увидены не только в перспективе «романа ужасов», но и в перспективе политической утопии с элементами фантастического сценария будущего и научной фантастики. Там не только процветает могущественная конфедерация, но она вооружена воздушным флотом, о котором радеет Руперт – англичанин и балканский монарх. Это – вполне в духе Г. Уэллса. Е.И. Замятин в статье об Уэллсе (1922 г.) напористо акцентировал значение темы авиации для творчества английского фантаста и вообще современной литературы: «А в 1908 году, когда еще никому не приходило в голову всерьез говорить об европейской войне, – он в безоблачном как будто небе уже разглядел небывалые, чудовищные грозовые тучи. В этом году он написал свою “Войну в воздухе”. <...> Аэроплан – в этом слове, как в фокусе, для меня вся современность, и в этом же слове – весь Уэллс,

⁵ См. подробнее: (Ямбаев 2003).

современнейший из современных писателей» (Замятин 1990: 301–302). Одновременно с Уэллсом и Стокер указал на грядущее значение авиации, но для нашего исследования показательным, что территорией этих футурологических видений оказались Балканы.

Литература

- Замятин 1990 – *Е.И. Замятин*. Герберт Уэллс // *Замятин Е.И.* Избр. произв.: В 2 т. М., 1990. Т.2.
- Ле Фаню 1993 – *Ш. Ле Фаню*. Кармила. Пер. В.Муравьева // *Любовник-фантом II*. Сост. И. Васильевой. М.: Квадрат, 1993.
- Михайлова 2012 – *Т.А. Михайлова*. Абразам Стокер: лаборатория вампиризма // *Лэди в саване*. / Сост. М.Одесского и Т.Михайловой. М.: Энигма, 2012.
- Одесский 2005 – *М. Одесский*. Явление вампира // *Дракула*. Сост. М. Одесского. М.: Энигма, 2005.
- Ямбаев 2003 – *И.М. Ямбаев*. Македония в 1878–1912 гг. // В «пороховом погребке Европы»: 1878–1914 гг. / Отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик. М., 2003.
- Johnson 1885 – *M. Johnson*. On the track of the crescent. London, 1885.
- Lucendo 2009 – *S. Lucendo*. Return ticket to Transylvania: Relations between historical reality and vampire fiction // *Draculas, vampires, and other undead forms. Essays on gender, race, and culture* / Ed. by J.E. Browning, C.J. (Kay) Picart. Lanham; Toronto; New York; Plymouth, 2009.
- Wilkinson 1820 – *W. Wilkinson*. An Account of the Principalities of Wallachia and Moldavia. London, 1820.

Денс Диминьш (Рейкьявик / Рига)

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС
В РОМАНЕ МИЛЕНА РУСКОВА «ВЪЗВИШЕНИЕ» –
ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО ОРИГИНАЛА
И ЛАТЫШСКОГО И АЛБАНСКОГО ПЕРЕВОДА)

Роман М. Рускова «Възвешение» (2011), посвященный периоду болгарского Возрождения, – одно из самых интересных болгарских литературных произведений последних лет. В Болгарии роман получил Национальную литературную премию им. Христо Данова (2012) и награду «Златен век» от Министерства культуры (2012), а в 2014 году Литературную премию Европейского Союза. Любой перевод есть новое прочтение текста. Безусловно, роман Рускова – балканский текст, его албанский перевод (сделанный Миленой Селими и опубликованный в Тиране в конце прошлого года) можно интерпретировать как взгляд изнутри Балкан, а латышский перевод, который сделан автором настоящего доклада и находится в процессе издания – взгляд извне (пусть и из другого архаичного региона Европы, балтийского, ср., впрочем, работы, в которых постулируется балто-балканский ареал, напр. Раз-аускас, Цивьян 2005).

Болгарское национальное Возрождение представляет собой смену парадигмы власти и стремление освободиться от предшествующих правящих структур, в частности, достичь культурной и политической независимости от Османской империи. Оно увенчивается созданием болгарского государства в 1878 г. Этот общеизвестный исторический материал неоднократно служил источником литературного вдохновения таких классиков болгарской литературы как Христо Ботев, Иван Вазов и Захарий Стоянов; казалось бы, тему на этом можно было бы считать закрытой, так как любое новое произведение о Возрождении неизбежно сравнивалось бы с классикой и скорее всего в этом сравнении проигрывало бы. На этом фоне М. Русков показывает, что о Возрождении не только можно говорить вновь, но и сказать при этом нечто новое.

Роман написан целиком от первого лица, а его язык комбинирует элементы нескольких разных диалектов. Действие романа происходит

в 1872 г., т.е. в поздний период болгарского Возрождения (накануне освобождения Болгарии в 1878 г.), однако через серию аллюзий и цитат в текст включены разные эпохи исторического прошлого Балкан.

Деконструкция постколониального дискурса в Западной Европе заявляет о себе в 50-е и 60-е годы XX века, а ее главными теоретиками являются Эдвард Саид, Гайатри Спивак и Хоми Баба. Первый – блестящий культуролог, автор знаменитой книги «Ориентализм» (Саид 2016), обвиняющей западную науку в духовном оправдании колониализма. Литературовед, марксистка индийского происхождения Спивак (Spivak 1988) и пост-структуралист, также индиец, Баба (Bhabha 1994) играют ведущую роль в кодификации постколониальной теории в англо-саксонском литературоведении. При классическом раскладе доминируют над другими или подавляют их западные / европейские страны (такова ситуация в Африке, Азии, Латинской Америке). Случай Болгарии (и других балканских стран) отличается тем, что доминирует Восток (Османская империя), однако не над Западом, а над Балканами, регионом, чью географическую ориентированность и соотношенность с макрорегионами трудно определить (см. один из последних опытов выделения доминант и границ Балканского полуострова в Соболев 2013). Но в любом случае мы имеем дело с прямой зависимостью, которая создаёт дисбаланс в политическом, экономическом и идеологическом плане. Постколониальная теория стремится устранить этот дисбаланс и исправить ситуацию. В контексте книги Рускова самое интересное, на мой взгляд, это рассмотреть способ мышления, который отделяет колонизатора от зависимых народов. В чем же состоит отличие, как определяют себя болгары, герои литературного пространства Рускова, и сколько в них исторически утвержденного, основанного на фактах? Болгарское Возрождение в интерпретации Рускова, как кажется, воспроизводит традиционную виктимизацию подчиненных народов (приобретение статуса потерпевшего или пребывание в статусе жертвы) и также вводит традиционный великий нарратив, дихотомию «нас» и «других», что, по утверждению Г. Спивак, только гомогенизирует и укрепляет позиции колонизатора.

Знаки колониального дискурса встречаются на разных уровнях и создают немалые трудности для переводчика. Язык Рускова чрезвычайно сложный, диалектный, в нем много архаизмов, этнографической и локальной лексики; упоминаются персоналии (деятели революционного движения и пр.); встречаются реалии, топонимы, шутки, игра слов и ругательства, значение которых в наши дни не всегда понятно даже носителям болгарского языка.

Среди знаков колониального дискурса в романе Рускова отметим прежде всего турцизмы (им посвящена огромная литература в области балканского языкознания, см. Стаменов 2011; Xhanari et al. 2015; Schaller (в этом томе)). Турецкий – язык колонизатора, и как язык престижа он символизирует колонизаторскую власть.

В албанском языке имеется соответствующий лексический пласт, средства которого активно используются в переводе.

- (1) Асенчо вика “**Ашколсун, ашколсун**”, но го виждам аз, че малко с една задна мисъл ма възприема (Русков 2011:16).
Asenço thotë “**Ashkolsum, ashkolsum**” **bravo, bravo**, por unë e shoh se pak si me rezervë po më pranon (Ruskov 2016: 12).
Asençs nokliedzās “**Aşk olsun, aşk olsun!**” * Tomēr es redzu, ka viņam vēl ir kaut kas padomā, iespējams, kāda viltība (Ruskov (в печати)).
В албанских словарях слова **Ashkolsun** нет, поэтому переводчица сочла необходимым добавить перевод. В латышском переводе для передачи этого слова я счел необходимым добавить сноску:

- (1a) * Turku val., burt. ‘lai būtu mīlestība’, šeit drīzāk: ‘bravo!’. [турецк. дословно ‘пусть будет любовь’, здесь скорее всего: ‘браво!’]

В некоторых случаях в латышском дается транскрипция или звуковая имитация, если по смыслу имеется сходное с оригиналом латышское слово, в албанском же иногда существует подходящий турцизм:

- (2) Искахме някой **тюфек** (пушка) да земем, не че ни тряба, но нали ся тук произвеждат, ти можеш в Сливен намери много хубави тюфеци на **бая** добра цена (Русков 2011:29).
Donim tē bliņim ndonjē **dyfek**, jo se na duhet, por meqē prodhohen kētu, mund tē gjesh shumë dyfekē tē mira nē Sliven, me çmim **bajagi** tē mirē (Ruskov 2016:22).
Meklējām, vai nedabūsīm kādu **ķufeku*** (stroķi), mums tak vajag, un vai tad šeit neražo, biju dzirdējis, ka Slivenā varētu dabūt ļoti labus ķufekus par **baigi** labo cenu. (Ruskovs (в печати)).

Сноска в латышском переводе:

- (2a) * Turku val. *tüfek* ‘ierocis’ [турецк. *tüfek* ‘оружие’].

Здесь турецкое наречие *bayağı* ‘viel, ziemlich, ganz schön’ (Кiyıgı 2003, 116) передано латышским словом разговорного регистра *baigi* (‘очень’). Слово *kuŕfeks*, конечно, не латышское и выбрано для колониального колорита, также как, следует предполагать, использовано слово *тюфек* в болгарском. Следует отметить, что автор книги счел необходимым дать перевод турцизма на болгарский (*пушка*), так как, видимо, оно непонятно носителям болгарского языка.

Вместо турцизмов в латышском переводе возможно также использовать русские слова, т.к. русский язык в Латвии многие рассматривают как элемент постколониального дискурса (Латвия была включена в состав Российской империи, а затем и Советского Союза).

- (3) – Бе знам ли та – рекох му аз. – Туй Асенчо е малко циганско име. Да не земеш накрая ся оказа някой жеруненский **мангал**. (Русков 2011:20–21).
Nga ta di unē se ç’je – i thashē. Ky emēr ēštē pak emēr jevgu. Mos del nē fund se je njē **evgjīt** nga Zheruna. (Ruskov 2016: 15)
– Ko es zinu, – es taisnojos, – tak Asenčs drusku ir čigānu vārds. Izrādīsies, ka esmu beigu beigās esmu savācis sev kaut kādu **čurku**.* (Ruskovs (в печати)).

Сноска в латышском переводе:

- (3a) Turku val. *mangal* ‘ogle’, slenga apzīmējums čigāniem, sal. arī jaungrieķu *máγκas* ‘blēdis’, ‘dauzoņa’, ‘huligāns’. [тур. *mangal* ‘уголь’, сленговое обозначение для цыган, ср. также новогр. *máγκas* ‘хитрец’, ‘плут’, ‘ловкач’].

Следует обратить внимание, что в болгарском оригинале речь идет про рома, а в албанском – про т.н. египтян, совсем другую группу цыган (стратегия доместикации, адаптации или культурного фильтрования, ср. Chesterman 2016:104: «This strategy (..) describes the way in which SL (source language) items, particularly culture-specific items, are translated as TL (target language) cultural or functional equivalents, so that they conform to TL norms. The opposite procedure, whereby such items are not adapted in this way but e.g. borrowed or transferred directly, is thus exoticization, foreignization or estrangement.» Слово *Evgjīt* в *Fjalor i gjuhës së sotme shqipe* объясняется как «pjesëtar i një grupi banorësh të disa qyteteve të vendit tonë e të vendeve të tjera të Ballkanit, prejardhjen e të cilëve populli e lidh me Egjiptin», а в словаре Ньюмарка как „settled gypsy“ (Newmark 1998:207).

Приведу пример с двумя интересными фактами в одном предложении, где специфическое болгарское фольклорное явление, требующее пояснений, сочетается с крайне вульгарной лексикой:

- (4) Ой та, Бабо Марто, **да ти иба майката и на тебе!** Днеска Марта ся начена, и ний продължаваме към Сливен, а време ся чудовищно влоши! (Русков 2011:25).
O, ti, Mars, **të qifsha nenën edhe ty!** Sot nisi marsi dhe ne vazhdojmë drejt Slivenit, por koha u keqësua tmerrësisht! (Ruskov 2016:19)
Martasieva,* **jopcik!** Šodien sākas marts, un mēs turpinām ceļu uz Slivenu, tak laiks ir kļuvis vājprātīgi slikts! (Ruskovs (в печати)).

Сноска в латышском переводе:

- (4a) *Oriġ. *Баба Марта*, tautas demonoloģijas personāžs, ko saista ar martu. [В ориг. *Баба Марта*, персонаж народной демонологии, которое связывается с мартом.]

При переводе на латышский используется русскоподобное ругательство с корнем *jop-*. Случай ругательств русского происхождения в латышском интересен и тем, что они утеряли связь с русским языком и живут своей собственной жизнью (я предполагаю, что латыши младшего поколения, которые уже не владеют русским, даже не воспринимают это слово как иноязычный элемент). В албанском сохранено ругательство, но опущена ссылка на болгарский фольклор.

Автор албанского перевода вообще не дает сноску и дополнительной информации о турцизмах и других колониальных маркерах и таким образом не полностью передает значение текста. Например, я не думаю, что в Албании (и в Латвии) есть много читателей, которые знают турецкие названия болгарских городов, например, что такое “Русчук” (Русков 2011: 29). В албанской версии транскрипция *Ruščuk* (Ruskov 2016: 22) не устраняет неопределенность значения, то есть не дает необходимой информации. Но, с другой стороны, наличие ссылок затрудняет чтение и создает дополнительный барьер между текстом и читателем, отчуждая его сверх меры. Так что и способ перевода без ссылок имеет право на существование.

Колониальная многопластовая реальность (гибридность, см. подробнее Bhabha 1994: 245–282) и мифы османской Болгарии отражаются в системе ценностей, в психологии и мировоззрении персонажей романа Рускова, которые не всегда ясны и понятны современному читателю. Перевод

может стремиться перекинуть мост между культурами и временами, но в конечном счете он всегда представляет собой взгляд извне, даже если это перевод на географически близкий язык, каким является для романа Рускова албанский; и это совсем не удивительно, так как и сами культуры в некотором смысле избегают друг друга, чтобы быть самими собой, сохранять идентичность, что является гарантом разнообразия.

Литература

- Разаускас, Цивьян 2005 – Д. Разаускас, Т.В. Цивьян. Из мифологического бестиария: *еж* в космогонических преданиях (балто-балканский ареал) // Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф, текст. Санкт-Петербург: Наука, 2005. С. 197–231.
- Русков 2011 – М. Русков. Възвишение. Пловдив: Жанет45, 2011.
- Стаменов 2011 – М. Стаменов. Съдбата на турцизмите в българския език и в българската култура. София: Изток-Запад, 2011.
- Соболев 2013 – А.Н. Соболев. Основы лингвокультурной антропогеографии Балканского полуострова. Том I. Homo balcanicus и его пространство. Санкт-Петербург: Наука; München: Verlag Otto Sagner, 2013.
- Саид 2016 – Э. Саид. Ориентализм. Западные концепции Востока (Пер. с англ. А. В. Говорунова), изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Русский Мир, 2016.
- Amoko 2013 – А. Amoko. Race and postcoloniality. The Routledge Companion to Critical and Cultural Theory. Malpas, Simon and Wake, Paul (eds.). New York and London: Routledge, 2013. С. 131–143.
- Bhabha 1994 – H.K. Bhabha. The Location of Culture. New York and London: Routledge, 1994.
- Blumczynski 2016 – P. Blumczynski. Ubiquitous Translation. New York and London: Routledge, 2016.
- Chesterman 2016 – A. Chesterman. Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory. (Revised edition, first published 1997) Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins B.V., 2016.
- Crownshaw 2013 – R. Crownshaw. Trauma studies. The Routledge Companion to Critical and Cultural Theory. Malpas, Simon and Wake, Paul (eds.). New York and London: Routledge, 2013 // 167–176.
- Fjalor 2017 – Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Доступен: <http://www.fjalori.shkenca.org/>
- Kıyıcı 2003 – O.N. Kıyıcı. Pons Kompaktwörterbuch Türkisch-Deutsch, Deutsch-Turkish. Stuttgart: Ernst Klett Sprachen, 2003.

- Newmark 1998 – *L. Newmark* (ed.). *Albanian-English Dictionary*. Oxford: Oxford University Press, 1998.
- Ruskov 2016 – *M. Ruskov*. *Lartësi / Пер. с болг. Milena Selimi*. Tiranë: Albas, 2016.
- Ruskovs 2017 – *M. Ruskovs*. *Virсотne*. (Пер. с болг. Dens Dimiņš), Rīga: Mansards (в печати).
- Spivak 1988 – *G. Spivak*. *Can the Subaltern Speak? Marxism and the Interpretation of Culture*. Columbia University Press, 1988.
- Xhanari et al. 2015 – *L. Xhanari (Latifi), A. Derjaj, U. Harri, J. Ilhan*. *Bibliografi V. 1. Studiuesit shqiptarë për marrëdhëniet gjuhësore, letrare, historike, kulturore, etnografike, arkitekturore, fetare, etj. mes Shqipërisë dhe Turqisë ndër shekuj*. Tiranë: Fan Noli, 2015.
- Schaller (в этом томе) – *H. Schaller*. *Turkish influence on Balkan languages: the case of Bulgarian*.

Ф.А. Елоева (Санкт-Петербург)

ОТ БАЛКАНСКОГО ТРАВЕЛОГА К БАЛКАНСКОМУ
ТЕЗАУРУСУ. ПУТЕШЕСТВИЕ В АД У ИСМАИЛЯ
КАДАРЕ И ОППОЗИЦИЯ СВОЙ / ЧУЖОЙ
У ГЕОРГИЯ ИОАННУ

В настоящем сообщении я рассмотрю два важных эпизода в естественном движении от балканского травелога к балканскому тезаурусу. Для сопоставления были выбраны два известных балканских писателя, при этом Исмаиль Кадаре (род. в 1936 г.) фактически открыл Албанию для мировой литературы, а Георгий Иоанну (1927–1985) по-новому раскрыл феномен Салоник греческой читающей публике.

В своих эссе Исмаиль Кадаре несколько раз высказывает мысль о том, что первыми писателями в истории человечества были, собственно, путешественники – и, соответственно, началом литературной истории человечества являются первые рассказы о путешествиях.

При этом очевидно, что для первых путешественников любое путешествие могло превратиться в спуск в потусторонний мир, в ад – *στον Κάτω Κόσμο* ‘нижний мир’. С другой стороны, фактически невозможно отличить фантастическое путешествие от реального, поскольку любой выход за пределы собственного привычного мира окутывается флером фантазии.

Для Исмаиля Кадаре, писателя, создавшего в своих романах свою собственную Албанию, ставшую для западного читателя во много раз реальнее, чем действительная Албания, свойственен отстраненный и, на первый взгляд, холодноватый взгляд извне – это взгляд постороннего наблюдателя, хотя при ближайшем рассмотрении становится понятно, что читатель имеет дело с искусной стилизацией, и что на самом деле рассказчик является уроженцем Балкан.

Уже в своем первом романе «Генерал мертвой армии» (1964), мгновенно получившем международную известность, Кадаре изображает свой родной мир как холодное, малообитаемое, мрачноватое пространство (сам Кадаре заметил однажды, что в своих произведениях понизил среднюю годовую температуру Албании на несколько градусов), Албания Кадаре – это мир затерянных селений и неприступных гор, где постоянно идет дождь. Генерал неназванной армии приезжает в Албанию в поисках

останков воинов, погибших там во время Второй мировой войны. Роман Кадаре поразительно выделялся на фоне тогдашней албанской прозы, следовавшей канонам советского соцреализма.

Представляется, что путешествие в Албанию итальянского генерала можно сравнить со спуском героя в подземный мир, рассказчик постоянно переключает повествование в метафизический план, некоторая условность и схематичность образов и установка на параболичность подчеркивает нереальность происходящего. При этом интересен двойной эффект нарративных стратегий Кадаре – его первый роман мгновенно завоевывает европейского читателя, однако кажется, что он всячески форсирует эффект остранения – родной мир представляется странным, отчужденным, диахроничным и окутанным мифологической дымкой.

Георгий Иоанну – писатель, открывший греческому читателю свои собственные Салоники. Он ушел из жизни 30 лет назад, но его известность постоянно растет в Греции. Можно утверждать, что в рамках греческого языкового континуума писатель выступает создателем собственного художественного языка,

Его язык скорее соответствует параметрам «прозы поэта», сформулированным Р. Якобсоном. Эллиптичность и недосказанность его прозы, необычные ассоциативные ряды, неожиданные нарушения временной последовательности затрудняют определение жанровой принадлежности его стиля. Критик Насос Вагенас предложил обозначить стиль Иоанну как «поэтический реализм».

Обстоятельства жизни Иоанну ничем особенным не примечательны и весьма типичны для Салоник, города, который он воспел и подверг изощренной мифологизации (через призму собственных переживаний и собственной биографии). Он родился в семье беженцев из турецкой Фракии, вырос в Салониках, пережил войну и немецкую оккупацию, закончил университет, некоторое время работал лектором на кафедре древней истории Философского факультета, затем учителем в школе, и параллельно писал (сначала стихи, позже – прозу), а потом переехал в Афины, где внезапно умер.

Кажется, что единственным внешне драматическим событием в частной жизни зрелого Иоанну (юность его пришлась на трагический период греческой истории, он стал свидетелем еврейского Холокоста в Салониках и отзвуки этой трагедии слышатся практически во всех произведениях писателя), стала публично высказанная и резко негативная оценка его творчества одним из ведущих греческих литературоведов, признанным мэтром греческой словесности Димитрисом Маронитисом.

В сущности, это все, однако при всей внешней незатейливости материала, проза Иоанну оказывается предельно биографичной, в ней многое построено именно на обстоятельствах жизни автора, но временами в его биографические и даже местами документальные тексты вплетаются пестрые нити вымысла, и тексты Иоанну начинают звучать как сюрреалистическая поэзия.

В докладе будет показано, каким именно образом Иоанну пользуется техникой противопоставления «свой-чужой», описывая трагическую историю еврейской общины Салоник. Возвращаясь к воспоминаниям детства, через воспоминания, связанные с трагической историей соседского еврейского семейства, Иоанну фактически приходит к осознанию самого себя и своей идентичности.

Выбор писателей и произведений для выявления оппозиции травелог / тезаурус был осуществлен совершенно сознательно. В случае Кадаре идея путешествия, спуска в Нижний мир, некую Валгаллу, где в ожидании находятся павшие в битве воины, не связана напрямую с концепцией христианского ада, окончательно оформленного в работах Августина. Однако очевидно, что речь в данном случае идет о холодном и любопытном взгляде постороннего наблюдателя. Это прием, которым неизменно пользуется Кадаре – кажется, что на современную ему Албанию он смотрит глазами пришельца.

Иоанну использует диаметрально противоположную тактику – диалектика взаимопроникновения своего и чужого позволяет впервые «увидеть» истинную реальность. Ассоциируя себя с погибшим в печах немецкого лагеря еврейским мальчиком-соседом, создавая ощущение почти кровной связи с этим героем своих детских воспоминаний, Иоанну впервые нащупывает контакт с реальностью, обретает себя.

Т.В. Цивьян (Москва)

ОТ БАЛКАНСКОГО ТРАВЕЛОГА К БАЛКАНСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Движение – один из главных признаков жизни и необходимый элемент *физического* существования человека (оппозиция *движение / неподвижность* соответствует оппозиции *жизнь / смерть*). Передвижения в пространстве были заложены в архетипический сценарий жизни человека с первых времен. Охотники и собиратели, по сути, – первые путешественники – по практической необходимости; см. еще номадизм, связанный прежде всего с пастушеством (передвижения под водительством *вадемекума-пастуха/пастыря*), великие переселения народов, войны, движение по торговым путям и т. д.

На достаточно раннем этапе изначальное правило, которое (перефразируя известную поговорку) можно сформулировать как *«dum moveo spiro / dum spiro moveo»*, становится мощным стимулом жизни *духовной*. «Прагматическое» движение переходит в область ноосферы. Культурная/духовная («бескорыстная») составляющая движения развивается параллельно прагматической, и в основе этого развития лежит оппозиция *свой / чужой*. Движение становится *путешествием* как таковым, и целью его становится получение информации о новом, о чужом, о «неслыханном» в прямом и переносном смысле – т. е. об *ином*.

Путешествие дает прекрасную возможность усвоения себе *иного*: отрицательное (опасное) *чужое* может оказаться положительным, в любом случае, интересным своей новизной и непохожестью, более того, *чужое* может превратиться в *свое* (или в *чужом* можно узнать *свое*). Встреча, знакомство, узнавание (в обоих смыслах) = признание *другого* приобретают самостоятельную ценность, взаимно обогащая «движущиеся»/встречающиеся стороны. Так параллельно вырабатываются ампула «культурного путешественника» и жанр травелога. В определенном смысле полем для реализации этих ампула и травелогов становятся научные экспедиции, полевые исследования, конференции с обсуждением полученных данных (в частности, наши Балканские чтения) и т. п.

Балканское пространство пронизано дорогами и пронизано движением. Об этом написано и пишется много (в частности, и автором тезисов). Именно дороги, разделяя пространство, объединяют его, помогая увидеть

за разницей общность. Одно из результирующих свидетельств этому – уже укоренившийся термин («персонаж») *homo balcanicus*, «спаянный» из сохраняющих в неприкосновенности свою индивидуальность *homines balcanici*.

Движение, путешествие может, как кажется, стать одной из основных и организующих единиц (предложенного нами) Балканского тезауруса (см. Балканские чтения 13). Материал для анализа и описания необозрим и бесконечен.

Но в данном случае хотелось бы обратить внимание на ту сторону «балканских путешествий», которая, в общем, остается в тени. Это путешествия ученых не-балканского происхождения (прежде всего лингвистов), чьи путевые наблюдения (взгляд извне), собственно, и положили начало науке «балканистика», основу которой составляла лингвистика, т.е. наблюдения над языком. Были ли это «путешествия ради путешествия», диктовались ли они научными целями, служебными обязанностями или жизненными обстоятельствами, но профессиональный взгляд ученого фиксировал в пестроте и непохожести балканского мира сходства, прежде всего, языковые.

Приведем здесь лишь несколько имен «путешественников», которые расставили первые балканистические вехи, имена первых *балканистов*, которые органично включили свои впечатления от путешествий по Балканам в научную интерпретацию общепалканистических сходжений в самом широком (не только в чисто лингвистическом плане).

Предтечей балканистики называют «путешественника» И.Э. Тунманна (1746–1778), чьи «*Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker*» (1774) современный исследователь называет «a rather abstruse dissertation dedicated to exploring the linguistic similarities between Romanian and Albanian» (*Alex Drace-Francis 2013*). *Эти языковые сходства были обнаружены автором «на месте».*

Основные труды Г. Вайганда (1860–1930) – «Die Sprache der Olympo-walachen, nebst einer Einleitung über Land und Leute» (1888), «Vlachom-glen. Eine ethnographisch-philologische Untersuchung» (1892), «Linguistischer Atlas des dacorumänischen Sprachgebiets» (1908), «Ethnographie Makedoniens» (1923) носят явственный отпечаток «работы на местности».

К. Иречку (1854–1918), мы, среди прочего, обязаны линией («дорогой»), разделившей балканское пространство на «латинскую» и «греческую» половины – и тем самым одновременно объединившей каждую из них, являющуюся «в самой себе» весьма «разнообразной». Особое значение для нас в данном случае имеют его «Путешествия по Болгарии» («*Cesty po Bulharsku*», 1888), которые сам автор определял как «взгляд любознательного путешественника и наблюдателя» (балканистический взгляд, добавим мы).

Насколько важными представляются такого рода непосредственные свидетельства, можно проиллюстрировать следующим примером из биографии А.М. Селищева (1886–1942): «Летом 1914 г. Селищев получил возможность провести на Балканах около двух месяцев. Это была лишь предварительная поездка, после которой должна была быть длительная командировка. Война и последующие события не дали возможности вновь побывать ученому на Балканах. Итак, все свои силы он посвятил изучению района, где ему удалось быть всего один раз, да и то совсем недолго. Однако редкое упорство и настойчивость дали возможность Селищеву так глубоко проникнуть во все стороны жизни, быта и языка местного населения, привлечь такое количество самого разнообразного и неизвестного материала, обнаружить такую глубокую эрудицию в области балкановедения, что многие сторонние исследователи были убеждены, что Селищев не только много раз посещал Балканы, но и что он там живет» (Бернштейн 1987). Действительно, уже сами названия его трудов «Полог и его болгарское население. Исторические, этнографические и диалектологические очерки северо-западной Македонии» (1929), «Славянское население в Албании» (1931) создают впечатление итогов полевых исследований.

В.Н. Топоров когда-то высказал предположение, что идеи Н.С. Трубецкого относительно балканского языкового союза могли возникнуть во многом благодаря тому, что его эмиграция началась с Болгарии (1920–1923), т. е. что, в каком-то смысле, питательной средой явилось его (вынужденное) путешествие на Балканы. Так ли это было, или в данном случае в предположении В.Н. играла роль укорененная мысль о самодовлеющей роли *места* (и связанного с ним *пути – путешествия*), сказать, конечно, нельзя. Но все же, как кажется, и здесь можно видеть ту же связь науки «балканистика» с путешествием по Балканам. Собственно говоря, и методы ареальной типологии, лингвистической географии, картографирования, которые, конечно, Балканами не ограничиваются, именно на Балканах дают чрезвычайно яркие результаты. Поэтому столь жива и плодотворна идея Балканского лингвистического атласа, своего рода балканского лингвистического корпуса (и не только лингвистического, ср., в частности, изопрагмы Н.И. Толстого), «положенного на пространство».

Вспоминается, с каким энтузиазмом основательница петербургской балканистики А.В. Десницкая рассказывала о своих впечатлениях от балканского базара: попав в необыкновенную смесь языков и диалектов (не говоря уже об этнографической стороне картины), она ощутила себя в центре «балканистических процессов» *in motu*, когда, чуть ли не на глазах, происходит смешение и объединение *разного*.

Udhët janë dojet e tokës «Дороги – это жилы земли» говорится в «Kanuni i Lekë Dukagjinit». В балканских загадках дороги, оплетающие пространство, сравниваются с *лентами, плетями арбуза, свивальником, кишками быка* и т. п., протянутыми между домами; румынское обозначение дороги *de la noi și pîna la voi* ‘от нас и до вас’ указывает на возможность соединения крайних точек/объединения *нас* и *вас*, *своего* и *чужого / иного*.

Повторим: балканское пространство пронизано лабиринтными дорогами. Они призывают в путешествия в пространстве и времени («сад расходящихся тропок»), в том числе (a sub specie балканистики, может быть, в первую очередь) – в путешествия лингвистические.

Литература

Drace-Francis 2013 – *A. Drace-Francis. The traditions of invention. Romanian ethnic and social stereotypes in historical context. Leiden – Boston, 2013.*

Бернштейн 1987 – *С.Б. Бернштейн. А. М. Селищев – славист-балканист. М., Наука, 1987.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Татьяна Владимировна Цивьян.
Избранная библиография
по балканистике за 2007–2016 гг.¹

МОНОГРАФИИ

1. Модель мира и ее лингвистические основы. Изд. 5, испр. и доп. М., 2016. 326 с.

Цель данной книги – показать, как в языке отражается модель мира, как она влияет на язык и как система языка влияет на формирование представлений о мире. Анализ структуры текстов разных жанров и времен помогает установить связь между культурно-историческими и мифопоэтическими смыслами, вложенными в модель мира. Сопоставление балканских традиций (балканская модель мира) с небалканскими позволяет увидеть единство разного и многообразие одинакового. Основой всех построений и выводов является язык – универсальный код модели мира.

2. Язык: тема и вариации. Избранное. В 2 кн. М.: Наука, 2008. Кн. 1: 316 стр. Кн. 2: 390 стр.

В книге собраны труды автора, написанные за более чем 40 лет научной деятельности. Преимущественное место отдано основной специальности автора: балканистике, анализу лингвистических основ балканской модели мира. Применение семиотических методов и методов лингвистики текста нашло отражение в цикле работ по анализу художественного текста, словесного и несловесного (особое место занимает русская литература XX в.). Разнообразие тем, языков, традиций, эпох находит оправдание в единстве подхода – теоретического (общий взгляд на представления человека о мире и о себе самом) и практического (методология).

¹ Продолжение библиографии: Татьяна Владимировна Цивьян. Избранная библиография по балканистике // TERRA BALKANICA / TERRA SLAVICA. К юбилею Т.В. Цивьян. Балканские чтения 9 / Т.М. Николаева (отв. ред.), Т.Н. Свешникова, И.А. Седакова. М.: Институт славяноведения РАН, 2007. С. 189–201.

СОСТАВЛЕНИЕ и ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ

3. Николай Михайлов. История славянской мифологии в XX веке. Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. – 344 стр.

Книга представляет собой перевод со словенского языка незавершенной книги Н.А. Михайлова (1967–2010) «ZGODOVINA SLOVANSKE MITOLOGIJE V XX. STOLETJU». Н.А. Михайлова интересовала тема первичных и вторичных («кабинетная мифология») источников славянской мифологии. Книга включает серию кратких очерков о трудах крупнейших ученых XX века, занимавшихся славянской мифологией, – Е.В. Аничков, В. Мансикке, А. Брюкнер, Л. Нидерле, В. Чайкановиче, Б. Унбегауне, В. Пизани, Р.О. Якобсоне, Вяч.Вс. Иванове и В.Н. Топорове, Н.И. Толстом и др. В приложении публикуются избранные работы Н.А. Михайлова по славянской мифологии и библиография его трудов. Книга адресована специалистам по мифологии и славянским древностям, а также широкому кругу читателей, интересующихся традиционной духовной культурой славян.

СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ и ХРОНИКИ

4. Галина Петровна Клепикова – балканист // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 188–195.
5. Подношение к юбилею Татьяны Михайловны Николаевой // Славяноведение, № 5, 2008. С. 221–223.
6. Вступление к либретто: А. Сюмак. Станция. Опера в шести действиях // Territoria. Искусство сейчас. М., 2008.
7. Об этой книге // Константинос Кавафис. Полное собрание стихотворений. М.: ОГИ, 2009. С. 18–23.
8. Бродский и Кавафис // Константинос Кавафис. Полное собрание стихотворений. М.: ОГИ, 2009. С. 466–479.
9. On the Russian Hypostasys of the Black Arab and its Evolution // The Black Arab as a Figure of Memory / Interpretations. Vol. 3. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Art, 2009. P. 53–71.
10. Переходы и перемены. «Песня о мертвом брате» vs. «Кто привез Дорунтину» Исмаила Кадаре // Переходы. Перемены. Превращения. Балканские чтения 10. Тезисы и материалы / И.А. Седакова (отв. ред.), М.М. Макарец, С.А. Сиднева, Т.В. Цивьян (ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 177–180.

11. Из истории наших конференций // Мартеница. Mărtișor. Март'с. Veroge...: Материалы Круглого стола 25 марта 2008 года / И.А. Седакова (отв. редактор). М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 6–12. (В соавторстве с И.А. Седаковой)
12. Многоликий балканский Март // Мартеница. Mărtișor. Март'с. Veroge...: Материалы Круглого стола 25 марта 2008 года / И.А. Седакова (отв. редактор). М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 48–52.
13. Глагольные системы балканских языков sub specie дейксиса // Глаголната система на балканските езици – наследство и неология. Велико Търново: Faber, 2010. С. 7–15.
14. Богини изваянье // Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею Вяч.Вс. Иванова. М. 2010. С. 460–476.
15. Великая река как мост культурных взаимодействий // Родина, № 11, 2010. С. 57–61.
16. Балканский свет и цвет в мозаиках Газанфера Байрама // Балканские чтения 11. Балканский спектр: от света к цвету. Тезисы и материалы. 22–24 марта 2011 года. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 128–132.
17. Окно – глаз (к антропоморфизации дома) // Традиционная культура, № 2, 2011. С. 19–23.
18. Снова о языковых союзах, снова о Николае Сергеевиче Трубецком // Лексика, этимология, языковые контакты. К юбилею доктора филологических наук, профессора Джой Иосифовны Эдельман. М., Тезаурус, 2011. С. 259–267.
19. Вербная тема в русской литературе XX в.: мерцающая мифология (Несколько примеров) // Славянский и балканский фольклор. Вып. 11: «Виноградье». М., 2011. С. 331–342.
20. Языковые союзы и балканизмы сегодня: вспоминая Н.С. Трубецкого // *Balkanisms today / Balkanologie, Beiträge zur Sprach- und Kulturwissenschaft, vol.4 / Thede Kahl, Michael Metzeltin und Helmut Schaller (Hrsgb.)*. Münster, Wien, London, New York: LIT-Verlag, 2012. С. 13–19.
21. Impressions, Газанфер (медленное чтение) // Културен живот, № 1–2, 2011. Скопје. С. 36–41.
22. Provë trualli в албанской традиции и связь дома с землей // Албанская филология, балканистика, проблемы языкознания. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Агнии Васильевны Десницкой. 27–30 сентября 2012 г. СПб: Нестор-История, 2012. С. 104–106.

23. К амбивалентности зеленого цвета // Троица. Rusalii. Певтѣкоштѣ. Rgřshajět... К мотиву зеленого в балканском спектре: Материалы круглого стола 17 апреля 2012 года / М.М. Макарец (отв. ред.), Д.С. Ермолин, И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. М.: Институт славяноведения, 2013. С. 100–105.
24. Noli me tangere: заметки об осязании // Балканские чтения 12. Балканская картина мира sub specie пяти человеческих чувств / М.М. Макарец, И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. М.: Институт славяноведения, 2013. С. 83–87.
25. Слово от филолога. Комментарий к драме Д. Яламаса «Носферату» // Д. Яламас. Носферату. Опера в 3-х действиях. Либретто. М.: Языки славянских культур, 2015. С. 15–18.
26. Предложения к «Балканскому тезаурусу»: дейктическая составляющая // Балканские чтения 13. Балканский тезаурус: начало. Тезисы и материалы. Москва 7–9 апреля 2015 года / М.М. Макарец, И.А. Седакова, Т.В. Цивьян. М.: Институт славяноведения, 2015. С. 117–119.
27. Как например на А // Поздравительный сайт А.А. Зализняку, апрель 2015. Электронная публикация: <http://inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Civjyan.pdf>, проверено 30.03.2017.
28. Балканские партикулы как звуковые (языковые) жесты // Балканските езици, литератури култури. Дивергенция и конвергенция / П. Асенова, Р. Станчева, В. Алексова, Р. Бейлери (съст.). София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2015. С. 13–19.
29. «Балканский тезаурус»: начало и начала // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 1. Январь–февраль 2016. С. 98–116. (В соавторстве с: И.А. Седакова, М.М. Макарец.)
30. Семиотика и балканистика // Е. Димитров. Като на изповед. Руски беседи. София, 2016. С. 155–164.
31. «Какво е камък?» // Балканското езикознание днес. Сборник в чест на 75-годишния юбилей на проф. д.ф.н. Петя Асенова. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски» 2016. С. 31–38.
32. Об этой книге и ее авторе // П. Асенова. Сборник статей. София, 2016. С. 3–5.

БАЛКАНСКИЙ ТЕЗАУРУС:

ВЗГЛЯД НА БАЛКАНЫ ИЗВНЕ и ИЗНУТРИ

БАЛКАНСКИЕ ЧТЕНИЯ 14

ТЕЗИСЫ И МАТЕРИАЛЫ

Москва, 18–20 апреля 2017 года

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Оригинал-макет *А. С. Старчеус*

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

16,0 п. л.